

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 4 (28)

Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год

Москва
2017

VESTNIK
MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES
LEGAL SCIENCES

№ 4 (28)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Борисова Н.Е.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ефимова О.В.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ростокинский А.В.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Чурилов С.Н.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
<i>Безносикова О.И.</i>	ответственный редактор Юридического института МГПУ

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	8
Права человека: теория и практика реализации	
<i>Павленко Е.М.</i> Соотношение культуры прав человека и политической культуры	9
Государство и право: теоретические и исторические аспекты	
<i>Головина А.А.</i> Конфликт правовых идей и концепций в странах постсоветского пространства	21
<i>Дорская А.А.</i> Символы зла в истории российского права	32
<i>Звонарев А.В., Пашенцев Д.А.</i> Законодательная деятельность Временного правительства в области народного образования	42
<i>Минникес И.В.</i> Форма сделки: историко-правовой анализ	50
<i>Ростиславлев Д.А.</i> Конституционный проект французских эмигрантов-роялистов 1794 г.	59
<i>Честнов И.Л.</i> Интерпретативная природа реализации права	67
Публичное право	
<i>Афанасьева С.А.</i> Основные проблемы функционирования политической системы современной России	73
<i>Васильев И.А.</i> Сетевая реализация образовательных программ партнерствами Европейского института инноваций и технологий	81
<i>Ившина И.Н.</i> Формирование органов государственной власти субъектов федерации как этап федерализации	96

Частное право

- Позднякова Е.А.* Размер суммы задолженности как основание признания гражданина банкротом: вопросы теории и судебной практики104

Трибуна молодых ученых

- Соломатина Е.В.* Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания услуг, связанных с предоставлением облачных вычислений..... 114
- Семионкина Н.Г.* Особенности правового регулирования общественного призрения в Российской империи.....124

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2017, № 4 (28).....130**

- Требования к оформлению статей134**

CONTENTS

On Behalf of the Editor — in Chief	8
---	---

Human Rights: the Theory and Practice of Implementing

<i>Pavlenko E.M.</i> Correlation between Culture of Human Rights and Political Culture.....	9
---	---

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Golovina A.A.</i> Conflict of Legal Ideas and Concepts in the Post-Soviet Countries	21
<i>Dorskaya A.A.</i> The Symbols of the Evil in the History of Russian Law.....	32
<i>Zvonarev A.V., Pashenczev D.A.</i> Legislative Activity of the Provisional Government in the Field of Public Education.....	42
<i>Minnikes I.V.</i> Transaction Form: Historical and Legal Analysis	50
<i>Rostislavlev D.A.</i> The Constitutional Project of the French Royalist Emigrants in 1794	59
<i>Chestnov I.L.</i> Interpretative Nature of the Implementation of Law	67

Public Law

<i>Afanasyeva S.A.</i> The Main Problems of Functioning of the Political System in Present-Day Russia	73
<i>Vasiliev I.A.</i> Network Implementation of Educational Programs by European Institute of Innovation and Technology	81
<i>Ivshina I.N.</i> Formation of Public Authorities of the Subordinate Entities of the Federation as a Stage of Federalization	96

Private Law

<i>Pozdnyakova E.A.</i> The Amount of the Debt as the Basis for Declaring a Citizen Bankrupt: Issues of Theory and Judicial Practice.....	104
---	-----

Tribune of Young Scientists

<i>Solomatina E.V.</i> Civil and Law Regulation of Relations in Providing Services Related to Cloud Computing.....	114
<i>Semionkina N.G.</i> Features of Legal Regulation of Public Assistance in the Russian Empire	124

The Authors of MCU Vestnik Authors,

Series «Legal Sciences», 2017, № 4 (28).....	130
---	------------

Style Sheet.....	134
-------------------------	------------

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уходящий 2017 год стал годом столетия революционных событий, которые потрясли нашу страну в 1917 г. и на долгие годы определили ее последующее развитие.

Февральская революция 1917 г. прервала многовековую традицию монархической формы правления в России. На смену монархии пришла республика, столь непривычная и нетипичная для истории нашей государственности. Временное правительство, которое находилось у власти менее года, попыталось провести демократические преобразования, предоставило гражданам целый ряд прав и свобод. Одним из мероприятий Временного правительства стала попытка провести реформу образования, и этому посвящена одна из статей предлагаемого читателям номера.

В октябре 1917 г. произошла еще одна революция, которая привела не только к формированию нового правительства, но и к новой смене парадигмы государственного развития.

Октябрьская революция оказала влияние на все сферы жизни общества, включая сферу права. Ее результатами стало последующее принятие первой в нашей стране конституции — Конституции РСФСР 1918 года. В последующие годы была проведена масштабная кодификация нового советского законодательства. Сформировались новые отрасли права: семейное, трудовое, земельное, лесное право и другие. Утратило на долгие годы свое значение разделение права на публичное и частное. В сфере правового регулирования общественных отношений возникли новые стандарты, которые в последующем были восприняты многими другими государствами (8-часовой рабочий день, право на труд и право на отдых, запрет труда малолетних, свобода заключения брака и свобода развода, государственная система социального обеспечения населения и т. д.).

Сегодня, по прошествии целого века, появилась возможность переосмыслить с новых идейных и методологических позиций значение революционных событий 1917 г. и всего советского юридического наследия. В связи с этим редакция обращается к своим авторам с пожеланием присылать интересные статьи, посвященные важным аспектам развития права и государства в советский период.

Д.А. Пашенцев

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Е.М. Павленко

Соотношение культуры прав человека и политической культуры

Статья посвящена проблеме соотношения и взаимного влияния культуры прав человека и политической культуры. Автор рассматривает их с точки зрения системного методологического подхода как две сложные и взаимосвязанные системы, по отношению к которым метасистемой выступает духовная культура. Анализируя сходства и различия данных категорий, автор приходит к выводу о том, что культура прав человека отражает ценности прав и свобод человека в политической культуре, а наиболее тесная их взаимосвязь осуществляется через политическое сознание.

Ключевые слова: культура прав человека; права человека; политическая культура; политические ценности; политическое сознание.

Культура прав человека как научная категория и явление общественной жизни вызывает интерес у современных отечественных и зарубежных исследователей. Она представляет собой систему взаимосвязанных и образующих целостность элементов (рационального, аксиологического, психологического и прагматического), а также самостоятельную часть другой, более сложной системы — духовной культуры, наряду с такими подсистемами, как правовая, политическая, нравственная, религиозная, экологическая культуры. Познание культуры прав человека наиболее эффективно вести с точки зрения системного методологического подхода, который предполагает не только выявление множества ее элементов, взаимодействующих между собой, и исследование характера связей между ними, но и анализ внешних связей, определение ее роли во взаимодействии с другими подсистемами.

В рамках настоящей статьи целесообразно рассмотреть соотношение и взаимное влияние культуры прав человека с такой подсистемой духовной культуры, как политическая культура. Культура прав человека находится в тесном взаимодействии со всеми подсистемами, указанными выше, оказывает на них влияние и отражает в них категорию «права человека». Ранее

автор настоящей статьи уже обращался к анализу соотношения культуры прав человека и правовой культуры. И пришел к выводу о том, что и правовую культуру, и политическую культуру общества, социальных групп и индивида в современных условиях невозможно рассматривать вне контекста прав человека. При этом с методологической и практической точек зрения исследование соотношения культуры прав человека и политической культуры, а также их взаимного влияния имеет важное значение.

подавляющее большинство современных ученых блока гуманитарных и общественных наук рассматривают политическую культуру именно как элемент духовной культуры. Так, например, Н.А. Баранов пишет: «...являясь частью духовной культуры народа, она включает в себя те элементы последней, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами, вследствие чего общекультурные проблемы в обществе влияют на формирование современной политической культуры» [1: с. 203–204]. Данную позицию разделяет О.Ф. Шабров, описывая духовные основы и особенности политики России [25: с. 155–158]. А Г.Т. Тавадов отмечает: «Политическая культура — это составная часть духовной культуры общества, она неразрывно связана с ее другими сферами... с правовой культурой, нравственностью, идеологией» [20: с. 202].

Политическая культура — категория не менее сложная, чем правовая культура. Она представляет собой пласт духовной культуры, который отражает деятельность индивида, социальных групп и общества в политической сфере общественной жизни. С позиций теории культуры она может быть понята как «высокая степень цивилизованности политической деятельности..., реализованность ценностей культуры в политической деятельности и политических отношениях, реальная демократизация в сфере политики» [22: с. 203].

В общей концепции настоящей статьи следует рассматривать политическую культуру как еще одну многомерную и многофункциональную систему, которая характеризуется сложной внутренней взаимосвязью элементов и многочисленными связями с внешней средой и по отношению к которой духовная культура является метасистемой.

В современной зарубежной и отечественной науке начиная с 50–60-х годов XX века и до настоящего времени выработаны основные методологические подходы к понятию, сущности и структурным элементам политической культуры. Однако многие вопросы в науке остаются неисследованными и даже непоставленными. К числу таких вопросов как раз относится взаимосвязь и соотношение политической культуры и культуры прав человека.

При этом следует отметить попытки правоведов и политологов рассмотреть различные аспекты соотношения и взаимовлияния политической и правовой культуры [8; 10; 11; 15; 21]. Например, М.Н. Марченко, характеризуя правовую культуру как составную часть общей культуры, совершенно справедливо отмечает: «Будучи органически связанной и взаимодействующей с политической и другими разновидностями общей культуры, правовая

культура выступает в качестве своеобразного мерила и показателя уровня правового развития и правового состояния общества, а также степени готовности общества и его членов к дальнейшему позитивному развитию и восприятию новых правовых актов и идей, умений и навыков, к формированию и закреплению новых, прогрессивных правовых ориентаций» [9: с. 57]. А В.А. Зимин, рассматривая политическую культуру как особую часть общей культуры определенного общества, при этом относит к ее особенностям среди прочего «правовой нигилизм» [5: с. 107], тем самым подчеркивая зависимость политической культуры от уровня сформированных в обществе правового сознания и правовой культуры.

Следует также отметить, что и сама политическая культура как явление общественной жизни нуждается в дальнейшем осмыслении. Более того, современные политологи все чаще заявляют о необходимости кардинальной модернизации политической теории, поскольку она не всегда учитывает новые социально-экономические, культурные и политические реалии начала XXI века. А.Б. Шатилов и Р.А. Кобицкой утверждают: «...современная политология явно требует укрепления своей теоретической и прикладной базы, обновления подходов к догматике прошлого и формирования новых подходов к анализу настоящего и будущего» [26: с. 117].

Большой вклад в разработку теории политической культуры внесли отечественные ученые — политологи, правоведы, философы и социологи: Б.А. Александров, А.И. Арнольдов, Г.П. Артемов, А.С. Ахиезер, С.А. Бабаев, Е.М. Бабосов, Э.Я. Баталов, Ф.М. Бурлацкий, К.С. Гаджиев, В.Я. Гельман, В.Г. Графский, А.И. Демидов, С.В. Дубровская, В.А. Зимин, Б.Г. Капустин, Н.Г. Карнишина, Н.М. Кейзеров, Л.Н. Коган, Е.Г. Комаров, В.И. Костенко, О.В. Мартышин, О.Ю. Малинова, А.В. Малько, Л.С. Мамут, В.М. Межуев, Е.В. Морозова, О.В. Мушинский, М.М. Назаров, В.Ф. Пеньков, Ю.С. Пивоваров, В.О. Рукавишников, Н.М. Сирота, В.А. Тихонова, Ю.А. Тихомиров и многие другие.

Среди оформившихся подходов к определению сущности политической культуры следует отметить субъективистский, ценностно-поведенческий, деятельностный и другие. В современных отечественных исследованиях часто можно встретить сочетания данных подходов, особенно при изучении структуры политической культуры, анализе ее функций и той роли, которую она играет в процессе развития и модернизации российского общества. Так, например, Е.В. Морозова выделяет три подхода к исследованию политической культуры: 1) субъективистский, при котором культура прошлых лет оценивается как основной фактор в формировании сегодняшней культуры; 2) поведенческий, который опирается на методы точных наук (социологическая выборка, интервьюирование, статистические и математические методы); 3) интерпретационный, который был призван переориентировать науку о политической культуре с анализа политических систем как отражения поведения к их восприятию как комплексов идеальных и реальных образцов [12: с. 40–41].

Основные методологические подходы к исследованию данной категории в отечественном научном дискурсе и проблему ее идеологизации в публичном дискурсе детально рассматривает О.Ю. Малинова [7]. В частности, она обращает внимание на психологический и социетальный подходы. Для сторонников первого подхода политическая культура — «интерсубъективный феномен», второго — «свойство социальных коллективов, укорененное в исторически обусловленных социальных практиках и репертуарах смыслов» [7: с. 108–109].

Анализируя сложившиеся направления изучения политической культуры в зарубежной и отечественной политологии и отмечая современный интерпретационный подход, при котором исследователи рассматривают данную категорию через призму социальных изменений, В.Ф. Пеньков указывает на «необходимость осмысления всего комплекса политических проблем в их культурологическом и аксиологическом измерениях» [13: с. 34–35].

Безусловно, множественность методологических подходов к определению сущности политической культуры и основанный на них инструментарий современных исследований доказывают многогранность и многоплановость политической культуры как научной категории и явления общественной жизни. Однако наиболее близким автору настоящей статьи методологическим подходом к политической культуре является ценностно-поведенческий подход, сторонники которого рассматривают политическую культуру сквозь призму транслируемых и лежащих в ее основе политических ценностей, влияющих на модели поведения людей и на трансляцию политического опыта. Так, например, по мнению А.И. Демидова и А.В. Малько, политическая культура представляет собой систему «исторически сложившихся, относительно устойчивых ценностей, установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности» [4: с. 156].

Политические ценности являются разновидностью социальных ценностей и основным элементом политического сознания. Одним из первых отечественных политологов, которые стали использовать категорию «политические ценности», был В.П. Тугаринов. «Ценности — это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов, а также идеи и их побуждения в качестве нормы, цели и идеала» [23: с. 92]. Наряду с материальными и духовными ценностями он выделял социально-политические, к которым относил: общественный порядок, мир, безопасность, свободу, равенство, справедливость, человечность [23: с. 277].

А.В. Селезнева рассматривает политические ценности как «политические убеждения и цели индивидуума или общества, отражающие в их сознании устойчивую положительную значимость тех или иных смыслов, принципов и явлений и являющиеся ориентирами в мире политики» [18: с. 43]. По мнению автора, политические ценности существуют в двух основных формах:

1) групповые политические ценности — выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в политической сфере общественной жизни; 2) персональные политические ценности — когнитивные конструкты в структуре личности, определяющие ее отношение к политическим событиям, явлениям и процессам, а также практическую реализацию общественно-политических идеалов в своем поведении и деятельности.

А.В. Селезнева выделяет ряд присущих политическим ценностям черт: 1) составляют ядро политического сознания личности; 2) они относительно немногочисленны, характеризуются прежде всего своей отвлеченностью, абстрактностью и иерархической упорядоченностью; 3) существуют не изолированно, а в виде систем, которые отличаются от установок и представлений своей относительной стабильностью, 4) носят стереотипизированный характер, как правило, более устойчивы к воздействиям изменений политического контекста жизни [18: с. 43].

Данную точку зрения разделяют многие авторы, например, В.Ф. Пеньков, О.И. Коврикова, А.А. Дьяконов отмечают: «Политическая ценность есть ценность нематериальная и представляет собой некий социальный идеал. При этом речь идет о ценностях общественных и личных» [14: с. 97]. Эти авторы выделяют в качестве присущих для общественных ценностей следующие черты: 1) строгую иерархичность; 2) несинхронность усвоения различными группами людей и целыми поколениями; 3) конфликтогенность; 4) необязательность совпадения социальных ценностей государства и гражданского общества [14: с. 97].

Анализируя сущность категории «политическая ценность», О.В. Степанищенко пишет: «“Политические ценности” представляют собой сложный конструкт, который целесообразно рассматривать, по крайней мере, на двух уровнях формирования — микро- и макросоциума. На уровне микросоциума политические ценности представляют собой одну из подсистем социальных ценностей — комплекса целей, установок, идеалов в сфере общественных и социально-политических отношений, отражающих интересы и потребности конкретной социальной группы (партии, класса, общественной группы и т. п.). Переходя на более высокий уровень макросоциума, в первую очередь — государства, система политических ценностей трансформируется в систему идеологическую. Идеологии присущи всем без исключения макросоциумам, что подтверждает их объективную природу. Более того, именно на этом уровне наиболее отчетливо проявляются функции политических ценностей — конституирующая, ориентирующая, нормативная, объединяющая, обеспечивающая сохранение и устойчивость данной социальной системы» [19: с. 290].

Таким образом, поскольку политические ценности являются особым феноменом и затрагивают не только характеристику политического сознания индивида, социальной группы и общества в целом, но и государственную идеологию, возникает вопрос: вписываются ли они в систему общечеловеческих ценностей

и как они соотносятся с ценностью уважения человеческого достоинства, прав и свобод человека?

По мнению В.Ф. Пенькова, О.И. Ковриковой, А.А. Дьяконова, «феномен “общечеловеческих ценностей” не предполагает включение в число высших ценностей аксиологических компонентов политического толка. Это объяснимо тем, что “сердцевину” политических ценностей составляют власть и властные отношения, которые в свою очередь ассоциируются с принуждением и насилием» [14: с. 96].

Такая позиция не лишена оснований, особенно если учесть, что в массовом сознании россиян политика ассоциируется с «грязным делом», с коррупцией и достижением представителями политической элиты только своих личных интересов. Да и сами политологи часто отмечают элитарный характер политики и, соответственно, политической культуры. Например, А.А. Борисенков пишет о лицах, профессионально занимающихся политикой, «только они имеют возможность реально приобщиться к политической культуре, освоив особую функцию в системе жизнедеятельности политического организма. Только они, войдя в состав политического института, получают возможность реально участвовать в политическом процессе и принимать руководящие решения. Только они осуществляют своими действиями содержащуюся в политическом институте политическую культуру, приобретая попутно индивидуальную культуру такого осуществления» [2: с. 158].

Однако следует заметить, что ни власть, ни политические элиты, ни конкретные лидеры не смогут обойтись без реальной поддержки народных масс, различных социальных слоев, представителей институтов гражданского общества. А значит, транслируемые ими ценностные установки должны находить отклик в массовом политическом сознании, что, конечно, не исключает попыток манипулирования им. Безусловно, такие общепризнанные ценности, как мир, безопасность, свобода, справедливость, которые рассматриваются современными политологами как политические, находят отражение в политике Российской Федерации и отражают чаяния масс.

В то же время, как совершенно справедливо отмечает А.В. Попов, «именно политика способна временами очень больно, а порой и смертельно затронуть фундаментальные ценности и жизненные интересы огромной массы людей. И вот в такие судьбоносные моменты политические проблемы выдвигаются на первый план и становятся предметом всеобщей заинтересованности» [17: с. 16]. То же самое можно сказать и о ценности прав и свобод человека, которая неоднократно была положена в основу многих политических идей и лозунгов. Речь идет не только о группе политических прав и свобод (праве на участие в управлении делами государства, праве избирать и быть избранным, праве на участие в референдуме, свободе слова, свободе собраний, праве на участие в объединениях и т. п.), реализация которых предполагается в политической сфере. Необходимо обратить внимание в целом на идею прав человека, конституционно закрепленную в современной России, которая

по оценкам современных исследователей практически превратилась в миф на государственном уровне.

Права и свободы человека стали предметом политической демагогии, инструментом политических спекуляций, средством манипулирования общественным сознанием. С высоких трибун неоднократно делались заявления о том, что права человека являются стабилизирующим, объединяющим фактором в современном мире, что идея прав человека может лечь в основу консолидации современного российского общества. Эти заявления, безусловно, позитивны, носят идеологическую окраску, вселяют в массы надежду, мечту и некую уверенность в завтрашнем дне. Однако реальность, связанная с обеспечением, соблюдением и защитой прав человека органами государственной власти, местного самоуправления и конкретными должностными лицами, не подтверждает данных чаяний и надежд.

В то же время концепция прав человека должна быть ядром идеологии и практики демократического переустройства общества, поскольку отражает гуманизацию всех сфер общественной жизни. Демократический тип политического сознания предполагает приверженность идеалам демократии, в том числе идее уважения человеческого достоинства, соблюдения прав и свобод. Благополучие любой страны зависит от позиции самих граждан, их политико-правовой активности, ответственности за выбор и понимания сопричастности к судьбе своей Родины и будущему своих потомков. И, безусловно, от политики государства, направленной в том числе на выполнение базовой обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

Абсолютно прав М.М. Утяшев, который пишет: «...если Российской Федерации необходима национальная идея, господствующая идея, нет ничего более мудрого, разумного, полезного для общественного блага и благополучия граждан, чем провозглашение таковыми уважение, обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Нет и не может быть у государства более важной, более насущной задачи, чем эта. А решая эти проблемы, государственная власть соединит энергию масс, направит их в сознательное русло, удовлетворяя частные интересы, повышая благосостояние конкретных людей, она добьется эффективного и поступательного движения всей страны к благополучию и цивилизованности» [24: с. 1250].

Большинство современных политологов полагают, что в основе политической культуры находятся не просто политические ценности, а «ценностно-нормативные комплексы» [16: с. 141]. Так, например, О.В. Гаман-Голутвина отмечает, что структура политической культуры может быть представлена единством трех составляющих ее элементов: когнитивно-эмоционального, нормативно-ценностного и деятельностного. При этом ее ядром является именно нормативно-ценностный компонент — система политико-идеологических ценностей и норм, регулирующих политическое поведение и политические отношения в целом [3]. Схожую позицию занимают Н.И. Исмайллов

и С.Ф. Юсифов, которые пишут: «...политическая культура — это ценностно-нормативная система общепринятых большинством населения основных политических ценностей и идеалов, которая находит свое выражение в политической культурности и предполагает у субъекта наличие глубоких политических и юридических знаний, четкой политической линии и моральных убеждений» [6: с. 26].

Таким образом, политическая культура — сложная научная категория и явление общественной жизни. Она представляет собой многогранную систему, состоящую из множества разноплановых элементов, находящихся во взаимодействии. Ее специфика заключается в том, что она сама является важным элементом политической системы и отражает характер политико-властных отношений в государстве и обществе. Поэтому *политическую культуру* следует определить как *особый вид духовной культуры, представляющий собой сложную систему политических ценностей, отражающих особенности развития политической сферы и опосредующих политическую деятельность государства и общества, отдельных социальных групп и личности.*

Одним из ключевых элементов политической культуры является политическое сознание. Именно через него прослеживается наиболее тесная связь и взаимное влияние политической культуры и культуры прав человека. Как уже было сказано выше, культура прав человека отражает в других пластах духовной культуры категорию «права человека», в том числе и в политической культуре. Высокий уровень современной политической культуры предполагает развитое политическое сознание, ориентированное на такие политические ценности, как свобода и справедливость, находящие отклик в идее прав человека. Осознанные идеи уважения человеческого достоинства, соблюдения прав и свобод, ответственности за свой выбор побуждают личность и социальные группы к действиям в политической сфере, в том числе по реализации политических прав и свобод. Особенно ярко это проявляется в демократическом типе политического сознания.

Таким образом, политическая культура и культура прав человека находятся во взаимодействии. Их соотношение проявляется и в сходстве отдельных элементов, и в различиях. В качестве объединяющих черт можно отметить следующее:

1. Обе категории являются составными элементами духовной культуры и, как уже было сказано выше, оказывают влияние на духовное развитие конкретной личности и общества в целом, воздействуя на изменение ценностных установок и мировоззрения.

2. Обе категории имеют непосредственное отношение к оценке прав и свобод человека и сосредоточены на взаимоотношениях государства (власти) и личности. Гарантированные государством политические права и свободы человека и гражданина представляют собой возможности личности индивидуально или коллективно принимать участие в осуществлении государственной власти и во всех политических процессах, то есть реализоваться в политике. Поскольку человек, его права и свободы признаны высшей ценностью в Российской

Федерации и являются ядром ее политической идеологии, политическая культура также отражает отношение к данной ценности индивида, социальных групп и общества в целом, ее поддержку или, наоборот, отрицание.

3. Обе категории представляют собой систему взаимосвязанных элементов, имеют многоуровневую структуру. При этом общими элементами будут знания и представления о правах и свободах. В случае соотнесения демократического типа политической культуры и культуры прав человека таких общих элементов будет существенно больше, прежде всего аксиологических.

Безусловно, политическая культура и культура прав человека как научные категории имеют существенные различия:

1. Политическая культура представляет собой категорию, рассматриваемую прежде всего в рамках политологии, хотя современная политология включает такие направления, как политическая психология, политическая аксиология и т. п. Однако политическая культура отражает прежде всего отношение человека, социальных групп и общества к политической сфере, к публичной власти, что, безусловно, сближает ее с правовой культурой. Культура прав человека является еще более комплексным понятием, отражающим состояние духовной жизни в целом, включает разные его компоненты, поэтому ее исследование лежит в плоскости междисциплинарного научного подхода;

2. Культура прав человека связана с оценкой абсолютно всех аспектов и сторон прав и свобод человека, а политическая культура ограничена оценкой реализации прав человека в сфере политики и отражением идеи уважения человеческого достоинства в идеологической плоскости;

3. Несмотря на то, что обе категории отражают отношение к взаимодействию власти и личности, политическая культура существенно выходит за эти рамки, отражая отношение к разнообразным политическим явлениям и процессам.

Таким образом, политическая культура и культура прав человека представляют собой сложные системы в системе духовной культуры. Они имеют общие черты и взаимно влияют друг на друга. Культура прав человека отражает ценности прав и свобод человека в политической культуре.

Литература

1. Баранов Н.А. Политическая культура России: традиции и современность // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2015. Т. 28. С. 203–204.

2. Борисенков А.А. Политическая культура: сущность, виды и закон // PolitBook. 2015. № 1. С. 146–164.

3. Гаман-Голутвина О.В. Политическая культура как компонент культуры // Теоретическая культурология. М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, РИК, 2005. 624 с. С. 182–192.

4. Демидов А.И., Малько А.В. Политология в вопросах и ответах. М.: Юрист, 1998. 168 с.

5. Зимин В.А. Состояние и развитие политической культуры российского общества // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2016. № 8. С. 102–108.

6. *Исмайлов Н.И., Юсифова С.Ф.* Политическая культура как составная часть общей культуры // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 61. С. 2–26.
7. *Малинова О.Ю.* Политическая культура в российском научном и публичном дискурсе // Полис. Политические исследования. 2006. № 5. С. 106–128.
8. *Мартышин О.В.* О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 24–30.
9. *Марченко М.Н.* Правовая культура как социологическая категория // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 2. С. 45–61.
10. *Матвеев Р.Ф.* Политология и наука права в XXI веке. М.: РГСУ, 2010. 142 с.
11. *Морозова Г.А., Зимин В.А.* Политическая и правовая культура в период избирательных кампаний в России // Вестник современной науки. 2016. № 1–1(13). С. 144–148.
12. *Морозова Е.В.* Региональная политическая культура. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1998. 346 с.
13. *Пеньков В.Ф.* Об основных направлениях изучения политической культуры и политических процессов в отечественной и зарубежной политологии // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 8 (136). С. 34–35.
14. *Пеньков В.Ф., Коврикова О.И., Дьяконов А.А.* Политический процесс в России: культурологическое и аксиологическое измерение // Геополитический журнал. 2014. № 4. С. 94–111.
15. *Пивоваров Ю.С.* Русская политико-правовая культура и русская революция // Право и культура. 1990. № 3. С. 69–94
16. Политическая культура: учебное пособие / под общ. ред. Г.Л. Тульчинского. М.: Юрайт, 2016. 324 с.
17. *Попов А.В.* Политика и мировоззрение // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 2. С. 12–16.
18. *Селезнева А.В.* Методология исследования политических представлений и ценностей // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. № 2. С. 42–53.
19. *Степанищенко О.В.* Понятие и природа политических ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 2. С. 284–292.
20. *Тавадов Г.Т.* Политология: учебное пособие. М.: Фаир-Пресс, 2000. 416 с.
21. *Таранцов В.П.* Политическая и правовая культура правящей элиты современной России // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 36–41.
22. Теория культуры: учебное пособие / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. СПб.: Питер, 2008. 592 с.
23. *Тугаринов В.П.* Избранные философские труды. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 261 с.
24. *Утяшев М.М.* Права и свободы человека в системе общечеловеческих ценностей // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3–1. С. 1244–1250.
25. *Шабров О.Ф.* Духовные основы российской политики // Открытое образование. 2011. № 2–2. С. 155–158.
26. *Шатилов А.Б., Кобицкой Р.А.* Четыре уровня постижения политики: новые подходы к анализу современных политических процессов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 4 (71). С. 115–118.

Literatura

1. *Baranov N.A.* Politicheskaya kul'tura Rossii: tradicii i sovremennost' // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva. 2015. T. 28. S. 203–204.
2. *Borisenkov A.A.* Politicheskaya kul'tura: sushhnost', vidy i zakon // PolitBook. 2015. № 1. S. 146–164.
3. *Gaman-Goluvina O.V.* Politicheskaya kul'tura kak komponent kul'tury // Teoreticheskaya kul'turologiya. M.: Akademicheskij proekt, Ekaterinburg: Delovaya kniga, RIK, 2005. 624 s. S. 182–192.
4. *Demidov A.I., Mal'ko A.V.* Politologiya v voprosax i otvetax. M.: Yurist, 1998. 168 s.
5. *Zimin V.A.* Sostoyanie i razvitie politicheskoy kul'tury rossijskogo obshhestva // Sborniki konferencij NIC «Sociosfera». 2016. № 8. S. 102–108.
6. *Ismajlov N.I., Yusifova S.F.* Politicheskaya kul'tura kak sostavnaya chast' obshhej kul'tury // Aktual'ny'e voprosy obshhestvenny'x nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya. 2016. № 61. S. 2–26.
7. *Malinova O.Yu.* Politicheskaya kul'tura v rossijskom nauchnom i publicnom diskurse // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2006. № 5. S. 106–128.
8. *Martyshin O.V.* O nekotory'x osobennostyax rossijskoj pravovoj i politicheskoy kul'tury // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 10. S. 24–30.
9. *Marchenko M.N.* Pravovaya kul'tura kak sociologicheskaya kategoriya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2013. № 2. S. 45–61.
10. *Matveev R.F.* Politologiya i nauka prava v XXI veke. M.: RGSU, 2010. 142 s.
11. *Morozova G.A., Zimin V.A.* Politicheskaya i pravovaya kul'tura v period izbiratel'ny'x kampanij v Rossii // Vestnik sovremennoj nauki. 2016. № 1–1 (13). S. 144–148.
12. *Morozova E.V.* Regional'naya politicheskaya kul'tura. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvenny'j universitet, 1998. 346 s.
13. *Pen'kov V.F.* Ob osnovny'x napravleniyax izucheniya politicheskoy kul'tury i politicheskix processov v otechestvennoj i zarubezhnoj politologii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2014. № 8 (136). S. 34–35.
14. *Pen'kov V.F., Kovrikova O.I., D'yakonov A.A.* Politicheskij process v Rossii: kul'turologicheskoe i aksiologicheskoe izmerenie // Geopoliticheskij zhurnal. 2014. № 4. S. 94–111.
15. *Pivovarov Yu.S.* Russkaya politiko-pravovaya kul'tura i russkaya revolyuciya // Pravo i kul'tura. 1990. № 3. S. 69–94
16. Politicheskaya kul'tura: uchebnoe posobie / pod obshh. red. G.L. Tul'chinskogo. M.: Yurajt, 2016. 324 s.
17. *Popov A.V.* Politika i mirovozzrenie // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2012. № 2. S. 12–16.
18. *Selezneva A.V.* Metodologiya issledovaniya politicheskix predstavlenij i cennostej // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2011. № 2. S. 42–53.
19. *Stepanishenko O.V.* Ponyatie i priroda politicheskix cennostej // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psixologiya. Sociologiya. Pedagogika. 2011. № 2. S. 284–292.
20. *Tavadov G.T.* Politologiya: uchebnoe posobie. M.: Fair-Press, 2000. 416 s.
21. *Taranczov V.P.* Politicheskaya i pravovaya kul'tura pravyyashhej e'lity' sovremennoj Rossii // Filosofiya prava. 2015. № 1 (68). S. 36–41.

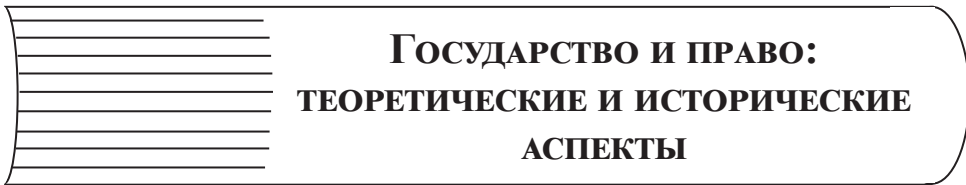
22. Teoriya kul'tury': uchebnoe posobie / pod red. S.N. Ikonnikovoj, V.P. Bol'shakova. SPb.: Piter, 2008. 592 s.
23. Tugarinov V.P. Izbranny'e filosofskie trudy'. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. 261 s.
24. Utyashev M.M. Prava i svobody' cheloveka v sisteme obshhechelovecheskix cennostej // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2009. T. 14. № 3–1. S. 1244–1250.
25. Shabrov O.F. Duxovny'e osnovy' rossijskoj politiki // Otkry'toe obrazovanie. 2011. № 2–2. S. 155–158.
26. Shatilov A.B., Kobiczkoy R.A. Chety're urovnya postizheniya politiki: novy'e podhody' k analizu sovremenny'x politicheskix processov // Nauka i obrazovanie: xozyajstvo i e'konomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2016. № 4 (71). S. 115–118.

E.M. Pavlenko

Correlation between Culture of Human Rights and Political Culture

The article is devoted to the problem of correlation and mutual influence of culture of human rights and political culture. The author considers them from the point of view of a systematic methodological approach as two complex and interconnected systems, in relation to which the meta-system is spiritual culture. Analyzing similarities and differences in these categories the author comes to the conclusion that the culture of human rights reflects the values of human rights and freedoms in political culture and their closest interconnection is realized through political consciousness.

Keywords: culture of human rights; human rights; political culture; political values; political consciousness.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.А. Головина

Конфликт правовых идей и концепций в странах постсоветского пространства¹

В статье рассматривается категория юридического конфликта на примере такой его разновидности, как конфликт правовых идей и концепций. В частности, исследуются характерные сферы возникновения таких конфликтов на постсоветском пространстве на примере спора о принадлежности стран постсоветского пространства к той или иной правовой семье, выделяются конструктивные и деструктивные аспекты конфликтов правовых идей и концепций.

Ключевые слова: юридический конфликт; конфликт правовых идей и концепций; постсоветское пространство; правовые семьи.

Российское общество нередко характеризуют как идеократическое. Приходится признать, что некоторые современные исследователи термин «идеократия» воспринимают в несколько ограниченном контексте (а то и с негативным оттенком), например, как государство, в котором властные элиты подбираются по принципу верности определенной идее. В частности, А.В. Тупаев отмечает, что «под идеократией понимается такой общественный строй, при котором правящая элита отбирается по признаку преданности общей идее. Общегосударственная идея представляет собой систему убеждений, которую воспроизводит объединенный в единственную государственно-идеологическую организацию правящий строй. Рекрутирование правящей элиты происходит по принципу преданности и общности мирозерцания, объединяющей государственной идеологии и организации» [14: с. 230–231].

Однако представляется более взвешенным подход к идеократическому обществу как обществу, в котором сильна власть идей, стремление к идеалам, «к дальним целям», в котором духовный аспект человеческого бытия ставится нередко выше материального в шкале общественных ценностей.

¹ Статья подготовлена на основе выступления автора на круглом столе по теме: «Использование институтов иностранного права в российском законодательстве и юридической практике: проблемы гармонизации» (III Московский юридический форум. Кутафинские чтения – 2016).

Вообще же, в каком-то смысле каждое человеческое общество в той или иной мере является идеократическим, поскольку разуму, отличающему человека от животного, имманентны идея и идеал, которые у разных индивидуумов и разных обществ отличаются лишь содержанием. В таком ракурсе идеократическим может быть названо и западное общество потребления с его идеалами американской мечты, прав человека и демократии. И здесь интересна точка зрения Л. Тихомирова, центральной идеей концепции которого современные исследователи видят идею имманентности идеократизма любой форме политического суверенитета [2: с. 56]: по его мнению, «всякая Верховная власть идеократична, то есть, находится под властью своего идеала, безгранично сильна, пока совпадает с ним, и становится узурпацией (тиранией, олигархией, охлократией), когда сама выходит из подчинения ему. Пределы эти, определяющие нравственную законность и незаконность Верховной власти, не подлежат точной формулировке, но всегда прекрасно чувствуются нацией, то послушно подчиняющейся сознаваемой ею основной правде власти, то возмущающейся против узурпации» [12].

В идеократическом обществе борьба идей, их конкуренция, а нередко и конфликты имеют влияние, значение которого опасно недооценивать. И правовые идеи здесь не исключение.

Конфликт правовых идей и концепций, на наш взгляд, можно определить как противоречие в правовой системе, выражающееся в противопоставлении одних правовых идей и концепций другим. Подобные конфликты являются социальными по своей природе. Например, А.В. Дмитриев отмечал, что социальный конфликт — это «процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника *или изменить его взгляды и социальные позиции* (выделено нами. — А. Г.)» [16: с. 6], «под социальным конфликтом обычно понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожать оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает формы атаки или обороны» [16: с. 6].

Еще одной ключевой чертой такого конфликта является его когнитивный характер. Юридические конфликты в целом, по мнению исследователей, носят такой характер, например, А.В. Дмитриев подчеркивает, что юридический конфликт «в значительной мере носит ...когнитивный характер, поскольку спор идет о понимании права, но за этим спором часто просматриваются и другие, вполне практические интересы сторон», «взгляды, знания, точки зрения или, говоря психологическим языком, “когнитивные структуры” субъектов во время взаимодействия могут находиться в полном или частичном согласовании, но могут быть и в абсолютном противоречии. Противоборство когнитивных структур может быть вовсе не связано с нарушением отношений между субъектами» [16: с. 14, 28]. Однако именно в конфликтах правовых идей и концепций когнитивность выходит на первый план.

Конфликты правовых идей и концепций могут приобретать мягко выраженный или даже латентный характер в периоды общественной стабильности и обостряться в периоды общественных кризисов, коренных реформ, слома общественных структур, в переходные периоды развития общества и государства. В связи с этим неудивительно, что борьба правовых идей и концепций приобрела особенно острый характер в странах постсоветского пространства, в которых после отказа от господствовавшей многие десятилетия правовой и политической идеологии образовался своего рода идеологический вакуум, который бросились заполнять многочисленные идеи и концепции. Причем некоторые из них были «вынуты с антресолей истории», некоторые — импортированы из-за рубежа. Как бы то ни было, борьба за идейное поле постсоветского пространства развернулась достаточно напряженная.

И если некоторые идеи и концепции могут более или менее удачно сосуществовать (как, например, концепции разделения властей и приоритета прав человека с концепцией социального государства и даже — для широких масс населения — государственного патернализма), то другие по своей природе вынуждены конкурировать за право стать доминирующими.

В качестве характерного примера назовем идеи о том, к какой правовой системе относятся страны постсоветского пространства.

В советский период отечественной истории доминировала идея, согласно которой республики СССР (а также страны соцлагеря) относились к социалистической правовой семье (системе советского права), хотя с этим и не соглашались многие буржуазные исследователи, относившие страны соцлагеря (нередко по идейным соображениям, чтобы подчеркнуть несамостоятельность их правовой традиции) к романо-германской правовой семье.

Проблема обострилась после распада СССР. Показательно, например, что в изданиях книг французского ученого Рене Давида, вышедших в советский период, были рассуждения о социалистических правовых системах, советском праве, хотя и отмечалось: «Должно ли советское право рассматриваться как оригинальная система в сравнении с романо-германской правовой семьей? Очевидно, что будущее коммунистическое общество, когда оно будет создано, представит новый тип общества, принципиально отличный от существующих ныне обществ. Но в настоящее время оно еще не создано, и действующее советское право, несомненно, обнаруживает известное сходство с романской системой. Оно достаточно широко сохранило ее терминологию, а также — хотя бы по внешнему виду — ее структуру. Для советского права характерна концепция правовой нормы, которая мало чем отличается от французской или немецкой концепции. Исходя из сказанного, многие западные авторы, особенно английские и американские, отказываются видеть в советском праве оригинальную систему и помещают его в романские правовые системы» [9].

В современном же переиздании книги (оригинал 2002 г. на французском языке) Камилла Жоффре-Спинози, на которую была возложена ответственная задача актуализации книги после смерти ее знаменитого автора Рене Давида

в 1990 году, по сути, уклонилась от решения трудного вопроса о том, к какой правовой семье относить правовую систему современной России. В результате соответствующая глава была озаглавлена нейтрально: «Российское право». В этой главе характеризуется история и современное состояние законодательства РФ, но доктринальные вопросы места российского права на правовой карте мира обойдены молчанием. В.А. Туманов в предисловии к этой книге справедливо замечает: «К сожалению, этот текст носит описательный характер и в большей своей части не выходит за рамки изложения законов. Он не содержит аналитических выводов и сравнительно-правовых характеристик, какими отличаются стиль и уровень текста самого Р. Давида. Авторы уклонились даже от ответа на вопрос, который в контексте книги Р. Давида представляется обязательным, а именно: какое место в типологии и классификации современных правовых систем занимает сегодня российское право?» [3: с. 8].

В целом же можно сделать вывод о том, что на сегодняшний момент в этом идейном поле конкурируют как минимум следующие центры притяжения и правовые идеи (причем противостояние осуществляется не без воздействия зарубежных образовательных, научных и консультативных центров, финансовых и иных институтов):

1. *Романо-германская правовая семья.* Многие современные ученые в странах постсоветского пространства считают наиболее соответствующим новой реальности отнесение правовых систем этих стран к романо-германской правовой семье. Например, современная украинская исследовательница М.Г. Хаустова (к.ю.н., доцент Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», г. Харьков (должность на момент опубликования указанной статьи)) пишет: «Раскрывая вопрос определения национальной правовой системы Украины на правовой карте мира, отметим, что в юридической литературе не существует единодушия мнений ученых по поводу характеристики современных правовых систем постсоциалистических стран Восточной Европы. Каким же путем трансформироваться: присоединиться к одной из функционирующих правовых семей современности или пойти своим путем, создавая евразийскую правовую семью? Большинство ученых убеждены, что тенденции развития правовых систем этих государств позволяют считать, что они движутся в направлении присоединения к германской подгруппе в семье романо-германского права. Следует при этом признать факт, что они уже постепенно отошли от своего социалистического прошлого» [15]. К.А. Нурлыбай (старший преподаватель Института права и экономики КазНПУ имени Абая (должность на момент опубликования указанной статьи)) пишет без колебаний: «В теории современную правовую систему Казахстана характеризует прежде всего ее принадлежность к романо-германской правовой семье» [8].

Этот тезис обосновывается исторически, а также путем проведения параллелей в основных чертах юридической доктрины (например, сходное понимание источников права, нормы права, роли законодателя и судьи и т. д.).

При этом со стороны традиционных стран романо-германской правовой семьи (например, Германии, Франции) делается многое, чтобы «притянуть» страны постсоветского пространства в свое правовое поле.

Например, М.К. Сулейменов (д.ю.н., профессор, директор НИИ частного права, академик Национальной академии наук Республики Казахстан) пишет: «В силу тесной связи правовой системы Казахстана с германским правом следует особенно подчеркнуть эффективность помощи в становлении правовой системы Республики Казахстан, оказываемой германскими специалистами. Прежде всего я имею в виду немецкое Общество по техническому сотрудничеству (GTZ, ныне GIZ), и в первую очередь профессора Рольфа Книпера, бывшего руководителя проекта GTZ “Правовая реформа в странах с переходной экономикой”, Почетного профессора Казахского гуманитарно-юридического университета. Этот проект реализуется во всех странах Центральной Азии (Узбекистане, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане), но наиболее успешным является, на мой взгляд, в Казахстане. Проект GTZ реализуется по трем важным направлениям: совершенствование национального гражданского законодательства, практическое обучение юристов и научные контакты. В сфере гражданского законодательства немецкие ученые, и прежде всего Рольф Книпер, оказали большую помощь в подготовке Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов, а также проектов законов о третейских судах и о международном арбитраже», при этом, по мнению ученого, «Казахстан, безусловно, принадлежит к романо-германской правовой семье, где в основе гражданского законодательства лежит Гражданский кодекс» [11].

2. *Англо-саксонская правовая семья.* Попытки внедрить в страны постсоветского пространства идеи, понятия и категории англо-саксонской правовой семьи также имели место. Причем, в отличие от романо-германской правовой семьи, далеко не всегда удачные. М.К. Сулейменов приводит и такой пример: «В 1998 г. по инициативе Национальной комиссии по ценным бумагам РК был принят разработанный американскими юристами Закон об акционерных обществах. Закон был нацелен на построение акционерного общества не как производственного предприятия, а как спекулятивного образования, участника рынка ценных бумаг. Этот закон сразу забуксовал, практически не работал, и те же люди, теперь уже в Национальном банке, инициировали разработку нового закона, соответствующего принципам континентальной системы права, который и был принят в 2003 г. и действует до сих пор» [11].

В то же время, например, сегодня в Казахстане создается Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), одним из конкурентных преимуществ которого провозглашается то, что в нем «для обеспечения доверия к МФЦА со стороны мирового сообщества, защиты интересов инвесторов и клиентов финансовых услуг планируется установить понятный правовой режим, основанный на принципах английского общего права» [4].

3. *Правовая семья мусульманского права.* Ряд стран постсоветского пространства обладает значительным количеством жителей, исповедующих ислам (например, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия). В связи с этим сильное влияние в них в постсоветский период приобретает современное исламское право, которое, будучи в XX веке серьезно модернизированным, сегодня воздействует даже на неисламские страны. Сегодня начинает пользоваться популярностью так называемый исламский банкинг — банковская деятельность, основанная на принципах мусульманского права (запрет ростовщической деятельности и сделок с неопределенными условиями, запрет вложения денег в недопустимые для мусульманина сферы деятельности и т. д.).

Есть примеры появления на постсоветском пространстве законодательств, регулирующих банковскую деятельность в соответствии с принципами ислама. В 2005 году были внесены изменения в Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 г. № 2444 «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан». В 2009 году были внесены поправки в Закон Республики Киргизия от 29 июля 1997 г. № 60 «О банках и банковской деятельности в Кыргызской Республике». В 2014 году был принят Закон Республики Таджикистан № 1108 «Об исламской банковской деятельности». «В Казани 24 марта 2016 г. впервые в России начал работу Центр партнерского банкинга, оказывающий финансовые услуги в соответствии с основополагающими принципами ислама» [7: с. 27–28].

4. *Постсоциалистическая правовая семья.* Некоторые исследователи считают современные страны постсоветского пространства относящимися к государствам переходного типа и используют в отношении их правовых систем термин «постсоциалистическая правовая семья» или «постсоветские системы». В частности, М.Н. Марченко отмечает, что государства, переходные от социалистического государства к капиталистическому, нередко именуют «постсоветскими» системами, «подчеркивая тем самым, что в центре прежней социалистической, или псевдосоциалистической, правовой семьи стояло Советское государство и право» [6: с. 605]. Однако, как мы полагаем, далеко не во всех странах постсоветского пространства такая идентификация сегодня может встретить понимание и стать самоидентификацией.

5. *Славянская правовая семья.* Ряд авторитетных исследователей считает, что сегодня можно вести речь о становлении славянской правовой семьи. Например, В.Н. Синюков полагает, что славянская правовая семья включает группу российского права, группу западно- и восточнославянского права, и возможно, как пишет автор, группу евразийского (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) и закавказского права (Грузия, Армения, Азербайджан, Южная Осетия, Абхазия) [10: с. 201].

Эта концепция довольно обоснована, прежде всего, с позиций правовых традиций и правового менталитета, однако, на наш взгляд, у нее есть существенный недостаток — далеко не во всех бывших республиках СССР доминирует сегодня

славянское население, в связи с чем такие республики вряд ли согласятся самоидентифицировать себя в рамках славянской правовой семьи. А для того, чтобы вести речь о правовой семье, недостаточно, на наш взгляд, чтобы себя к ней причислял только один член такой семьи — необходимо и «семейное согласие».

В концепции же В.И. Лафитского, например, критерии славянской правовой семьи основаны в значительной степени на православной идентичности. В частности, автор пишет, что рассмотрение им христианской традиции права с обзором славянского права обусловлено рядом причин: «во-первых, тем, что в славянском праве христианские ценности находят наиболее полное воплощение; во-вторых, тем, что славяне — самый крупный, и, судя по всему, самый древний этнос Европы. Даже сейчас, несмотря на все войны и социальные беды XX в., примерно каждый третий житель Европы относится к славянской расе; в-третьих, тем, что в последние десятилетия именно славянское право развивается наиболее бурными темпами, оказывая все большее влияние на право других христианских правовых семей» [5: с. 200].

При том, что аргументация автора довольно интересна, следует отметить, что такой подход к определению идентичности правовой семьи, на наш взгляд, «отсекает» от этой общности многие страны постсоветского пространства с доминированием исламского вероисповедания. Между тем объективно сохраняется в этих странах ряд общих черт в правовом развитии (как наследие общей правовой истории на протяжении веков, а также в силу сходности правового менталитета населения, общих до сих пор основ правовой науки), что концепция славянской правовой семьи не учитывает. В то же время многие современные государства западных славян, а также такое православное государство, как Греция, в настоящее время уже довольно давно и прочно интегрированы в иные правовые системы, что затрудняет их объединение в одну правовую систему с Россией.

Таким образом, как мы полагаем, более перспективными являются правовые идеи, которые могли бы объединить страны постсоветского пространства, не допуская возникновения в них новых линий раскола.

6. *Византийская правовая семья.* В частности, С.С. Алексеев считал, что национальные правовые системы стран постсоветского пространства относятся к правовой системе, которую он именовал «система традиционного неотдифференцированного типа» или «право Востока», оперируя для обозначения этих правовых систем термином «византийское право» [1: с. 73].

Как видится, недостатком этой концепции является то, что она в большей степени ориентирована на ранние исторические корни становления общей правовой идеологии в Древнерусском государстве, на анализ исторических особенностей правового менталитета, и ей трудно предложить актуальную повестку современным динамично развивающимся государствам этого цивилизационного пространства, которое со времен Византийской империи значительно расширилось. Кроме того, на наш взгляд, современные страны постсоветского пространства в гораздо большей степени являются наследницами советской

правовой традиции, накопленного на протяжении XX века оригинального, самостоятельного опыта правового развития, и византийские корни имеют крайне отдаленное отношение к современному правовому стилю этих стран.

7. *Евразийская правовая семья.* Учитывая формирующуюся евразийскую интеграцию, которая объединяет сегодня ряд стран постсоветского пространства, сохранивших наибольшее цивилизационное единство, на глобальную историческую перспективу представляется небеспочвенным вести речь о формировании евразийской правовой семьи. Мы полагаем, эта концепция могла бы стать консолидирующей для стран постсоветского пространства. Она не несет в себе исторического негативного шлейфа для этих стран (как концепция постсоветского права для некоторых бывших республик СССР), не ограничивается узкими рамками национальной или религиозной идентичности (как концепция славянской правовой семьи), что теоретически делает ее приемлемой для всех стран постсоветского пространства. При этом она позволяет учесть то особенное, что до сих пор отличает эти страны от стран других правовых семей, и дает возможность сформировать идеологическое обоснование для отказа от безусловного подчинения тому или иному «центру притяжения». Эта концепция не создает препятствий для восприятия от этих центров отдельных положительных моментов (и даже подчеркивает, что к тому есть все предпосылки, поскольку Евразия цивилизационно находится на «культурном перекрестке»), но позволяет сохранить собственную индивидуальность всем странам постсоветского пространства, можно даже сказать, позволяет им защитить свой идеологический суверенитет от экспансии глобализма.

Имеется также точка зрения, согласно которой одним из возможных вариантов развития является фрагментация постсоветского правового пространства. Например, Ю.А. Тихомиров в качестве одного из трех прогнозируемых вариантов называет такой, при котором на этом пространстве возможно возникновение двух-трех правовых семей: прибалтийской — с тяготением к северной (скандинавской) правовой семье, славянской правовой семьи в сочетании с азиатско-мусульманской правовой семьей, центрально-европейской — с тяготением к романо-германской семье [13: с. 129].

Необходимо также учитывать, что конфликты правовых идей и концепций имеют далеко не только доктринальное значение. Нередко они подходят очень близко к вопросам политики, идеологии, цивилизационной и культурной идентичности и т. д. Последствия же конфликтов в этих сферах на постсоветском пространстве мы видим регулярно. Таким образом, примирение различных правовых концепций в рамках объединяющей концепции евразийской правовой семьи могло бы сыграть, как видится, позитивную роль.

В целом же конфликты правовых идей и концепций, на наш взгляд, могут иметь как конструктивное, так и деструктивное значение, что показывает и опыт такого рода конфликтов на постсоветском пространстве.

1. Конструктивный аспект:

- а) гносеологическое значение (в споре рождается истина);
- б) эвристическое значение (при столкновении идей, если ни одна не одерживает убедительную победу и не способна предложить привлекательный образ желаемого будущего, велика вероятность появления новой идеи или концепции);
- в) парадигмальное значение (смена парадигм в юридической науке и государственной практике, общество получает новый импульс развития);
- г) интеграционное значение (сближение государств в рамках формирующегося общего правового стиля в силу общности правовых идей и концепций, «выигравших» конфликт (например, это может быть евразийская правовая идея), и в перспективе — с формированием общей правовой системы или даже интеграционного объединения государств);
- д) социально-мобилизирующее значение (сплочение социальной группы вокруг идеи или восстановление единства по итогам успешного преодоления конфликта, в рамках которого находят разрешение накопившиеся противоречия). Так, по мнению Л. Козера, конфликт внутри какой-либо группы может способствовать ее сплочению или восстановлению единства. Поэтому внутренние социальные конфликты, затрагивающие только такие цели, ценности и интересы, которые не противоречат принятым основам внутригрупповых отношений, как правило, носят функционально-позитивный характер [17: с. 199].

2. Деструктивный аспект:

- а) разрушение устаревших концепций и идей, либо концепций и идей, вступивших в непримиримое противоречие с новым вектором развития государства и общества, — например, концепция единства государственной власти (при этом крушение правовых идей нередко сопряжено и с опровержением иных связанных с ними идей в сфере государственного и общественного развития, а это уже угроза стабильности государства и общества);
- б) конфликты правовые могут перерасти в иные типы конфликтов — межнациональные, территориальные, социальные;
- в) возникновение риска непонимания или даже раскола в отношениях между государствами, выбравшими различные, не совпадающие по своему вектору правовые идеи и концепции.

Отсюда вывод: в случае конфликта правовых идей и концепций необходимо стремиться к тому, чтобы максимально использовать их конструктивный потенциал и нивелировать деструктивный, в особенности же следует не допускать перерастания конфликта правовых идей в иные, более опасные типы конфликтов (социальные, межгосударственные), а значит, стремиться разрешать их (или хотя бы смягчать, лишая жесткой риторики) еще на стадии академической дискуссии.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи: монография. М.: Статут, 2000. 256 с.
2. *Верещагин О.А., Горькова Е.В.* Концепт «идеократии» в отечественной политико-правовой традиции // Приволжский научный вестник. 2015. № 12–2 (52). С. 54–59.
3. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 2009. 456 с.
4. Интервью Управляющего МФЦА Кайрата Келимбетова российскому журналу «Эксперт»: Международный финансовый центр принесет Казахстану дополнительно до 1 % ВВП в год // Эксперт. 2016. № 28–29 (995). С. 68–70.
5. *Лафитский В.И.* Сравнительное правоведение в образах права. Т. 1. М.: Статут, 2010. 429 с.
6. *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 781 с.
7. *Новикова Р.Г.* Теоретические основы правового регулирования финансовых отношений в исламском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 30 с.
8. *Нурлыбай К.А.* Место правовой системы Республики Казахстан в общей типологии правовых систем современности // Научные конференции, научные журналы | Ключевые проблемы современной истории – 2013 | Право. URL: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Pravo/1_135727.doc.htm (дата обращения: 01.09.17).
9. *Рене Давид.* Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. 495 с.
10. *Синюков В.Н.* Российская правовая система: введение в общую теорию. 2-е изд. М.: Норма, 2010. 672 с.
11. *Сулейменов М.К.* Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути // «Юрист». Алматы, 2004. № 4. 10 с.
12. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.
13. *Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. М.: Норма, 1995. 432 с.
14. *Тураев А.В.* Идеологическое государство в концепциях Э. Нольте и Н.Н. Алексеева как предмет социально-политического исследования // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 228–230.
15. *Хаустова М.Г.* Правовая система Украины среди правовых систем современности // Проблемы законности. 2013. № 123. С. 24–35. (Журнал издается Национальным университетом «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого».)
16. Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Институт государства и права РАН, 1995. 316 с.
17. *Coser L.A.* The function of social conflict. Sociological theory. New-York: The Free Press, 1956. 177 p.

Literatura

1. *Alekseev S.S.* Pravo na poroge novogo ty'syacheletiya: nekotory'e tendencii mirovogo pravovogo razvitiya — nadezhda i drama sovremennoj e'poxi: monografiya. M.: Statut, 2000. 256 s.
2. *Vereshhagin O.A., Gor'kova E.V.* Koncept «ideokratii» v otechestvennoj politiko-pravovoj tradicii // Privolzhskij nauchny'j vestnik. 2015. № 12–2 (52). S. 54–59.

3. *David R., Zhoffre-Spinozi K.* Osnovny'e pravovy'e sistemy' sovremennosti. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2009. 456 s.
4. Interv'yu Upravlyayushhego MFCzA Kajrata Kelimbetova rossijskomu zhurnalu «E'kspert»: Mezhdunarodny'j finansovy'j centr prineset Kazaxstanu dopolnitel'no do 1 % VVP v god // E'kspert. 2016. № 28–29 (995). S. 68–70.
5. *Lafitskij V.I.* Sravnitel'noe pravovedenie v obrazax prava. T. 1. M.: Statut, 2010. 429 s.
6. *Marchenko M.N.* Sravnitel'noe pravovedenie. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2011. 781 s.
7. *Novikova R.G.* Teoreticheskie osnovy' pravovogo regulirovaniya finansovy'x otnoshenij v islamskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 30 s.
8. *Nurly'baj K.A.* Mesto pravovoj sistemy' Respubliki Kazaxstan v obshhej tipologii pravovy'x sistem sovremennosti // Nauchny'e konferencii, nauchny'e zhurnaly' | Klyuchevy'e problemy' sovremennoj istorii – 2013 | Pravo. URL: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Pravo/1_135727.doc.htm (data obrashheniya: 01.09.17).
9. *Rene David.* Osnovny'e pravovy'e sistemy' sovremennosti. M.: Progress, 1988. 495 s.
10. *Sinyukov V.N.* Rossijskaya pravovaya sistema: vvedenie v obshhuyu teoriyu. 2-e izd. M.: Norma, 2010. 672 s.
11. *Sulejmenov M.K.* Sistema prava i sistema zakonodatel'stva Kazaxstana: vy'bor puti // «Yurist». Almaty', 2004. № 4. 10 s.
12. *Tixomirov L.A.* Monarxicheskaya gosudarstvennost'. M.: GUP «Oblizdat», TOO «Alir», 1998. 672 s.
13. *Tixomirov Yu.A.* Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya. M.: Norma, 1995. 432 s.
14. *Tupaev A.V.* Ideologicheskoe gosudarstvo v koncepciyax E'. Nol'te i N.N. Alekseeva kak predmet social'no-politicheskogo issledovaniya // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2012. № 5. S. 228–230.
15. *Xaustova M.G.* Pravovaya sistema Ukrainy' sredi pravovy'x sistem sovremennosti // Problemy' zakonnosti. 2013. № 123. S. 24–35. (Zhurnal izdaetsya Nacional'ny'm universitetom «Yuridicheskaya akademiya Ukrainy imeni Yaroslava Mudrogo».)
16. Yuridicheskaya konfliktologiya / pod red. V.N. Kudryavceva. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 1995. 316 s.
17. *Coser L.A.* The function of social conflict. Sociological theory. New-York: The Free Press, 1956. 177 p.

A.A. Golovina

Conflict of Legal Ideas and Concepts in the Post-Soviet Countries

The article deals with the category of legal conflict based on the example of the conflict of legal ideas and concepts. The typical areas of the emergence of such conflicts in the post-Soviet countries are explored by the example of the dispute about the membership of the post-Soviet countries in a particular legal family, constructive and destructive aspects of conflicts of legal ideas and concepts are singled out in particular.

Keywords: legal conflict; conflict of legal ideas and concepts; the post-Soviet countries; legal families.

А.А. Дорская

Символы зла в истории российского права

В статье на примере истории российского права рассматривается эволюция понятия «социальная травма», кодирование которого происходило через закрепление определенных символов зла. Показаны различия в понимании символов зла в светском и церковном праве в различные эпохи.

Ключевые слова: символы зла; социальная травма; светское право; каноническое право; злоупотребление; российская правовая традиция; преступление.

Культуральный метод как совокупность методик искусственного культивирования определенных характеристик в целях идентификации явления вполне применим к правовой сфере. Как отмечает один из ярких представителей культуральной социологии Дж. Александер, социальные реалии обретают ценностное содержание только в результате процесса означения, кодирования, которые можно исследовать на примерах конструирования социальной травмы [1; 2].

Понятие социальной травмы непосредственно связано с определенными символами зла, находящими свое отражение в самых различных сферах, в том числе юридической. Категории «зло», «злоупотребление» встречаются в российском законодательстве различных эпох, однако в историко-правовой науке практически нет работ, посвященных так называемым символам зла. Исключением можно считать статью И.А. Исаева «Зло, грех, наказание: герменевтические связи» [8: с. 417–435], в которой данная проблема рассматривается в контексте идей Поля Рикера [19].

Изначально категория «зло» стала формироваться в российской правовой традиции в двух аспектах.

В каноническом праве зло — это все, что является противопоставлением образу Бога-Творца, символизирующего добро. Причем если в западной культуре этот альтернативный образ в Средние века конкретизировался в фигуре дьявола, Люцифера и т. д. [4: с. 60], то в русском праве этого не произошло. Например, в Титуле II Эклоги, заимствованной на Руси вместе с христианством, встречается такая характеристика человека, как «одержимый бесами» [31]. Однако Церковь запрещала развод с такими людьми.

Символом зла в каноническом праве было «разрушение всего» (Титул XVII Эклоги), т. е. хаос. Использовался непосредственно и термин «зло». Так, в пункте 3 было закреплено, что поднимающего восстание против императора или злоумышляющего, или принимающего участие в заговоре против него

или против государства христиан в тот же час должно предать смерти как намеревающегося все разрушить [31].

Семья также рассматривалась как особый мир, который необходимо сохранять и охранять. Например, в пункте 27 Титула XVII говорилось, что «если кто-либо вступит в связь с замужней женщиной, то и он, и она подвергнутся отрезанию носа, потому что из-за такой связи происходит развод и разорение детей и так как при этом не соблюдается заповедь Господня, которая гласит, что Господь соединил их (т. е. состоящих в браке) во едином теле» [31].

В светском праве изначально символы зла были в двух формах. В княжеских уставах это то, за что придется отвечать на Страшном суде (например, статья 14 Церковного устава князя Владимира [28: с. 462]). В Русской Правде зло связано с понятием преступления (обиды), за которое согласно принципу талиона можно совершить такое же зло [13; 16].

В удельный период одним из символов зла впервые становится граница. На эту тему есть интересные исследования основателя германской школы геополитики Карла Хаусхофера (1869–1946). Например, в Новгородской земле под ссылкой понималась высылка за ее пределы. Так, О.В. Мартышин упоминает ссылку как изгнание из общины, ссылаясь на летописи под 1140 годом (заточили в Киев ко Всеволоду Константина Микулинича и с ним еще шестерых мужей) и под 1141 годом (сослали Якуна с братом в Чудь) [14: с. 292].

В удельный период в российском праве понятие зла начало конкретизироваться, в том числе в понятии злоупотребления властью. В Псковской [18] и Новгородской [15] судебных грамотах впервые под обидой стало пониматься не только деяние в отношении конкретного лица, но и в отношении государства, его безопасности, веры и т. д. Сложившаяся в Древней Руси система кормлений, размер которых сначала не регулировался, привела к тому, что должностные лица брали с просителей определенную плату за услуги, и эта система считалась вполне нормальной. Достаточно вспомнить, что преступным считалось, если должностное лицо брало больше или меньше, чем его предшественник [14], т. е. злоупотребляло властью. В первом случае было недовольно население, во втором — происходило посягательство на сложившийся порядок вещей.

В период Московской Руси понятие «зло» конкретизировалось прежде всего в самом термине, обозначающем преступление, — «лихое дело», т. е. «лихо» рассматривалось как синоним «зла». Однако именно в этот период (приблизительно с XV века) возникает новая тенденция трансформации зла в грех.

Сначала это отразилось в изменении цели наказания из возмещения причиненного вреда в устрашение, которое предназначалось для пробуждения в людях страха и жалости с целью «очищения» их душ. Именно поэтому при Иване Грозном к местам казни людей сгоняли насильственно.

В середине XVII века еще одним из символов зла в российском праве стал раскол. Возникла тенденция, которая сохранялась вплоть до Первой российской революции, называть в нормативно-правовых актах старообрядцев именно раскольниками, хотя сами они именовали себя староверами.

Получило развитие и понятие «злоупотребление властью», которое стало символизироваться конкретными деяниями. Так, в статье 1 Судебника 1497 г. запрещались такие злоупотребления, как взяточничество, решение дела несправедливо из-за мести или дружбы с одной из сторон. В статье 2 добавлялся отказ принять дело к рассмотрению и т. д. [22: с. 19]. Решающее значение в определении того, было ли злоупотребление властью, принадлежало великому князю московскому (царю). Так, в статье 7 Судебника 1550 г. было закреплено, что «а которой боярин, или дворецкой, или казначеи, или дьяк жалобника своего приказу отошлет, а жалобницы у него не возмет, и управы ему или указу не учинит, и царю государю челомбитья его не скажет, и учнет тот желобник бити челом государю, что ему управы не учинили, и государь ту его жалобницу отошлет тому, чей суд, и велит ему управу учинити, и бояре ему, или дворецкой, или казначей управы не учинят же, и тем, которые управы не учинят, быти от государя в опале» [23: с. 97–98].

В Соборном уложении 1649 г. символы злоупотребления властью несколько трансформировались. К примеру, статья 11 главы VII устанавливала ответственность за превышение власти, которое на первых этапах со злоупотреблением властью практически не разделялось: «А будет бояре и воеводы без государева указу ратных людей з государевы службы учнут отпущати, и посулы и поминьки имати, а сыщется про то допряма, и бояром и воеводам за то чинити жестокое наказание, что государь укажет» [21: с. 84].

В имперский период вышеназванные тенденции символизации зла получили свое развитие.

Во-первых, поддерживалось восприятие границы как перехода в другой мир, другое состояние. Отсюда, по мнению И.А. Исаева, происходит «имперский порыв в бесконечное пространство» [9: с. 1148], когда подсознательно возникает желание постоянно расширять границы, отодвигая тем самым от себя зло.

Но параллельно наметился и другой способ защиты от зла через его замыкание в определенных границах. Это нашло свое отражение, например, в черте оседлости для иудеев. 9 декабря 1804 г. было издано Высочайше утвержденное положение «Об устройстве евреев», согласно которому иудеям разрешалось жить в Литовской, Минской, Волынской, Подольской, Астраханской, Кавказской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях [5: с. 731–738]. В 1835 г. окончательно были оговорены области, входящие в черту оседлости.

Во-вторых, тенденция отождествления зла и греха нашла свое отражение в новых формах.

Слово «грех» стало использоваться в светском законодательстве. Например, Петр I в Артикулах воинских от 25 апреля 1715 г. использовал понятие «содомский грех» (глава XX — о содомском грехе, насилии и блуде) [3: с. 370].

Законодатели стали применять слово «злость». Так, в Артикуле 146 было закреплено, что «кто с сердцем и злости кого тростью или иным чем ударит и побьет, оный руки своей лишится» [3: с. 362].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые целью наказания было провозглашено перевоспитание преступника как искупление греха-преступления. Само название первого уголовного кодекса России предполагало систему исправительных наказаний, закрепленных в статье 34 [29: с. 603–604]. Термин «зло» встречался в целом ряде статей и приравнивался к преступлению и его негативным последствиям. Так, в пункте 1 статьи 98, определявшей обстоятельства, исключющие уголовную ответственность, к таковым была отнесена «совершенная невинность того деяния, коего случайным и непредвидимым последствием было сделанное зло» [29: с. 616].

В-третьих, символы злоупотребления властью приобрели новые черты. В Артикулах воинских 1715 г. были добавлены злоупотребления властью воинских чинов. Так, артикул 65 закрепил, что «кто из офицеров при выдаче жалованья, корму и провианту, возмет на излишнее число салдат и более, нежели он уреченное число имеет денег, оный не токмо, яко неверный слуга, чину своего без абшиту лишится, но и весьма по случаю времени и обстоятельства, на галеру сослан, или яко вор живота лишен будет» [29].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. появилось любопытное разграничение понятий «лихоимство» и «мздоимство». Раздел «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» содержал главу VI «О мздоимстве и лихоимстве» [29]. Статья 401 определила мздоимство как принятие чиновником или иным лицом, без всякого в чем-либо нарушения своих обязанностей, подарка, состоящего в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином. В статье 402 устанавливалась ответственность за лихоимство, квалифицированное здесь как принятие в дар денег, вещей или чего иного для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы. Причем данные статьи были повторены и в последующих редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 и 1885 гг. (соответственно статьи 372 и 373).

Особое место в Уложении о наказаниях 1845 г. было уделено вымогательству, к которому были отнесены: «1) Всякая прибыль или иная выгода, приобретенная по делам службы притеснением или же угрозами и вообще страхом притеснения; 2) Всякое требование подарков или же неустановленной законом платы, или ссуды, или же каких-либо услуг, прибылей или иных выгод по кающемуся до службы или должности виновного в том лица делу или действию, под каким бы то ни было видом или предложением; 3) Всякие неустановленные законом или в излишнем против определенного количества поборы деньгами, вещами или чем-либо иным; 4) Всякие незаконные наряды обывателей на свою или же чью-либо работу» (статья 406). Данная статья была повторена и в последующих редакциях Уложения о наказаниях (статья 377).

Несмотря на такие серьезные законодательные разработки все-таки взяточничество не воспринималось населением как символ зла, а считалось, скорее, обычаем делового оборота. В.Я. Гросул приводит следующий пример: «Император Николай I... поручил... III отделению разобраться в том,

кто из губернаторов не брал взятку. Результат оказался весьма плачевным. Из 55 губернаторов лишь трое взяток не брали. Это был богатый Н.Е. Писарев, бывший декабрист А.Н. Муравьев и сын автора известного путешествия А.А. Радищев. Никаких особых действий со стороны императора после этого не последовало» [7: с. 19].

Однако нельзя считать, что в имперский период в правовой сфере не появлялись и новые символы зла. Например, в 1905 г. Комитет министров применил в отношении Римско-католической церкви термин «воинствующая» [20: л. 156 об]. Это сразу дало властям возможность законодательным путем препятствовать активности католиков в привлечении российского населения в свою веру и закрывать католические костелы, филии и каплицы.

Радикально символы зла изменились в советском праве. Термин «зло» фактически перестал применяться в законодательстве, видимо, из-за восприятия его в совокупности с грехом в дореволюционный период.

Главных символов зла советской эпохи можно выделить четыре.

Во-первых, термин «контрреволюция», широко применявшийся в первые годы Советской власти. Статья 57 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. определила как контрреволюционное «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами» [25]. Несмотря на то, что в дальнейшем законодательные формулировки относительно контрреволюции стали не такими жесткими, а затем и вовсе исчезли, любой возврат к прошлому, обращение к дореволюционному опыту рассматривались как недопустимые.

Во-вторых, абсолютным символом зла в Советском государстве считалась частная собственность. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. в условиях новой экономической политики еще допускал такую форму собственности, что было отражено в статье 52: «Различается собственность: а) государственная (национализированная и муниципализированная), б) кооперативная, в) частная» [6]. Однако в период коллективизации данный термин исчез из российского права. В Примерном уставе сельскохозяйственной артели 1930 г. его пытались заменить такими понятиями, как «единоличное пользование» (статья 2) и «личное пользование» (статья 4) [17]. Не предусматривала понятие частной собственности и Конституция СССР 1936 г. В статье 5 Конституции было закреплено, что социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной, либо колхозно-кооперативной собственности [11: с. 285].

В-третьих, символом зла в российском праве стали капиталистические страны и их правовые системы. Так, в 1924 г. в свет вышла одна из первых советских работ по международному праву Е.А. Коровина. Автор утверждал, что

«...общение на почве интеллектуального единства (идейной солидарности) между странами буржуазной и социалистической культуры, как правило, отпадает, и соответствующий ему комплекс правовых норм становится беспредметным, чем, однако, не исключается возможность частичного правового общения на почве признания ценностей так называемого общечеловеческого порядка...», — например, борьба с эпидемиями, охрана памятников старины, искусства и прочее» [12: с. 15].

В-четвертых, в связи с тем, что Советский Союз позиционировался как государство трудящихся, одним из символом зла в российском праве являлось тунеядство. Уже в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая была принята III Всероссийским Съездом Советов в январе 1918 г., а в июле 1918 г. стала составной частью Конституции РСФСР, было закреплено, что «в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность» [10]. Статья 209 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. предусматривала, что занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни наказывается лишением свободы на срок от одного года до двух лет или исправительными работами на тот же срок. Повторное привлечение к уголовной ответственности по той же статье наказывалось лишением свободы на срок от одного года до трех лет [26]. Примечательно, что распространившийся с 1960-х гг. термин «тунеядство» имел церковнославянское значение, представляя собой соединение двух слов: *туне* (даром, без платы, напрасно, без причины) и *ясти* (кушать, есть).

На современном этапе российское право имеет свои символы зла. К ним, безусловно, относятся: нацизм, что привело к включению в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи о запрещении реабилитации нацизма [27]; терроризм, что отразилось в том, что Российская Федерация подписала все международные конвенции о противодействии терроризму [30]; неурегулированность отношений нормативным путем, что способствовало законодательному буму [24] в России начала XXI века и т. д.

Таким образом, в истории российского права существовали и существуют определенные термины, слова, символизирующие зло. Их кодирование происходит как на сознательном, так и подсознательном уровнях. Достаточно долго в российской правовой культуре понятие зла ассоциировалось с понятием греха, который необходимо искупить. Символы зла в течение веков менялись, хотя многие тенденции сохраняются до сих пор.

Литература

1. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
2. Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Изд-во «Праксис», 2013. 630 с.
3. Артикулы воинские от 25 апреля 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. V. № 3006. С. 320–382.

4. *Волков С.Н.* Средневековый образ Люцифера как архетипический символ восприятия персонифицированного зла // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2010. № 1. С. 59–65.

5. Высочайше утвержденное 9 декабря 1804 г. положение «Об устройстве евреев» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXVIII. № 21547. С. 731–738.

6. Гражданский кодекс РСФСР от 11.11.1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904 | Российский правовой портал: библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/?p=4844> (дата обращения: 17.08.2017).

7. *Гросул В.Я.* «Лихоимство есть цель всех служащих...»: о злоупотреблениях местных властей рязанской губернии накануне крестьянской реформы 1861 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2011. № 1. С. 18–26.

8. *Исаев И.А.* Зло, грех, наказание: герменевтические связи // *Lex Russica*. 2005. № 3. С. 417–435.

9. *Исаев И.А.* Политическое ощущение границы // *Lex Russica*. 2006. № 6. С. 1145–1160.

10. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

11. Конституция (Основной закон) СССР, утверждена Чрезвычайным VIII Съездом Советов СССР 5 декабря 1936 г. / Ю.С. Кукушкин, О.И. Чистяков // *Очерки истории Советской Конституции*. М.: Политиздат, 1987. С. 285–313.

12. *Коровин Е.А.* Международное право переходного времени. М.-Пг., 1924. 15 с.

13. *Краткая Русская Правда* / М.Н. Тихомиров // Пособие по изучению Русской Правды. М.: Изд-во Московского университета, 1953. С. 75–86.

14. *Мартышин О.В.* Вольный Новгород: общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Российское право, 1992. 384 с.

15. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 304–308.

16. *Пространная Русская Правда* / М.Н. Тихомиров // Пособие для изучения Русской Правды. М.: Изд-во Московского университета, 1953. С. 87–112.

17. Примерный устав сельскохозяйственной артели от 3 ноября 1930 г. // Хлеб-центр (На фронте сельскохозяйственных заготовок). Еженедельный информационный бюллетень. 1931. № 11. С. 26–29 | Документы | Проект «Исторические Материалы». URL: <http://istmat.info/node/36770> (дата обращения: 17.08.2017).

18. Псковская Судная грамота 1462 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 331–342.

19. *Рикёр П.* Символика интерпретации зла // Электронная библиотека «litresp.ru». URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/rikyor-polj/konflikt-interpretacij-ocherki-o-germenevtike/6> (дата обращения: 17.08.2017).

20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 2. Д. 5758.

21. Соборное уложение 1649 г. // Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Московского университета, 1961. С. 70–429.

22. Судебник 1497 г. // Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 19–21.

23. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1985. С. 97–129.

24. Тихомиров Ю.А. Россия переживает законодательный бум // КомиОнлайн — информационный портал Коми. URL: <http://komionline.ru:8080/news/19854> (дата обращения: 17.08.2017).

25. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153 | Российский правовой портал: библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/?p=5341> (дата обращения: 17.08.2017).

26. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8%20zl7flg7vLu4fDg5uDl8vH/Ю3ПЮIg7%207x6%20Xk7eXpIPDl5ODq9uj0&nd=102010096&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 17.08.2017).

27. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.08.2017).

28. Устав святого князя Володимира, крестившего Русьскую землю, о церковных судах // Памятники русского права: учебно-научное пособие: в 35 т. / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. Т. 1: Памятники права Древней Руси. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 461–462.

29. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Высочайше утвержденное 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Издательство Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. Т. XX. Отделение I. № 19283. С. 598–1010.

30. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А., Шулятьев И.А., Гонтарь Л.О. Правовые проблемы борьбы с терроризмом в условиях меняющегося мира и глобализации общественных отношений // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63). С. 146–154.

31. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / перевод Е.Э. Липшиц. М.: Наука, 1965 // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm> (дата обращения: 01.09.2017).

Literatura

1. Aleksander Dzh. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' // Sociologicheskij zhurnal. 2012. № 3. S. 5–40.

2. Aleksander Dzh. Smy'sly' social'noj zhizni: kul'tursociologiya. M.: Izd-vo «Praksis», 2013. 630 с.

3. Artikuly' voinskie ot 25 aprelya 1715 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie I. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1830. T. V. № 3006. S. 320–382.

4. Volkov S.N. Srednevekovy'j obraz Lyucifera kak arxetipicheskij simvol vospriyatiya personificirovannogo zla // Sborniki konferencij NICz «Sociosfera». 2010. № 1. S. 59–65.

5. Vy'sochajshe utverzhdennoe 9 dekabrya 1804 g. polozhenie «Ob ustrojstve evreev» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie I. SPb.: Tipografiya

Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1830. T. XXVIII. № 21547. S. 731–738.

6. Grazhdanskij kodeks RSFSR ot 11.11.1922 g. // SU RSFSR. 1922. № 71. St. 904 | Rossijskij pravovoj portal: biblioteka Pashkova. URL: <http://constitutions.ru/?p=4844> (data obrashheniya: 17.08.2017).

7. *Grosul V.Ya.* «Lixoimstvo est' cel' vsekh sluzhashhix...»: o zloupotrebleniyax mestny'x vlastej ryazanskoj gubernii nakanune krest'yanskoj reformy' 1861 g. // Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. Seriya «Istoriya Rossii». 2011. № 1. S. 18–26.

8. *Isaev I.A.* Zlo, grex, nakazanie: germenevticheskie svyazi // Lex Russica. 2005. № 3. S. 417–435.

9. *Isaev I.A.* Politicheskoe oshhushhenie granicy // Lex Russica. 2006. № 6. S. 1145–1160.

10. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossijskim s'ezdom Sovetov 10.07.1918 g.) // SU RSFSR. 1918. № 51. St. 582.

11. Konstituciya (Osnovnoj zakon) SSSR, utverzhdena Chrezvychajny'm VIII S'ezdom Sovetov SSSR 5 dekabrya 1936 g. / Yu.S. Kukushkin, O.I. Chistyakov // Ocherki istorii Sovetskoj Konstitucii. M.: Politizdat, 1987. S. 285–313.

12. *Korovin E.A.* Mezhdunarodnoe pravo perexodnogo vremeni. M.-Pg., 1924. 15 s.

13. Kratkaya Russkaya Pravda / M.N. Tixomirov // Posobie po izucheniyu Russkoj Pravdy'. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1953. S. 75–86.

14. Marty'shin O.V. Vol'ny'j Novgorod: obshhestvenno-politicheskij stroj i pravo feodal'noj respubliki. M.: Rossijskoe pravo, 1992. 384 s.

15. Novgorodskaya Sudnaya gramota // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. M.: Yuridicheskaya literatura, 1984. S. 304–308.

16. Prostrannaya Russkaya Pravda / M.N. Tixomirov // Posobie dlya izucheniya Russkoj Pravdy'. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1953. S. 87–112.

17. Primerny'j ustav sel'skoxozyajstvennoj arteli ot 3 noyabrya 1930 g. // Xlebocentr (Na fronte sel'skoxozyajstvenny'x zagotovok). Ezhenedel'ny'j informacionny'j byulleten'. 1931. № 11. S. 26–29 | Dokumenty' | Proekt «Istoricheskie Materialy'». URL: <http://istmat.info/node/36770> (data obrashheniya: 17.08.2017).

18. Pskovskaya Sudnaya gramota 1462 g. // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. M.: Yuridicheskaya literatura, 1984. S. 331–342.

19. *Rikyor P.* Simvolika interpretacii zla // E'lektronnaya biblioteka «litresp.ru». URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/rikyor-polj/konflikt-interpretacij-ocherki-o-germenevtike/6> (data obrashheniya: 17.08.2017).

20. Rossijskij gosudarstvenny'j istoricheskij arxiv (RGIA). F. 1263 (Komitet ministrov). Op. 2. D. 5758.

21. Sobornoe ulozhenie 1649 g. // Tixomirov M.N., Epifanov P.P. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1961. S. 70–429.

22. Sudebnik 1497 g. // Sudebniki XV–XVI vekov / pod obshh. red. B.D. Grekova. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 19–21.

23. Sudebnik 1550 g. // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 2. M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. S. 97–129.

24. *Tixomirov Yu.A.* Rossiya perezhivaet zakonodatel'ny'j bum // KomiOnlajn — informacionny'j portal Komi. URL: <http://komionline.ru:8080/news/19854> (data obrashheniya: 17.08.2017).

25. Ugolovny'j kodeks RSFSR ot 1 iyunya 1922 g. // SU RSFSR. 1922. № 15. St. 153 | Rossijskij pravovoj portal: biblioteka Pashkova. URL: <http://constitutions.ru/?p=5341> (data obrashheniya: 17.08.2017).

26. Ugolovny'j kodeks RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 g. // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii. Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8%20zl7flg7vLu4fDg5uD18vH/IO-3IIOIg7%207x6%20Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&nd=102010096&page=1&rdk=0#I0 (data obrashheniya: 17.08.2017).

27. Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 29 iyulya 2017 g.) // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii. Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 17.08.2017).

28. Ustav svyatogo knyazya Volodimira, krestivshego Rus'skuyu zemlyu, o cerkovny'x sudax // Pamyatniki rossijskogo prava: uchebno-nauchnoe posobie: v 35 t. / pod obshh. red. R.L. Xachaturova. T. 1: Pamyatniki prava Drevnej Rusi. M.: Yurlitinform, 2013. S. 461–462.

29. Ulozhenie o nakazaniyax ugolovny'x i ispravitel'ny'x, Vy'sochajshe utverzhdenoe 15 avgusta 1845 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. SPb.: Izdatel'stvo Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1846. T. XX. Otdelenie I. № 19283. S. 598–1010.

30. Chernogor N.N., Pashencev D.A., Shulyat'ev I.A., Gontar' L.O. Pravovy'e problemy' bor'by' s terrorizmom v usloviyax menyayushhegosya mira i globalizacii obshhestvenny'x otnoshenij // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2017. № 2 (63). S. 146–154.

31. E'kloga. Vizantijskij zakonodatel'ny'j svod VIII veka / perevod E.E'. Lipshicz. M.: Nauka, 1965 // Biblioteka e'lektronny'x resursov istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm> (data obrashheniya: 01.09.2017).

A.A. Dorskaya

The Symbols of the Evil in the History of Russian Law

The evolution of the notion of social trauma coding of which occurred through the fixation of certain symbols of the evil is considered by the example of the history of Russian law in the article. The differences in understanding the symbols of the evil in secular and ecclesiastical law in different epochs are shown.

Keywords: symbols of the evil; social trauma; secular law; ecclesiastical law; abuse; Russian legal tradition; a crime.

**А.В. Звонарев,
Д.А. Пашенцев**

Законодательная деятельность Временного правительства в области народного образования

В статье проанализированы основные законодательные акты, принимавшиеся Временным правительством и относившиеся к народному образованию. Особое внимание обращается на то, как Временное правительство решало вопросы отмены национальных и гендерных ограничений в образовании, а также вопрос об управлении образованием.

Ключевые слова: Временное правительство; народное образование; законодательство; просвещение.

В условиях продолжающегося реформирования образования в современной России важное значение имеет исследование и использование того опыта, который был накоплен в предшествующие исторические периоды, особенно в условиях кризисов и коренной модернизации социума. В этом отношении большой научный и практический интерес представляет деятельность Временного правительства в сфере образования. Сейчас, когда исполнилось ровно сто лет с момента революционных событий 1917 года, которые привели к созданию Временного правительства, появилась возможность рассмотреть этот вопрос с учетом векового промежутка. Отдаленность временного периода позволяет более объективно оценить те преобразования, которые пыталось осуществить Временное правительство в сфере образования.

Приход к власти Временного правительства повлек за собой важные последствия, которые имели непосредственное отношение к развитию системы образования и соответствующего законодательства. Вместе с переходом от монархической к республиканской форме правления жители страны, превратившиеся из подданных в граждан, получили многочисленные права и свободы. Значительная часть ранее существовавших ограничений была отменена. В связи с этим сфера образования настоятельно требовала реформирования.

Среди тех задач, которые стояли перед Временным правительством в сфере образования, стоит выделить необходимость отмены существовавших в этой области национальных, гендерных и религиозных ограничений. В связи с тем, что решать эти задачи предстояло правовыми средствами, отметим, что в результате прихода к власти Временного правительства претерпела существенные изменения сама система источников права.

На первом заседании Временного правительства 2 марта 1917 года высказывались мнения, что вся полнота власти, принадлежавшей монарху, должна считаться переданной Временному правительству. В связи с произошедшим государственным переворотом Свод основных государственных законов Российской империи должен считаться недействительным. Поэтому Временному правительству не должно было ограничиваться нормой ст. 87 Свода основных государственных законов, издавая «меры законодательного характера» во время перерывов занятий Государственной думы. Временному правительству надлежало установить как в области законодательства, в том числе внося изменения в действующие законы, так и управления те «нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент» [1: с. 385].

По поручению правительства известный российский государствовед, член Юридического совещания при Временном правительстве, профессор Н.И. Лазаревский подготовил доклад о «форме, в которую надлежит облекать исходящие от Временного правительства распоряжения», с которым выступил на заседании 9 марта 1917 года. По итогам обсуждения было принято постановление, согласно которому по делам, требующим рассмотрения в порядке законодательном, должны были издаваться *постановления* правительства за подписанием всех его членов. По делам, требующим по действующим законам разрешения в порядке верховного управления, следовало издавать *указы* правительства за подписанием его председателя. По делам же, разрешаемым по действующему законодательству властью отдельных министров, полагалось издавать распоряжения министров [1: с. 64].

11 мая 1917 года по предложению министра-председателя кн. Г.Е. Львова были внесены изменения в порядок издания постановлений Временного правительства по законодательным делам. В соответствии с новой редакцией ст. 1 отд. I постановления Временного правительства от 9 марта 1917 года по делам, требующим рассмотрения в порядке законодательном, постановления Временного правительства издавались за подписанием министра-председателя и подлежащего министра, за исключением постановлений особой важности, которые подписывались всеми членами Временного правительства [2: с. 62].

В результате деятельности Временного правительства наряду с ранее действующими нормативными источниками, регулирующими образовательные правоотношения, появляются новые виды нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы народного просвещения: *постановления, подписанные всеми членами правительства; указы или постановления правительства, подписанные министром-председателем правительства или им и обычно одним из министров; распоряжения министра народного просвещения.*

С самого начала своей деятельности Временное правительство уделяло достаточно много внимания вопросам развития и реформирования образования. Для разработки конкретных мер в этой сфере было создано сразу три органа: Комитет по народному образованию, Комиссия по реформе высших учебных заведений и Совещание по реформе высших учебных заведений [7: с. 71].

Система управления народным образованием, которая осталась от монархического периода, подверглась реорганизации. Прежде всего Министерству народного просвещения были подчинены все учебные заведения, на содержание которых отпускались государственные средства. Ранее они могли подчиняться и иным ведомствам. Речь шла, например, об учебных заведениях, подчиненных Ведомству учреждений императрицы Марии [9: с. 146].

Одним из главных вопросов, которые необходимо было решить Временному правительству, был национальный вопрос (существовавшие ограничения по вероисповедному и национальному признаку) и связанные с ним ограничения в области образования. 4 марта 1917 года министр народного просвещения, известный экономист и бывший ректор Московского императорского университета А.А. Мануйлов выступил на заседании Временного правительства с «устным предложением» об отмене процентной нормы для евреев при поступлении их в учебные заведения и восстановлении права на продолжение образования теми учащимися, которые были уволены из учебных заведений по причине политической неблагонадежности. В Российской империи с 1887 по 1917 год существовало законодательное ограничение на прием евреев в высшие и средние учебные заведения. В соответствии с распоряжением Министерства народного просвещения численность евреев во всех подведомственных ему высших и средних учебных заведениях не должна была превышать 10 процентов от общего контингента в черте оседлости, 5 процентов вне ее и 3 процентов — в Санкт-Петербурге и Москве. Предложение А.А. Мануйлова было поддержано правительством [1: с. 30]. Правда, по какой-то причине в циркуляре министра народного просвещения попечителям учебных округов от 10 марта, опубликованном в «Вестнике Временного правительства», отмена процентной нормы для евреев не упоминалась [1: с. 30]. Возможно, это было связано с «устным предложением» министра юстиции А.Ф. Керенского, высказанным на заседании 9 марта, о внесении «на уважение» Временного правительства законопроекта об отмене всех национальных и религиозных ограничений [1: с. 64].

Наконец, на заседании 20 марта было принято постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», опубликованное позднее 29 марта 1917 года и с этого дня вступившее в силу. В преамбуле Постановления провозглашалось: «Исходя из незыблемого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом и что совесть народа не может мириться с ограничениями прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения, Временное правительство постановило: все установленные узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются» [1: с. 142].

Далее в постановлении уточнялось, каких ограничений это касалось. К вопросам, регулируемым нормами образовательного права, можно отнести следующие ограничения. В ст. 5 отд. 1 говорилось о запрещении ограничений

при принятии к себе на обучение ремесленных учеников. В соответствии со ст. 7 отд. 1 снимались ограничения при поступлении в учебные заведения всякого рода как частные и общественные, так и правительственные на прохождение в них курса и пользования стипендиями, а равно на занятия преподаванием и воспитанием.

Наконец, в ст. 9 отд. 1 отменялись ограничения, связанные с употреблением иных, кроме русского, языков и наречий при преподавании в частных учебных заведениях всякого рода [1: с. 142–143]. На Украине данное право применялось не только в частных учебных заведениях. Уже с 14 марта 1917 года решением Временного правительства разрешалось преподавание на украинском языке в учебных заведениях Киевского учебного округа при условии принятия мер, обеспечивающих интересы меньшинства учащихся [1: с. 96]. Примером реализации данного права в государственном учебном заведении высшего образования можно считать учреждение в сентябре 1917 года в Киевском университете святого Владимира четырех кафедр украиноведения: на историко-филологическом факультете — украинского языка, украинской истории и украинской литературы и на юридическом факультете — истории западнорусского права. Преподавание на этих кафедрах разрешалось проводить на украинском языке [4: с. 153–154].

Еще одним актуальным для российского общества вопросом в период Февральской революции был женский вопрос. В феврале 1917 года в России существовало мощное женское политическое движение, требовавшее для женщин равных с мужчинами прав и свобод. Временное правительство в промежутках между политическими кризисами продолжало принимать нормативные правовые акты, которые способствовали дальнейшему уравниванию в правах женщин с мужчинами. Особенно эта тенденция заметна в законодательстве об образовании. Постановлением Временного правительства «О гимназиях, прогимназиях и реальных училищах для совместного обучения детей обоего пола» от 24 апреля 1917 года министру народного просвещения предоставлялось право учреждать гимназии, прогимназии и реальные училища для совместного обучения детей обоего пола с распространением на данные учебные заведения действующих узаконений о мужских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах Министерства народного просвещения. При этом постановлением разрешались некоторые отступления от указанных узаконений. В частности, все должности в смешанных учебных заведениях, за исключением должности законоучителя, могли быть замещаемы лицами женского пола. Лица женского пола, работающие в данных учебных заведениях, должны были иметь то же образование и учительское звание, какие требовались для лиц мужского пола, занимавших соответствующие должности. Кроме того, они пользовались правами на содержание, правами, указанными в пп. 4 и 5 ст. 391 «Уставов о пенсиях и единовременных пособиях»¹,

¹ Свод Законов. Т. III, по Прод. 1912 г. // КонсультантПлюс: Классика Российского Права. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/175/> (дата обращения: 01.09.2017).

получали прибавки к пенсии, присвоенные занимаемым ими должностям, а также получали при командировках по делам службы и при отправлении к месту службы прогонные и суточные деньги и пособия на тех же основаниях и в том же размере, что и лица мужского пола, состоящие на соответствующих должностях [6: с. 203–204]. Постановление было подписано министром-председателем и министром народного просвещения. Следовательно, оно относилось к «актам законодательного свойства».

21 марта 1917 года Временное правительство предоставило лицам женского пола, окончившим курс Высшего художественного училища при Академии наук, право на звание художника и архитектора-художника, на равных с лицами мужского пола основаниях [1: с. 155], а месяц спустя было принято постановление, согласно которому лица женского пола могли назначаться на штатные и сверхштатные должности учителей приготовительных классов и учителей рисования, черчения и чистописания в мужские гимназии, прогимназии и реальные училища [1: с. 369].

В отд. IX постановления об учреждении Тифлисского политехнического университета, принятом на заседании Временного правительства 5 мая 1917 года, говорилось о том, что в число студентов института принимаются и лица женского пола, имеющие образовательный ценз не ниже требуемого от зачисляемых в институт лиц мужского пола. В отд. XIX устанавливалось, что должности по учебной службе в университете могут замещаться лицами женского пола, обладающими тем образовательным цензом, который требуется от лиц мужского пола, занимающих соответствующие должности. Женщинам-преподавателям присваивались те же оклады содержания, прибавки и другие права, как и мужчинам, занимающим соответственные должности [2: с. 31]. Таким образом, женщинам были гарантированы равная оплата труда и равное с мужчинами право занимать должности в образовательных учреждениях.

Окончательная точка в этом вопросе была поставлена после принятия 5 августа 1917 года постановления «О расширении предоставленных лицам женского пола прав на поступление на государственную службу». В принятом постановлении устанавливалось, что лица женского пола могут быть на равных с мужчинами основаниях определяться как по вольному найму, так и с правами государственной службы во все гражданские ведомства. Они пользовались в прохождении этой службы одинаковыми с мужчинами правами, несли одинаковые с ними обязанности и ответственность [3: с. 251].

Министерство народного просвещения, в котором товарищем (заместителем) министра впервые стала женщина — С.В. Панина, внучка знаменитого царского министра юстиции В.Н. Панина, за свои либеральные взгляды прозванная красной графиней, разработало проект преобразования высших женских курсов в настоящие женские университеты, во всех отношениях равные мужским.

Одним из последствий прихода к власти Временного правительства стало изменение религиозной политики. 14 июля 1917 года было принято Постановление

Временного правительства «О свободе совести», в котором говорилось об отмене любых ограничений из-за веры². В школах было отменено обязательное преподавание такого предмета, как Закон Божий, что вызвало недовольство православной общественности [8: с. 294].

Религиозная политика Временного правительства изменила правовой статус Русской православной церкви, повлекла за собой отмену ряда ее привилегий и полномочий. Одним из достаточно острых был вопрос о судьбе церковно-приходских школ, в том числе вопрос их подчиненности. Эта проблема решалась Временным правительством в рамках обсуждавшейся реформы начального образования. В сентябре 1917 года было принято постановление о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения [4: с. 220]. Однако эта мера, достаточно логично вытекавшая из религиозной и образовательной политики Временного правительства, но вызвавшая негативную реакцию со стороны Синода, в этот период так и не была реализована на практике [5: с. 147].

Еще одним направлением законодательной деятельности Временного правительства в сфере образования стало совершенствование и развитие системы начального и среднего образования, а также среднего и высшего профессионального образования. На заседании 28 апреля 1917 года было принято постановление «Об изменении некоторых узаконений о средних образовательных учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения». В соответствии с данным постановлением министр народного просвещения мог учреждать на средства казны или за счет средств из местных источников и разрешать открывать на средства земских, городских и иных учреждений общественного управления, сословий, приходов, частных учреждений и лиц четырехклассные гимназии и четырехклассные реальные училища с распространением на них действующих узаконений о мужских гимназиях и реальных училищах ведомства Министерства народного просвещения. Лица, успешно завершившие обучение в данных гимназиях и реальных училищах, пользовались всеми правами окончивших курс восьмиклассных мужских гимназий и семиклассных реальных училищ [1: с. 370–371].

Временное правительство уделяло внимание и открытию новых высших учебных заведений. В частности, в мае 1917 года были учреждены Тифлисский политехнический институт, Донской университет, Пермский университет [2: с. 26, 31, 35].

Существовали и другие вопросы в сфере образования, связанные с продолжением революционных преобразований в стране, которые в чрезвычайных обстоятельствах приходилось решать Временному правительству.

В целом приход к власти Временного правительства в 1917 году означал начало новой образовательной политики в России, которая отразилась

² Постановление Временного правительства О свободе совести 14 июля 1917 г. // Сайт Конституции Российской Федерации | История. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5412/> (дата обращения: 01.09.2017).

в принимавшихся этим правительством нормативных правовых актах. Эти акты затрагивали ключевые и проблемные вопросы развития образования: структуру управления системой образования, отмену национальных и гендерных ограничений в образовании, подчиненность церковно-приходских школ, открытие новых высших учебных заведений и т. д. Но в силу исторических обстоятельств и субъективных факторов Временное правительство находилось у власти менее года, в результате чего намеченные меры не принесли результатов. К тому же многие из них имели декларативный характер и не могли кардинальным образом решить некоторые важные вопросы, например снижение уровня бюрократизма в управлении образованием. После октября 1917 года государственная образовательная политика совершила новый исторический поворот.

Литература

1. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. VII / Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года: в 4 т. / отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. Т. 1: Март – апрель 1917 года. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 448 с.
2. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. VIII / Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года: в 4 т. / отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. Т. 2: Май – июнь 1917 года. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. 512 с.
3. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. IX / Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года: в 4 т. / отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько. Т. 3: Июль – август 1917 года. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 416 с.
4. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. X / Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года: в 4 т. / отв. ред. и сост. Б.Ф. Додонов, при участии Е.Д. Гринько. Т. 4: Сентябрь – октябрь 1917 года. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 512 с.
5. Дорская А.А. Законодательство Временного правительства о свободе совести в России в 1917 г. // Революция 1917 года в России: сборник статей / под ред. О.А. Поливанова, В.И. Старцева. СПб.: Изд-во «Третья Россия», 1995. С. 146–152.
6. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917 / сост. отд-нием Свода Законов Гос. Канцелярии. СПб.: Гос. Тип., 1917. 273 с.
7. Сизова А.Ю. Российское высшее образование при Временном правительстве: замысел и начало демократической реформы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2009. № 17. С. 70–83.
8. Синельников С.П. Вопрос о церковно-приходских школах в постановлениях Временного правительства и в церковных определениях // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2 (4). С. 294–304.
9. Фомичев И.В. Законодательная политика Временного правительства в области управления народным образованием (март – октябрь 1917 года) // Право и образование. 2010. № 12. С. 144–150.

Literatura

1. Arxiv novejshej istorii Rossii. Seriya «Publikacii» / T. VII / Zhurnaly' zasedanij Vremennogo pravitel'stva: Mart – oktyabr' 1917 goda: v 4 t. / otv. red. B.F. Dodonov; sost. E.D. Grin'ko i O.V. Lavinskaya. T. 1: Mart – aprel' 1917 goda. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, 2001. 448 s.
2. Arxiv novejshej istorii Rossii. Seriya «Publikacii» / T. VIII / Zhurnaly' zasedanij Vremennogo pravitel'stva: Mart – oktyabr' 1917 goda: v 4 t. / otv. red. B.F. Dodonov; sost. E.D. Grin'ko, O.V. Lavinskaya. T. 2: Maj – iyun' 1917 goda. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, 2002. 512 s.
3. Arxiv novejshej istorii Rossii. Seriya «Publikacii» / T. IX / Zhurnaly' zasedanij Vremennogo pravitel'stva: Mart – oktyabr' 1917 goda: v 4 t. / otv. red. B.F. Dodonov; sost. E.D. Grin'ko. T. 3: Iyul' – avgust 1917 goda. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, 2004. 416 s.
4. Arxiv novejshej istorii Rossii. Seriya «Publikacii» / T. X / Zhurnaly' zasedanij Vremennogo pravitel'stva: Mart – oktyabr' 1917 goda: v 4 t. / otv. red. i sost. B.F. Dodonov, pri uchastii E.D. Grin'ko. T. 4: Sentyabr' – oktyabr' 1917 goda. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, 2004. 512 s.
5. *Dorskaya A.A.* Zakonodatel'stvo Vremennogo pravitel'stva o svobode sovesti v Rossii v 1917 g. // Revolyuciya 1917 goda v Rossii: sbornik statej / pod red. O.A. Polivanova, V.I. Starceva. SPb.: Izd-vo «Tret'ya Rossiya», 1995. S. 146–152.
6. Sbornik ukazov i postanovlenij Vremennogo pravitel'stva. Vy'p. 1: 27 fevralya – 5 maya 1917 / sost. ot-d-niem Svoda Zakonov Gos. Kancelyarii. SPb.: Gos. Tip., 1917. 273 s.
7. *Sizova A.Yu.* Rossijskoe vy'sshee obrazovanie pri Vremennom pravitel'stve: zamy'sel i nachalo demokraticheskoj reformy' // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». 2009. № 17. S. 70–83.
8. *Sinel'nikov S.P.* Vopros o cerkovno-prihodskix shkolax v postanovleniyax Vremennogo pravitel'stva i v cerkovny'x opredeleniyax // Vestnik Orenburgskoj duxovnoj seminarii. 2015. Vy'p. 2 (4). S. 294–304.
9. *Fomichev I.V.* Zakonodatel'naya politika Vremennogo pravitel'stva v oblasti upravleniya narodny'm obrazovaniem (mart – oktyabr' 1917 goda) // Pravo i obrazovanie. 2010. № 12. S. 144–150.

*A.V. Zvonarev,
D.A. Pashenczev*

**Legislative Activity of the Provisional Government
in the Field of Public Education**

The article analyses the main legislative acts adopted by the Provisional Government and applied to public education. A special attention is paid to the way the Provisional Government tackled the issues of the abolition of national and gender restrictions in education, as well as the issue of management of education.

Keywords: Provisional Government; public education; legislation; education.

И.В. Минникес

Форма сделки: историко-правовой анализ

В статье рассматривается эволюция правового регулирования формы сделки в России на протяжении X–XX вв. в контексте изменения отношения законодателя к целям ее оформления. С помощью анализа источников права показано, что для древнейших актов характерна свобода усмотрения сторон в выборе формы сделки (диспозитивное регулирование). С течением времени диспозитивность сменяется императивным регулированием со строгой формализацией и превращением формы сделки в самоцель.

Ключевые слова: гражданское право; история права; сделки; договоры.

Обязательственные отношения представляют собой неотъемлемую и многообразную сферу общественной жизни. Не менее многообразны и формы, которые избираются сторонами для объективизации вовне и конкретизации обязательств. Частью этого многообразия являются правовые средства оформления обязательственных отношений.

Сделки предполагают определенные средства их формализации. Данные средства и последствия отказа от их соблюдения существенно варьируются в разных правовых семьях и на разных этапах исторического развития государства и права. В определенных условиях стороны, участвующие в сделках, вправе самостоятельно избирать форму фиксации обязательств, в других — сторонам не предоставлено право на риск и свободу усмотрения. Первый вариант предполагает наличие в законодательстве диспозитивного начала, второй — строится на императивных основаниях.

Анализ российского законодательства X–XX вв. предоставляет возможность проследить изменение выраженного правовыми средствами отношения государства к этой сфере правового регулирования.

Процесс смены целевой установки и базисных оснований правового регулирования вопросов оформления сделок на протяжении обозначенного временного периода можно разделить на несколько этапов.

Первый, ранний, этап охватывает русское право X–XVI вв.

Парадигма данного этапа — возможность альтернативы, поскольку форма сделки служит прежде всего гарантом обеспечения прав сторон на защиту своих интересов. Сделки совершаются в большинстве своем устно, хотя О.И. Чистяков упоминает сведения, доказывающие зарождение письменной формы заключения договора о недвижимости [2: с. 67].

В Русской правде (далее — РП¹) предусмотрено устное совершение сделок в присутствии свидетелей. При этом, судя по тексту документа, участие свидетелей предназначено для защиты сторон.

Такой вывод можно сделать на основании нескольких положений акта.

Во-первых, законодатель защищает от санкций лицо, купившее по незначению краденую вещь: «Если же (кто) купил на торгу что-нибудь краденое..., то пусть выставит двух свободных человек или мытника; если не знает, у кого купил (краденое), то эти свидетели должны присягнуть в его пользу, а истец — взять обнаруженную вещь..., ответчик же пусть простится со своими деньгами (заплаченными за краденое), ибо сам (виноват, что) не знает, у кого покупал...» (ст. 37). Таким образом, незадачливый покупатель хотя и терпит ущерб, но показания свидетелей-очевидцев сделки как минимум освобождают его от обвинения в краже.

Во-вторых, здесь интерес представляет содержание ст. 52 РП. В ней предусмотрено, что заем без участия свидетелей тоже подлежит судебной защите, но лишь до 3 гривен. Если сумма иска больше, то займодавцу следует сказать «сам виноват, что не выставлял послухов (при отдаче денег взаймы)». Эта фраза — «сам виноват» — и есть ключ к пониманию формы сделки как гарантии прав сторон: хочешь — обеспечить свои интересы, не хочешь — рискуй.

Аналогичное отношение к оформлению сделок и последствиям несоблюдения формы демонстрирует и Псковская Судная грамота (далее — ПСГ)².

Согласно данному акту устный договор заключался между лицами низшего социального слоя. Так, в грамоте в качестве сторон устного договора фигурируют «закупен и скотник».

Обязательства между другими субъектами, а также более или менее значительные сделки должны оформляться письменными актами — грамотами.

Грамоты в зависимости от характера обязательств именовались купчими, меновными, данными, выкупными и др. В тексте обычно указывались имена договаривающихся лиц, иногда — их положение или родство: «Федора Александрова жена десятинична», «Никон игумен»; содержалось описание имущества, составлявшего предмет договора; суть обязательств и сумма сделки.

Необходимый элемент любой грамоты — указание имен послухов или «мужей», которые были свидетелями заключения договора. Иногда к грамоте пришивали печать.

Грамоты могли храниться либо у сторон, либо в церкви. В зависимости от этого они именовались доска (простой домашний документ) или запись (рядница). Последний документ составлялся в двух экземплярах — сама рядница и порядня (копия). Копия договора отдавалась на хранение в ларь (в церковь).

¹ Текст статей дан по изданию: Русская Правда Пространной редакции. Суд Ярослава Владимировича. Русский Закон // Памятники русского права. Вып. I. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952. 245 с.

² Текст статей дан по изданию: *Алексеев Ю.Г.* Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии Исследования. Псков: Возрождение, 1997. 148 с.

В случае судебного спора сличались рядница, которая была на руках участников сделки, и порядня, хранившаяся в ларе.

Стороны сами выбирали, как оформить сделку, но для займа свыше рубля законодатель все-таки рекомендовал запись: по ст. 30 доски по обязательствам свыше рубля к взысканию не принимались.

Таким образом, за несоблюдение рекомендованной формы заключения сделки законодатель угрожает только отказом в защите. Вопрос о законности сделки не ставится.

Можно заключить, что на данном историческом этапе в вопросе о форме сделки в законодательстве превалирует диспозитивное начало.

Второй этап включает законодательство и иные источники XVI–XVIII вв.

Этот этап с позиции исследуемой проблемы можно назвать переходным.

На данном этапе форма сделки входит в сферу интересов государства. Как следствие, уменьшается возможность свободного выбора формы сделки, но защита интересов сторон по-прежнему является базовым принципом.

Развитие законодательства в XVI–XVII вв. идет под знаком формализации сделки. Законодатель явно отдает предпочтение не домашнему документу, а специальному акту под названием крепость, или кабала.

Кабальный договор составлялся по определенным канонам специальными площадными подьячими [4: с. 166–167].

С формальных позиций кабала — более строгий документ, нежели все ранее перечисленные. Помимо известных требований, как-то: сведения о предмете, сторонах, «рукоприкладство» сторон и т. п., составленный документ подлежал заверению и регистрации в приказе, в ведении которого были предмет сделки или субъекты. Только после записи в приказе сделка считалась совершенной надлежащим образом. Законодатель объяснил, что если вотчину продали обманом дважды и разным людям, то действительной считается не более ранняя по срокам купчая, а та, которая записана в приказной книге.

Кабальная форма сделки обладала несколькими важными преимуществами в глазах законодателя: она гарантировала более четкое изложение условий договора и способствовала единому пониманию сути обязательства; обладала большей доказательной силой и, что важно, ставила передачу ценностей под контроль государства, давая возможность получать стабильный доход от фиксации сделок.

Кабальная форма в Судебниках вначале была объявлена обязательной по «служилым кабалам», т. е. при личном найме и при купле-продаже лошадей. По указу 1558 г. требуют обязательной крепостной формы сделки с недвижимостью. В Соборном уложении 1649 г.³ кабала объявлена обязательной по «большим делам», особенно в городах. При этом Судебник 1550 г. еще

³ Соборное Уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Т. 1. СПб., 1830. № 1.

допускает иски по бескабальным сделкам, но спустя несколько лет установка законодателя меняется. Указ 1635 г. отказывает в защите сторонам в бескабальных займах и поклажах, Соборное уложение — в бескабальных сделках о холопстве.

Другими словами, рекомендации о форме сделки преобразовались в требовании о надлежащем оформлении любого соглашения.

Однако фискальный и иной интерес государства в должной форме сделки еще не созрел до признания ее ничтожной по мотивам ненадлежащего оформления. Угроза законодателя все еще заключается в отказе в судебной защите: «А которые люди всяких чинов учнут бити челом на кого в заемных деньгах, или в поклажеях, или в какой-нибудь ссуде, а в тех долгех и в поклажеях и в ссуде на то кабал и заемных памятей и иных никаких крепостей на тех людей, на которых они учнут бити челом в челобитье своем и в приставных памятех не напишут, и им на тех людей суда и зазывных грамот в таких исках не давати и приставов не посылати» (ст. 189 гл. X Соборного уложения).

Не в последнюю очередь финансовыми соображениями продиктованы и дальнейшие изменения в законодательстве, в частности реформы Петра I в сфере оформления сделок.

Согласно Указу 1701 г. «Об обряде совершения всякого рода крепостных актов» крепости разделили на статьи, в соответствии с которыми взимались пошлины за их регистрацию в приказе: за крепости от 50 до 100 рублей — 5 алтын; свыше 100 рублей и «во многих тысячах» — по гривне с каждых 100 рублей, а в «малых деньгах» — 6–10 денег⁴.

Подьячие, составляющие договоры, были возведены в ранг государственных служащих на жаловании [3: с. 492], а доход от их работы передавался в казну. Для контроля за суммами пошлин акты записывали на гербовой бумаге номиналов, соответствующих сумме сделки.

Однако предусмотренные правила не всегда были эффективны. Законодателю пришлось принять еще ряд актов для защиты своих финансовых интересов.

Указ «О писании крепостей на продажное недвижимое имение у крепостных дел, и о взятии, при письме, пошлин» 1720 г. предписывал продавать любую недвижимость только крепостным порядком, причем «...без взятъя пошлин, никаких о продаже крепостей не чинить...»⁵. Принятый в 1752 г. указ «О писании в крепостях настоящей цены имения под опасением взыскания двойных пошлин за утайку оной» повелевал при письме крепостей указывать настоящую, а не заниженную цену. По-видимому, законодатель неоднократно сталкивался с подобными ухищрениями и попытался пресечь их, используя штрафные санкции: «А ежели кто впредь при письме крепостей продажному имению в цене, чтоб меньше пошлин в казну платить, станут чинить утайку,

⁴ ПСЗРИ Т. 4. СПб., 1830. № 1.833.

⁵ ПСЗРИ. Т. 6. СПб., 1830. № 3.612.

а после о том от кого донесено или усмотрено, и по следствию изобличены будут: за то, как с продавца, так и с купца, с той утаенной цены пошлины в Судебных местах взыскивать вдвое...»⁶.

Содержание указов неоспоримо свидетельствует о том, что не интересы сторон, а интересы государственной казны играли ведущую роль в требовании надлежащего оформления сделки: не оформил — штраф, занизил сумму — штраф. При серьезном дефиците бюджета ценными были любые доходные статьи.

Таким образом, в законодательстве XVII–XVIII вв. надлежащее оформление сделки превратилось в обязанность сторон, а нарушение этой обязанности влекло за собой наказание (но не признание сделки ничтожной). Можно заключить, что на данном этапе в сферу частноправовых отношений вторгается государственный интерес и, как следствие, фрагментарно внедряются императивные методы регулирования.

Третий этап включает законодательство конца XVIII–XIX вв.

Признаки, свидетельствующие о начале нового этапа, — это усложнение порядка совершения сделок и дальнейшая формализация обязательств, что отмечено Т.Е. Новицкой применительно уже к концу XVIII в. [6: с. 393–395].

В начале XIX в. был принят единый акт, аккумулировавший в себе нормы различных сфер правового регулирования, которые были расположены по предметно-отраслевому принципу, — Свод законов Российской империи.

Сводом законов гражданских (далее — Свод⁷) (в редакции 1832 г.) предусмотрено составление крепостных (в более поздних изданиях свода законов [1: с. 118] крепостной порядок заменен нотариальным), домашних и явочных актов.

Крепостная форма предполагает соблюдение особых требований не только к порядку удостоверения, но и к содержанию акта. Например, содержание купчей крепости на имение, согласно ст. ст. 1180–1182 свода, включает «два рода условий: необходимые и произвольные». К необходимым отнесены уже упомянутые ранее «объявление продавца, что он продал имение покупщику, с означением звания, имени, отчества и прозвания того и другаго»; подробное описание имения; цена, за которую имение продано и т. п. Произвольными в законе названы условия об уплате пошлин, гербового сбора, «очистка» продаваемого имения от притязаний третьих лиц и др. Выбор той или иной формы зависел от множества факторов, в частности от вида сделки, от ее суммы и др.

Усмотрение сторон в данном вопросе существенно ограничено. Так, согласно ст. 1337, «обязательство займа может быть составлено или у крепостных дел, или же порядком явочным, или домашним»; акт о закладе движимого имущества «составляется или у крепостных дел, или на дому» (ст. 1071);

⁶ ПСЗРИ. Т. 13. СПб., 1830. № 10.015.

⁷ Свод законов Российской Империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 10: Законы гражданские и межевые. Ч. 1. Кн. 2–4. СПб., тип. 2 отд. СЕИВК, 1832.

договор о личном найме «должен быть написан на гербовой бумаге, для сего установленной, и записан в книгу частного Маклера, с изъяснением всех своих условий» (ст. 1415).

Второй существенный признак рассматриваемого этапа — это введение в правовой оборот понятие ничтожной сделки.

Согласно ст. 967 Свода «договор недействителен и обязательство ничтожно, если побудительная причина к заключению онаго есть достижение цели, законами запрещенной, как-то: когда договор клонится: 1) к расторжению законного супружества; 2) к подложному переукреплению имени в избежание платежа долгов; 3) к лихоимственным изворотам; 4) к присвоению частному лицу такого права, которого оно по состоянию своему иметь не может; 5) ко вреду Государственной казны».

Несмотря на все указанные факторы, необходимо признать, что на данном этапе несоблюдение предписанной формы законодатель еще не увязывает напрямую с признанием сделки ничтожной.

Правда, некоторые цивилисты того времени считают иначе: Г.Ф. Шершеневич применительно к купле-продаже недвижимости указал, что «недостаток установленной (в данном случае — нотариальной. — И. М.) формы не может быть восполнен полным согласием контрагентов и признанием с их стороны факта совершения договора — такая сделка не производит желаемых юридических результатов» [7: с. 320].

Однако имелось и противоположное мнение. Д.И. Мейер сетовал, что именно в этом вопросе «редакция нашего Свода вызывает ряд затруднений на практике при решении вопроса о значении укрепления для права...» [5: с. 254]. По выражению Д.И. Мейера, в некоторых случаях законодатель придает форме сделки «значение корпуса сделки», т. е. при отсутствии надлежащего «укрепления» прав сделка недействительна. Однако недействительность трактуется автором только в контексте лишения «всякой возможности доказать свои права на суде» [5: с. 254].

Таким образом, третий этап связан с укреплением императивных начал в правовом регулировании формы сделки, которые, однако, еще не доведены до уровня прямого отрицания юридической силы сделки с ненадлежащим оформлением.

Четвертый, заключительный этап представлен законодательством XX в.

Уже в 1918 г. законодатель в декрете ВЦИК «О дарениях» поставил вопрос о недействительности сделок, не облеченных в определенную форму.

Признание сделки ничтожной по мотивам несоблюдения должной ее формы было предусмотрено Гражданским кодексом (далее — ГК) РСФСР 1922 г.⁸

⁸ Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принят Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 31 октября 1922 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901808921> (дата обращения: 01.09.2017).

Несоблюдение требуемой законом формы, согласно ст. 29 ГК, влечет за собой недействительность сделки лишь в том случае, когда такое последствие прямо указано в законе.

Другими словами, такое последствие было альтернативным: если в законе есть прямое указание на недействительность незасвидетельствованной сделки (по выражению законодателя, «под страхом недействительности»), то она недействительна, если нет — наступают иные последствия.

Примером первого варианта могут служить ст. ст. 72, 90, 138, 153, 185, 266, 297 и 379 ГК, в которых надлежащей объявлена только нотариальная форма сделки.

Например, в ст. 72 ГК предусмотрено, что договор о праве застройки должен быть совершен в нотариальном порядке «под страхом недействительности». Такая же угроза обозначена за несоблюдение нотариальной формы договора о залоге строения и праве застройки (ст. 90); о дарении на сумму более одной тысячи рублей золотом (ст. 138); о найме государственных или коммунальных предприятий (ст. 153); о купле-продаже строений и права застройки (ст. 185); о доверенности на управление имуществом (ст. 266); о полном товариществе (ст. 297); о страховании (ст. 379).

Альтернативное последствие несоблюдения надлежащей формы сделки разъяснено в примечании к ст. 136 ГК: если в законе предусмотрено совершение договора в письменной форме, то пренебрежение этим требованием «лишает стороны права, в случае спора, ссылаться в подтверждение договора на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные доказательства».

Так, «договоры о найме всякого имущества на срок более одного года должны совершаться в письменной форме, под страхом последствий, указанных в примечании к ст. 136» (ст. 153). Это требование относится и к займам на сумму свыше 50 золотых рублей (ст. 211); поручительству (ст. 238).

Верховный суд циркуляром от 10 ноября 1923 г. разъяснил, что из этого правила есть исключения: норма не распространяется на договоры, заключенные до вступления кодекса в силу, т. е. до 1 января 1923 г., а также на сделки, заключенные после 1923 г., но до начала действия данного циркуляра, если они уже приняты к исполнению. По замечанию законодателя, применительно к таким ситуациям суд вправе самостоятельно решать, признавать ли имеющими силу данные сделки. Это решение суд должен принять не столько с учетом конкретных обстоятельств дела, сколько сообразуясь с интересами государства.

Именно эта отсылка не к интересам сторон, а к государственным интересам позволяла судам фактически отступать от норм ГК.

Дальнейшее развитие законодательства, регламентирующего форму сделки, идет по пути расширения условий недействительности. Согласно ст. 46 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. недействительность сделки может последовать при несоблюдении не только нотариальной, но и требуемой законом простой письменной формы.

Позиция современного законодателя аналогична. Так, ст. 162 ГК РФ указывает, что несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства. Однако в п. 2 данной статьи предусмотрено, что в случаях, прямо указанных в законе или в соглашении сторон, несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность.

Таким образом, значение особой формы сделок эволюционировало от признания воли субъекта определяющим фактором в вопросе выбора формы к идее ничтожности сделок с пороками формы.

Нетрудно заметить, что диспозитивное начало, признаваемое основой гражданско-правовых отношений, в этом вопросе дает явный сбой, выдвигая на первый план волю законодателя, выраженную в недвусмысленно императивном формате.

Литература

1. *Баженова Т.М., Кодан С.В.* Свод законов Российской империи (к 175-летию издания) // Российский юридический журнал. 2008. № 3. С. 110–119.
2. История отечественного государства и права: учебник: в 2 ч. / под ред. О.И. Чистякова. Ч. 1. М.: Юрайт, 2009. 477 с.
3. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) М.: Зерцало, 2004. 576 с.
4. *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: Наука, 2002. 216 с.
5. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. I. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: Статут, 1997. 290 с.
6. *Новицкая Т.Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М.: Зерцало-М, 2005. 568 с.
7. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) М.: Изд-во «Спарк», 1995. 556 с.

Literatura

1. *Bazhenova T.M., Kodan S.V.* Svod zakonov Rossijskoj imperii (k 175-letiyu izdaniya) // Rossijskij juridicheskiy zhurnal. 2008. № 3. S. 110–119.
2. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnik: v 2 ch. / pod red. O.I. Chistyakova. Ch. 1. M.: Yurajt, 2009. 477 s.
3. *Latkin V.N.* Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX vv.) M.: Zerczalo, 2004. 576 s.
4. *Man'kov A.G.* Zakonodatel'stvo i pravo Rossii vtoroj poloviny' XVII v. SPb.: Nauka, 2002. 216 s.
5. *Mejer D.I.* Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. Ch. I. Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izd., 1902. M.: Statut, 1997. 290 s.
6. *Noviczskaya T.E.* Pravovoe regulirovanie imushhestvennyx otnoshenij v Rossii vo vtoroj polovine XVIII veka. M.: Zerczalo-M, 2005. 568 s.
7. *Shershenevich G.F.* Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.) M.: Izd-vo «Spark», 1995. 556 s.

I.V. Minnikes

**Transaction Form:
Historical and Legal Analysis**

The article deals with the evolution of the legal regulation of the transaction form in Russia during the X–XX centuries in the context of changing the attitude of the legislator to the objectives of its arrangement. With the help of the analysis of sources of law it is shown that the most ancient acts are characterized by the freedom of discretion of the parties in choosing the transaction form (dispositive regulation). By lapse of time disposability is replaced by imperative regulation with strict formalization and transformation of the transaction form into a goal in itself.

Keywords: civil law; history of law; transactions; contracts.

Д.А. Ростиславлев

Конституционный проект французских эмигрантов-роялистов 1794 г.

В статье анализируется конституционный проект лидеров французской эмиграции. В основу документа заложена идея компромисса между учреждениями абсолютной монархии, системой привилегий и принципами гражданского равенства, конституционализма, утверждавшимися в ходе революции. Конституционный проект 1794 г. развивался в русле консервативной доктрины, формировавшейся как реакция на идеи и учреждения французской революции.

Ключевые слова: французская революция; эмиграция; провинциальные ассамблеи; монархия; реставрация Бурбонов.

Великая французская революция XVIII в. оказала определяющее влияние на распространение писаных конституций в Европе. Популярность конституционного строительства среди французов и многих других европейцев должны были учитывать и противники революции. Французская контрреволюционная эмиграция формировалась вокруг принцев — братьев Людовика XVI — графа Прованского и графа д'Артуа [6: р. 140–177]. Они отвергли конституцию 1791 г., которую Людовик XVI был вынужден признать. Король рассчитывал восстановить политическую стабильность в стране, объединив нацию, расколотую на абсолютистов-эмигрантов и сторонников гражданского равенства и прав человека. А потому, полагал Людовик XVI, следует с уважением относиться к идеям, которые разделяют многие французы, даже если они заблуждаются. В мемуаре, тайно отправленном своим братьям, король утверждал: «Нацией не правят вопреки ее обыкновению... Обыкновения этой нации сегодня определяются правами человека; как бессмысленны они ни покажутся, но никакая сила не сможет в течение долгого времени управлять в противоположном нации мнению» [3].

Руководители эмиграции отрицали возможность политических компромиссов. «Сила — наша единственная надежда... Любое другое средство иллюзорно..., право и угнетенная добродетель не совместимы с преступлением и тиранией; любое соглашение невозможно...» [4], так ответили принцы на послание своего брата. Конституция 1791 г. характеризовалась многими эмигрантами как «республиканская» вследствие провозглашенных в ней принципов народного суверенитета, разделения властей и соблюдения прав человека. Король признавался только главой исполнительной власти, а не сувереном.

В начале революции эмигранты верили в возможность ее силового подавления. С 1792 г. они принимали участие в войнах так называемой первой коалиции европейских монархов против Франции. Против их ожиданий, интервенты не получили массовой поддержки французов и не смогли одержать победу. Напротив, война против армий монархической Европы вызвала патриотический подъем граждан и содействовала радикализации политического процесса во Франции. В результате парижского восстания 1792 г. монархия была упразднена, а 21 января 1793 г. Людовик XVI был казнен. Королем был провозглашен его 8-летний сын, заключенный революционерами в замок Тампль. Граф Прованский безуспешно пытался добиться от европейских монархов признания статуса регента при малолетнем племяннике. Эмигранты верили в возможность реставрации монархии во Франции, но отдавали отчет в том, что им придется признать некоторые свершившиеся изменения. Важно было определить степень конституционного компромисса, который мог быть одобрен эмигрантами и монархическими дворами Европы. В качестве своего рода пробного шара был подготовлен пакет документов, включавший в себя Прокламацию основных принципов реставрации монархии от имени держав антифранцузской коалиции, Декларацию держав о единстве действий и проект основ конституции. Первый вариант документов был подготовлен в феврале 1794 г., а в июле того же года дополнен так называемыми размышлениями и заметками. Документы эти анонимные и хранятся в фонде «Сношения России с Францией» архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ) [5; 7–10]. Внутри данного фонда 650 единиц хранения объединены описью 93\7 «Эмигранты». Источники по истории французской эмиграции конца XVIII в. хранятся также в других фондах АВПРИ: «Внутренние коллежские дела», «Парижская миссия», «Административные дела», «Канцелярия министра иностранных дел», «Санкт-Петербургский главный архив».

Представительность архивных материалов отражает значение России для организации эмигрантского движения и его признания европейскими правительствами. Екатерина II твердо поддерживала французскую эмиграцию и объявляла себя профессиональной контрреволюционеркой. События во Франции она ставила в один ряд с бунтом «маркиза Пугачева», что предполагало выбор аналогичных средств подавления. В ответ на казнь Людовика XVI Екатерина II указом от 8 февраля 1793 г. повелела выслать из России французов, которые формально не объявят о своем непризнании республиканского Конвента. Российские корабли участвовали в блокаде французских портов, шла подготовка к заключению тройственного союза между Россией, Англией и Австрией, предполагавшего участие 60-тысячного российского экспедиционного корпуса для действий против Франции [1; 2]. Лидеры эмиграции охотно обращались не только за финансовой, но и за политической поддержкой к императрице, которую называли Госпожа Помощь, посылали на ее имя мемуары, политические проекты реставрации монархии во Франции.

Несмотря на анонимный характер рассматриваемых документов, нет оснований сомневаться в том, что они были разработаны в ближайшем окружении принцев — братьев казненного Людовика XVI. Граф Прованский и граф д'Артуа, согласно Прокламации основных принципов реставрации монархии, наделялись верховной властью, призванной восстановить на престоле Франции сына казненного Людовика XVI, оказавшегося в плену у якобинцев. Заметим, что европейские правительства в это время не признавали регентских прав графа Прованского. Политической программе принцев соответствовала и поставленная в Декларации держав о единстве действий цель: посредством военных действий коалиции европейских держав прекратить «жестокую и варварскую анархию» во Франции, восстановить монархическую форму правления во главе с династией Бурбонов [10].

Важной новацией рассматриваемых документов было принципиальное согласие их авторов на создание писаной конституции Франции. О готовности к политическим компромиссам свидетельствовала фраза о сближении всех партий для создания «смешанного и свободного монархического правления» [8]. При этом компромисс распространялся только на некоторые группировки монархистов; конституция 1791 г. отвергалась как «республиканская» по духу.

Конституционный проект 1794 г. по праву может быть назван дворянским. Он выражал взгляд на общество и на систему власти провинциального дворянства, которое составило основу эмиграции. Согласно этому взгляду дворянство должно было сохранить корпоративную замкнутость как сословие, которое является основой монархии. Титулы дворян и сеньоров, как при до-революционном строе, передавались по наследству или их присваивал король за выдающиеся заслуги в военном деле, на гражданской службе, в искусствах или в торговле. Простолюдины, купившие земли сеньоров, не приобретали ни титула дворянина, ни соответствующих ему привилегий.

Предполагалось сохранить большую часть привилегий, которыми дворянство обладало до революции, в частности сеньориальные привилегии. Дворяне возвращали себе право контроля за населением своей сеньории, за сделками купли-продажи земли, право на 2/3 общинных угодий в случае их раздела, могли председательствовать в апелляционных судах и назначать мировых судей. Перечень дворянских привилегий закреплялся в «Декларации сеньора» и допускался к пересмотру раз в 10 лет. Восстановлению не подлежали личные повинности и крепостное состояние, упраздненные в первые месяцы революции [5: с. 4–5].

Восстановление сеньориальных прав дворян предполагало возвращение конфискованной у них в ходе революции недвижимости. Эта недвижимость была включена в фонд национальных имуществ вместе с землями короны и церкви и должна была быть перераспределена между новыми собственниками. Идеологи эмиграции осознавали степень социальной конфликтности вопроса о реституции. Земли короны и церкви предлагалось оставить у новых собственников. Расходы двора должны были оплачиваться посредством

установленных регулярных выплат («цивильный лист») и разовых сборов (например, при рождении наследника) [5: с. 3; 7: с. 6; 8: с. 2]. Церковь восстанавливала право собирать десятину и тридцатину и натуральный оброк. Недвижимость, которой она владела до революции, признавалась переданной ей на праве узуфрукта, а потому могла быть отчуждена собственником — нацией [7: р. 6]. Отметим, что эта аргументация почти дословно совпадает с декретом Учредительного собрания 1789 г., согласно которому церковь лишалась прав на недвижимость. Дворянам земли предполагалось вернуть, но механизм реституции не был выработан. Об одном из путей решения вопроса свидетельствует комментарий к проекту Декларации держав, согласно которому оставшееся непроданным имущество церкви следовало передать дворянам, более других пострадавшим от земельного переустройства во время революции. Чтобы избежать социальных конфликтов, дворян призывали не требовать рентные платежи за годы революции, не нарушать общественного спокойствия при поисках расхищенного движимого имущества и во всех случаях проявлять добрую волю [8: с. 2].

В конституционном проекте за дворянами закреплялись и политические привилегии. Восстанавливалась практика абсолютизма, согласно которой дворянские семьи обладали правом собственности на купленные должности магистратов [5: с. 4]. Как будет показано ниже, дворяне преобладали бы в системе представительных учреждений в случае реставрации монархии.

Закрепляя за дворянством ведущую роль в обществе после реставрации монархии, авторы конституционного проекта предъявляли свои требования к нравственному облику и поведению представителей этого сословия. Причиной революции они называли нравственную деградацию и злоупотребления элиты. Заметим, что этот упрек в адрес дворянства высказывался во многих сочинениях консервативной направленности. Авторы проекта конституции 1794 г. призывали следовать образцам поведения и принципам чести, присущим средневековым рыцарям. Открытость в обращении, преданность, мягкость нрава и вежливость рыцарей противопоставлялись духу куртизанства и интриги, который преобладал в обществе накануне революции. Согласно конституционному проекту главными занятиями дворянства должны быть управление землями в качестве сеньоров и государственная служба. Занятие дворян коммерцией не запрещалось, но и не одобрялось. В связи с этим занятием авторы документа упоминали о преступлениях и безнравственных поступках, наказанием за которые должно стать лишение титулов не только непосредственных виновников, но и их потомков. Дело лица, лишённого дворянского титула (процедура «деградации» поручалась маршалам Франции) затем предавалось рассмотрению судьям обычного трибунала [5: с. 4–5].

Организация государственной власти, описанная в конституционном проекте, также соответствовала модели дворянской монархии. Ее характерные черты: сильная власть наследственного монарха; ограничение влияния бюрократии традиционными органами власти, в которых главенствующая

роль отводилась представителям дворянства; децентрализация органов власти и управления.

В отличие от конституции 1791 г., закреплявшей за королем только функции главы исполнительной власти, конституционный акт эмигрантов наделял его статусом главы государства. Король наделялся правами: объявлять войну и заключать мир, руководить внешней политикой, производить назначения на высшие государственные должности, присваивать воинские звания [5: с. 3; 7: с. 6; 8: с. 2].

Влияние революционных учреждений в конституционном проекте монархистов проявилось в сохранении административно-территориального деления Франции на департаменты, закрепленного конституцией 1791 г., и в создании системы органов национального представительства, которые, в отличие от Генеральных штатов, созывались бы монархом ежегодно. Представительные органы предусматривались двух уровней: провинциальные ассамблеи, которые занимались бы нормотворчеством, распределяли налоги и контролировали деятельность администрации на местах; и Трибунал — национальный представительный орган, который, помимо законодательства и установления налогов, наделялся функциями высшего суда в отношении злоумышляющих против конституционного строя. По своим полномочиям Трибунал напоминал английскую палату лордов и предварял палату пэров согласно конституционной Хартии 1814 г., отстроенной Людовиком XVIII при реставрации монархии во Франции. Провинциальные ассамблеи, продолжавшие традицию средневековых штатов, формировались на паритетных началах между дворянами и представителями третьего сословия. В Трибунале должны были заседать только дворяне, избранные провинциальными ассамблеями, а также пэры Франции. Для избирателей в первичных собраниях и для депутатов устанавливались требования имущественного и возрастного ценза, которые в конституционном проекте не конкретизировались [5: с. 7; 8: с. 3].

В конституционном проекте последовательно проводился принцип разграничения полномочий центральных и местных органов власти. Трибунал должен был утверждать общую сумму налогов, которые затем распределялись провинциальными ассамблеями. Последние призваны были подменить собой множество представителей центральной исполнительной власти, «погрязших в злоупотреблениях», по выражению авторов проекта. В этой части конституционного акта отчетливо проявился конфликт между дворянско-сеньориальной моделью организации власти и бюрократическим стилем управления провинциями, который утвердился во Франции в период административной централизации XVII–XVIII вв. Авторы проекта считали, что местная власть будет хозяйствовать эффективно, поскольку прямо заинтересована в строительстве, оживлении предпринимательства, прокладывании дорог в своем регионе. Провинциальным ассамблеям предоставлялась возможность контроля за чиновниками и служащими культа вплоть до требования отзыва тех, кто не соответствовал своим должностным функциям. Местные органы власти могли обратиться с жалобой на министров в трибунал [5: с. 3].

Лидеры эмигрантов планировали возродить парламенты — высшие суды Франции, упраздненные в начале революции. В соответствии со средневековым правом предлагалось наделить парламенты правом ремонстраций — регистрации актов короля и правительства, без которых эти акты не вступали в силу. Предполагалось, что парламенты обеспечат реализацию принципа законности, не допустят возрождения ни «министерского деспотизма» периода абсолютной монархии, ни революционной анархии. Юрисдикция парламентов расширялась по сравнению с дореволюционным периодом: с целью создания стройной иерархии судов им подчинялись суды низших инстанций, а также суды счетной палаты и палаты налогов, которые традиционно относились к ведению правительства. Кодификация гражданского и уголовного права должна была заменить пеструю правовую систему кутюмов (обычного права дореволюционной Франции. — *Д. Р.*) [5: с. 3; 9: с. 6].

Католицизму во Франции возвращался статус государственной религии. Церковь должна была выполнять традиционные функции отправления культа и воспитания нравственности. Авторы конституционного проекта были сторонниками галликанской церкви, подчиненной монарху, а не римской конгрегации. По мнению авторов конституционного проекта, увлечение церкви мирскими делами приводило к ее «порче», что стало одной из причин реформации и революции. В провинциальных ассамблеях предполагалось ограничить участие церкви небольшим представительством, а в Трибунале церковные иерархи получали только право совещательного голоса. Выше было отмечено, что секуляризованное имущество французской церкви за исключением дворцов епископов и благотворительных заведений должно было остаться у новых собственников [7: с. 6; 8: с. 2; 9: с. 8].

В конституционном проекте эмигрантов 1794 г. явственно ощущается компромисс между учреждениями абсолютной монархии, системой привилегий старого порядка и принципами гражданского равенства, конституционализма, утверждавшимися в ходе революции. Этот компромисс будет закреплён после реставрации Бурбонов в Хартии 1814 г. Соотношение между учреждениями абсолютизма и гражданского общества в программах эмигрантов менялось в зависимости от расклада политических сил и укорененности революционных идей в обществе. В конституционном проекте эмигрантов абсолютистские, дворянские учреждения, безусловно, преобладали. У авторов проекта в 1794 г. были веские основания полагать, что революционные идеи во французском обществе глубоко не укоренены и вместе с реставрацией традиционной монархии будут реставрированы традиционные учреждения. Преобладание среди эмигрантов провинциального дворянства сказалось, в частности, в стремлении авторов проекта ограничить централизацию власти, «министерский деспотизм» за счет провинциальных ассамблей и возрождения парламентов. Конституционный проект 1794 г. развивался в русле консервативной доктрины, формировавшейся как реакция на идеи и учреждения французской революции.

Литература

1. *Алефиренко П.К.* Правительство Екатерины II и Французская буржуазная революция // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 243–251.
2. Записка императрицы Екатерины II «О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства». 1792 г. (август – сентябрь) // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 284–289.
3. Copie du mémoire adressé a Monsieur par le Roi // АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93\7, д. 800. Л. 7–8.
4. Copie de la reponse des Princes à la lettre et au mémoire du Roi. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93\7, д. 812. Л. 2.
5. Constitution // АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93\7, д. 1040. Л. 3–5.
6. *Diebach G. de.* Histoire de l'émigration / Ghislain de Diebach. Paris: Bernard Grasset, 1975. 579 p.
7. Extrait de réflexions et notes faites en juillet 1794 // АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93\7, д. 1040. Л. 6–7.
8. Proclamation // АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93\7, д. 1040. Л. 1–3.
9. Suite de réflexions sur les bases de la Costitution // АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93\7, д. 1040. Л. 8–10.
10. Sur la Déclaration des puissances // АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93\7, д. 1040. Л. 5.

Literatura

1. *Alefrenko P.K.* Pravitel'stvo Ekateriny' II i Franczuzskaya burzhuaznaya revolyuciya // Istoricheskie zapiski. T. 22. M., 1947. S. 243–251.
2. Zapiska imperatriczy' Ekateriny' II «O merax k vosstanovleniyu vo Francii korolevskogo pravitel'stva». 1792 g. (avgust – sentyabr') // Velikaya franczuzskaya revolyuciya i Rossiya. M., 1989. S. 284–289.
3. Copie du mémoire adressé a Monsieur par le Roi // AVPRI. F. Snosheniya Rossii s Franciej. Op. 93\7, d. 800. L. 7–8.
4. Copie de la reponse des Princes à la lettre et au mémoire du Roi // AVPRI. F. Snosheniya Rossii s Franciej. Op. 93\7, d. 812. L. 2.
5. Constitution // AVPRI. F. Snosheniya Rossii s Franciej. Op. 93\7, d. 1040. L. 3–5.
6. *Diebach G. de.* Histoire de l'émigration / Ghislain de Diebach. Paris: Bernard Grasset, 1975. 579 p.
7. Extrait de réflexions et notes faites en juillet 1794 // AVPRI. F. Snosheniya Rossii s Franciej. Op. 93\7, d. 1040. L. 6–7.
8. Proclamation // AVPRI. F. Snosheniya Rossii s Franciej. Op. 93\7, d. 1040. L. 1–3.
9. Suite de réflexions sur les bases de la Costitution // AVPRI. F. Snosheniya Rossii s Franciej. Op. 93\7, d. 1040. L. 8–10.
10. Sur la Déclaration des puissances // AVPRI. F. Snosheniya Rossii s Franciej. Op. 93\7, d. 1040. L. 5.

D.A. Rostislavlev

The Constitutional Project of the French Royalist Emigrants in 1794

The article analyses the constitutional draft of the leaders of the French emigration. The document is based on the idea of a compromise between the institutions of absolute monarchy, the system of privileges and the principles of civil equality, constitutionalism established in the course of the revolution. The constitutional project of 1794 developed within the framework of the conservative doctrine formed as a reaction to the ideas and institutions of the French revolution.

Keywords: French Revolution; emigration; provincial assemblies; monarchy; restoration of the Bourbons.

И.Л. Честнов

Интерпретативная природа реализации права

В статье анализируется реализация права с позиций постклассической методологии. Автор использует достижения современной постклассической когнитивной науки. Реализация права рассматривается как практическая интерпретативная деятельность человека.

Ключевые слова: право; постклассическая методология; реализация права; интерпретация права.

Право с точки зрения постклассической конструктивистской методологии, развиваемой автором, — это не данность, а результат деятельности человека по формированию юридически значимых социальных представлений (образцов возможного, должного или запрещенного поведения), воспроизводимых практиками (включающими интерпретацию правил поведения) людей — субъектов права. Такой подход призван преодолеть догматичность, оторванность от практических нужд как правоприменителя, так и обывателя классической теории права.

Реализация права в рамках такого подхода — это согласование поведения человека с информацией, сформулированной в норме права. Такая деятельность человека — носителя статуса субъекта права — имманентно интерпретационна: она предполагает восприятие этой информации (в самых разных формах, включающих как профессиональное или доктринальное осмысление, так и обыденное представление), ее когнитивную переработку и использование. Применительно к юридически значимым ситуациям воспринятая информация интерпретируется и мотивирует человека на совершение действий, имеющих правовые последствия.

Традиционно под интерпретацией или толкованием права в процессе реализации права (чаще всего — правоприменении) понимают уяснение и разъяснение смысла нормы права. Такой подход вполне пригоден для простых ситуаций, хотя и в этих случаях он не совсем корректно описывает реальный процесс интерпретационной деятельности. Однако с точки зрения теории тут сразу же возникают вопросы: что такое смысл нормы права, как смысл соотносится со значением нормы права, существуют ли смысл и значение как некие объективные данности и если да — то где?

С позиций лингвистического, практического и антропологического «поворотов», определяющих содержание социогуманитарного постклассического

знания конца XX – начала XXI в., значение — это использование знака в социальных практиках, а смысл — оценка знака в ее сопоставлении с личностной интенцией и мотивацией. Значение нормы права в таком случае — это «обезличенное» знание (информация) того, на кого она распространяется, как социально значимый Другой (любой и каждый) в такой-то конкретной ситуации может, должен или не должен (ему запрещено) совершать соответствующее действие и какие последствия могут (должны) наступить. Смысл нормы права — это интериоризация и актуализация ее значения в индивидуальное правосознание конкретного человека.

Как осмысляет человек нормы права и конкретные юридические ситуации? Ответ на этот вопрос требует рассмотрения фундаментальной проблемы человеческого мышления.

В конкретных жизненных ситуациях, как считается в постклассической когнитивной науке, люди не используют аристотелевскую логику силлогизмов (за исключением практического силлогизма, почти всегда представленного в «свернутом» виде) в повседневных практиках, а действуют на основе прецедентности или прототипичности мышления, «логики» стереотипов и типизаций, фреймов и скриптов. Классическая теория категории, утверждает Дж. Лакофф, является «краеугольным камнем объективистского подхода к разуму. Она рассматривает категории как определяемые исключительно объективно данными признаками, разделяемыми всеми членами этой категории». По его мнению, «концептуальные категории не могут быть охарактеризованы исключительно в терминах объективных признаков членов категории, поскольку:

- человеческие концептуальные категории имеют признаки, которые, по крайней мере частично, детерминированы физической, телесной природой людей, осуществляющих категоризацию, а не исключительно признаками членов категории;

- человеческие концептуальные категории имеют признаки, которые являются результатом деятельности воображения (метафорическое и метонимическое отображение, создание ментальных образов), не отражающего природу» [2: с. 481].

С позиций когнитивной семантики — междисциплинарного постклассического направления — в повседневном мышлении используются образные схемы, метафоры и метонимии. В исследовании источников прототипических эффектов Дж. Лакоффа подробно проанализированы метонимические модели (стереотипы, идеалы, субмодели и т. д.). «Все они используются в мышлении, хотя и не используются в логике, как она обычно понимается. Эти формы метонимического, или “заместительного”, мышления реально существуют и заслуживают дальнейшего изучения. Они включают:

Социальные стереотипы: используются для того, чтобы быстро выносить суждения о людях и ситуация.

Типичные случаи: используются для того, чтобы делать выводы от типичных случаев к нетипичным, основываясь на знании типичных случаев.

Идеалы: используются в суждениях о качествах и при планировании будущего.

Образцы: используются при сравнении и как модели поведения.

Генераторы: определяют понятия посредством принципов расширения.

Субмодели: используются при оценке размера, в вычислениях и операциях “приближения и округления” (approximations).

Выделяющиеся случаи: используются при оценке вероятности» [2: с. 476].

Замечу, что логика прототипов характерна не только для обыденного юридического мышления, но и для профессионального. Р. Познер достаточно справедливо отмечает ограниченность использования юристами логики. Поиск, оценка фактов в основном не являются логическим процессом, утверждает он. Судья, как правило, предпочитает держаться давно действующей нормы права, несмотря даже на ее противоречие со справедливостью. Еще менее применима логика к изменениям правовой системы, принципиально отличающимся от исправления ошибок в силлогизме [3: р. 52]. «Логика, как и математика, охватывает отношения между идеями, а не соотносимость с фактами», — пишет он [3: р. 54]. Более того, «показать, что мнение нелогично, еще не значит показать, что оно неверно» [3: р. 55]. Показав ограниченность применения в праве формально-научных методов, Р. Познер доказывает, что основным методом, используемым в правовой практике, является «практическое мышление». Последнее включает в себя «анекдоты, самоанализ, воображение, здравый смысл, сопереживание, приписывание мотивов, авторитет говорящего, метафоры, аналогии, обычаи, память, интуицию, ожидание регулярностей» [3: р. 73]. В работе, специально посвященной мышлению судей, он пишет, что в нестандартных случаях «навигации в неизведанных морях», их «оборудование» состоит из опыта, эмоций и часто неосознанных убеждений. При этом они берут на себя законодательную роль, хотя и ограниченную внутренними и внешними ограничениями, такими как профессиональная этика, мнения уважаемых коллег, продвижение по службе, репутация и политическое реноме, а также ограничениями, накладываемыми другими ветвями власти на судебское усмотрение [4]. Следует заметить, что Р. Познер не первооткрыватель «нелогичности» юридического мышления и практики. Еще в 30-е гг. XX в. к этому же выводу пришли представители школы правового реализма США. Они утверждали, что судья принимает решение, опираясь на подсознательно сложившийся у него образ сторон — участников рассматриваемого дела. Поэтому куда как большую роль, нежели логика, имеют в этом деле такие иррациональные факторы, как индивидуальные и общественные стереотипы мышления, предубеждения, господствующая мораль и т. п. По мнению известного венгерского теоретика права Ч. Варги, «логика в праве не является неким определением, обладающим принудительностью: она может сталкиваться с особыми видами пробелов, изменениями, переходами и неопределенностями в правовом процессе (обнаруживающимся при последующей реконструкции)» [1: с. 20]. Он утверждает, что «проецируя

определение **аксиоматических систем** на право, мы получаем не более чем тавтологию. Например, можно предположить, что и позитивное право, и правовая доктрина, вместе с набором принципов, принятых в действующей юриспруденции и лежащей в ее основе правовой идеологии, должны воплощать те принципы интерпретации, через которые значение фундаментальных правовых понятий может стать очевидным, а значение всех последующих понятий — принятым как действительное. Однако ни в каком праве нет фундаментальных понятий, имеющих самоочевидное значение; никакие принципы интерпретации не определены исчерпывающе или не конструируются из системы; более того, правовые понятия по необходимости не выводимы из самой системы. Если так, то **право не пригодно для аксиоматизации** в силу самой природы его понятий, ввиду того факта, что сама идея **дедукции им чужда**» [1: с. 235].

Практическое юридическое мышление, включающее интерпретацию правовой реальности, основано на интересубъективно разделяемых знаниях, структурированных в фреймы или сценарии. Под фреймами в когнитивной психологии имеют в виду обобщенные когнитивные репрезентации того, что может быть увидено в некоторой выделенной части статичного пространственного окружения, например, что должно быть в помещении дежурной части полиции, в комнате, которая стала местом преступления и т. д. Скрипты или сценарии привычных событий акцентируют внимание на процессуальной стороне социального представления и состоят из рядов актов или эпизодов, каждый из которых, в свою очередь, разбивается на более дробные единицы, причем конкретное их значение может зависеть от культурных и социальных факторов — обращения к полицейскому, взаимоотношение водителей на дороге и т. д. Содержание фреймов и скриптов составляют социокультурно и исторически обусловленные социальные стереотипы, определяющие социальные ожидания (экспектации) соответствующего поведения, в том числе в юридически значимых ситуациях от контрагента в правоотношении.

Категоризация как основа повседневного практического мышления, включая интерпретацию мира права, основана на прототипах-образцах, которые составляют основное содержание юридического опыта человека. Одновременно такое мышление, в отличие от абстрактного теоретизирования, всегда предполагает соотнесение образа (и образца) ситуации с личностной интенцией. Образец же ситуации включает интериоризацию требований, исходящих от социума (культуры), представленного социально значимым Другим (например, вышестоящим начальством, коллегами по службе, экспертами и др.). Такая интериоризация одновременно мотивирует деятельность человека, стимулируя или удерживая его поведенческую активность, так как с этими требованиями человек вынужден соотносить собственную интенцию (потребности, интересы, цель).

Юридические категории и конструкции, образующие догматику права, существуют в правовой реальности в социальном смысле только будучи

воплощенными в юридических практиках — если они используются в повседневном опыте и воплощаются в ментальных образах людей, в их интерпретации правовой реальности. Реальность юридических категорий и конструкций состоит в их мотивирующем значении и, как следствие, в результатах юридической жизнедеятельности.

Мышление человека (включая интерпретации юристов) контекстуально зависит от образцов когнитивной активности, задаваемой исторической эпохой и конкретной культурой, в которой социализирован данный индивид. В этой связи возникает сложный вопрос о его — мышлении — универсальности/контекстуальности. Пожалуй, можно говорить об универсальных «юридических примитивах» (перефразируя А. Вежбицку) — правилах поведения, которые в любом социуме являются (и считаются) необходимыми для его нормального функционирования. Но таковые представляют собой абстракцию и выступают контекстом поведенческой и ментальной активности человека. Конкретное же их содержание определяется историческим и социокультурным контекстом.

Таким образом, постклассическая методология, использующая данные когнитивной науки, предлагает более точную характеристику такого важнейшего для юриспруденции феномена, как реализации права, демонстрируя его интерпретативную природу. Как происходит интерпретация правовой реальности? Во-первых, этот процесс включает в себя абстрактные восприятия права как такового с учетом разнообразных позиций актора: теоретическое (в разных парадигмах), профессиональное, обыденное (исходя из исторической и социокультурной обусловленности), сопровождающиеся бессознательным стереотипным толкованием. Во-вторых, конкретное, практическое толкование: означивание ситуации с точки зрения социально значимого Другого или нормы права: как можно, должно или запрещено поступать в данном контексте. Это происходит через фреймирование (точнее — соотнесение воспринимаемого со скриптом: типичным образцом «правильного» поведения в конкретной ситуации). Одновременно обязательно происходит соотнесение значения с личностным смыслом, с оценкой права. Таким образом, можно говорить о диалогичности интерпретации права, выражающейся в соотнесении позиции внутреннего участника и внешнего наблюдателя, производимом на уровне внутреннего диалога и его внешней реализации.

Литература

1. *Варга Ч.* Загадка права и правового мышления / пер. с англ. и венгр; сост. и науч. ред. М.В. Антонова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 409 с.
2. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шапуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
3. *Posner R.* The Problems of Jurisprudence. Chicago, Chicago Univ. Press, 1990. 485 p.
4. *Posner R.* How Judges Think. Cambridge, Harvard University Press, 2008. 387 p.

Literatura

1. *Vapga Ch. Zagadka prava i pravovogo my'shleniya* / per. s anrl. i vengr; sost. i nauch. red. M.V. Antonova. SPb.: Alef-Press, 2015. 409 s.
2. *Lakoff Dzh. Zhenshhiny', ogon' i opasny'e veshhi: Chto kategorii yazy'ka govoryat nam o my'shlenii* / per. s angl. I.B. Shapunovskogo. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. 792 s.
3. *Posner R. The Problems of Jurisprudence*. Chicago, Chicago Univ. Press, 1990. 485 p.
4. *Posner R. How Judges Think*. Cambridge, Harvard University Press, 2008. 387 p.

*I.L. Chestnov***Interpretative Nature of the Implementation of Law**

The article analyses the implementation of the law from the standpoint of postclassical methodology. The author uses the achievements of modern post-classical cognitive science. The realization of law is regarded as a practical, interpretive activity of a person.

Keywords: law; postclassical methodology; realization of the right; interpretation of law.

С.А. Афанасьева

Основные проблемы функционирования политической системы современной России

Статья посвящена актуальным проблемам функционирования политической системы Российской Федерации. Анализируя практику избирательного процесса за последнее время, законодательство о политических правах и свободах человека, автор выявляет основные проблемы в реализации политических прав и свобод человека и гражданина и делает вывод о необходимости совершенствования политических институтов России.

Ключевые слова: политическая система; избирательные права; политическая конкуренция; государство.

Многие исследователи обращают внимание, что в политической системе современной России в целом сохранились характерные черты традиционной для страны модели правления — самодержавно-бюрократической, особенностями которой являются существенное ограничение политической конкуренции и сильное регуляторное воздействие государства на политические институты политической системы [3: с. 145].

Действующая в современной России политическая система стабильно функционирует при высоких уровнях поддержки политического лидера и доверия к нему со стороны населения. При снижении поддержки власти возникают серьезные сбои, которые очень часто преодолеваются нелегальными и часто нелегитимными способами. Вместе с тем очень важно, чтобы в современной политической системе присутствовали механизмы, позволяющие минимизировать риски принятия ошибочных и непрофессиональных решений, чтобы политическая система была адаптирована к реалиям современности. Такими механизмами на практике могут выступать разнообразные открытые площадки для обсуждения возможных вариантов решений, согласования позиций различных социальных групп. В основном же адаптивность политической системы в демократических обществах достигается путем проведения открытого и честного избирательного процесса [5: с. 5–22].

Представляется, что в современной России избирательный процесс далек от совершенства. Российское общество зачастую сталкивается с искажением свободного волеизъявления народа, несвободными и нечестными выборами. Публичная власть противоправно использует властные полномочия для подавления политической конкуренции, создания преимуществ представителям аффилированных сил и групп с целью извлечения в их пользу определенной выгоды в виде результатов несвободных и нечестных выборов. Данное явление Ю.А. Нисневич обозначает как электоральную коррупцию [5: с. 5–22].

В связи с чем характерной чертой действующей в России политической системы являются нарастающие деформации избирательного процесса. Постоянно наблюдаются хаотичные изменения избирательного законодательства и порядка формирования Государственной думы, переход от пропорциональной к смешанной системе, злоупотребления административными ресурсами публичной власти всех уровней. Выборы в данной системе регулируются шлюзами разнообразных социальных дотаций, реального обсуждения социальной, экономической, культурной, национальной политики государства не происходит. Очевидно, что нынешняя политическая система Российской Федерации не обладает достаточными адаптивными механизмами. Представительные органы в политической системе России не способны играть роль самостоятельного центра принятия решений. В стране отсутствуют влиятельные оппозиционные силы для действительной политической конкуренции.

С 2005 года в России наблюдается строительство своего рода контролируемой партийной системы, во главе которой стоит крупная проправительственная партия — «Единая Россия», остальным партиям, число которых было значительно сокращено (до 7 официально зарегистрированных партий, которые допускались к участию в выборах), фактически отводилась роль лояльных оппозиционных партий, которые делили между собой голоса, не отданные электоратом за «Единую Россию», примерно в равных долях, с тем чтобы ни одна из этих партий не могла претендовать на лидирующие позиции в обществе.

Сложившаяся партийная система представляется оптимальной для авторитарных режимов. При этом следует отметить, что по результатам выборов в Государственную думу в 2011 году «Единой России» не удалось получить большинства голосов, однако за счет пропорционального перераспределения голосов количество мест (а именно 238 мандатов) в федеральном парламенте оказалось достаточным для получения фракцией партии «Единая Россия» контроля над нижней палатой российского парламента.

Так, ради нивелирования угроз потери проправительственной партией большинства в 2016 году на выборах в Государственную думу было принято комплексное решение, основное содержание которого можно свести к двум элементам: увеличить общесистемную фрагментацию на электоральном уровне путем значительного смягчения ограничений на создание новых политических партий и их участие в выборах (так называемая партийная

реформа 2012 года); минимизировать сопряженные риски путем отказа от полностью пропорциональной системы и возвращения к уже использовавшейся в России до выборов в Государственную думу 2007 года смешанной системы выборов депутатов. В 2012 году количество официально зарегистрированных партий увеличилось с 7 до 49, а в 2013 году к ним добавилось еще 19 партий. При этом большое количество партийных проектов носит явно фиктивный характер, а парламентское ядро отечественной партийной системы по-прежнему представлено традиционной четверкой: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия».

Представляется, что выборы 2015 года уже целиком прошли по сформировавшемуся выборному законодательству. Однако все же некоторые новеллы в выборном законодательстве присутствовали и развивали ранее обозначенные тенденции к ужесточению правил избирательной системы и сокращению площадок даже для ограниченной политической конкуренции. Появились новые ограничения для независимого наблюдения на выборах (законы против НКО, признанных выполняющими функции иностранных агентов, а также правоприменительные жесты в отношении некоторых общественных организации, выразившиеся, например, в обысках, в наблюдательной организации «Голос» и домах ее сотрудников). Увеличилось количество субъектов Российской Федерации, где произошла отмена прямых выборов глав регионов, а вместо них введена процедура их избрания региональными законодательными собраниями, введено обязательное согласование кандидатуры глав автономных округов с губернатором «материнского субъекта». На муниципальном уровне ограничителем для функционирования нормального политического процесса стало введение двух новых вариантов структуры органов местного самоуправления, при которых единоличный глава муниципального образования и местной администрации избирается депутатами либо самостоятельно, либо по предложению конкурсной комиссии, в которой с 2014 года половину состава формирует региональная власть. Традиционно мощным ограничителем политической конкуренции является процедура регистрации партийных списков, которая вместе с тем является и механизмом управления выборами со стороны власти. Поэтому и не будет удивительным тот факт, что после бурного роста числа зарегистрированных партий в 2012–2013 годах процесс не просто замедлился, но развернулся в обратную сторону — многие созданные партии резко свернули активность. Например, среди выдвинутых партсписков на выборах региональных парламентов в 2015 году 39 % не дошли до выборов (в первую очередь за счет отказов в регистрации по итогам проверки подписей). На выборах представительных органов региональных центров в 2015 году ситуация была чуть лучше по причине меньшего количества требуемых подписей: отсеяв списки составил 23,2 %, отсеяв списки на основании проверки подписей составил 51 %. Таким образом, уровень конкуренции составил 6,9 % списка на город.

Еще больше выросло количество отсеянных партийных списков, не имеющих льгот, и самовыдвиженцев по мажоритарным округам, хотя оно и ранее

было немаленьким. Так, на выборах депутатов законодательных собраний в 2014 году от общего числа выдвинутых кандидатов до выборов не дошло 33 %, при этом среди кандидатов от партий, имеющих льготы, отсева был всего 8 %, среди самовыдвиженцев — 63 %, а среди кандидатов от партий без льгот — 77 %. На выборах 2015 г. общая доля отсева среди всех кандидатов в законодательные собрания регионов по мажоритарным округам уменьшилась до 22 %, но среди партий без льгот увеличилась до 88 %, среди самовыдвиженцев — до 63,4 %. Всего самовыдвиженцев среди 1302 выдвинутых кандидатов было 213 (16,35 %), представителей партий, не имеющих льгот, — 133 (10,21 %). То есть общая доля кандидатов, рискующих собирать подписи, сократилась, а случаев недопуска среди них стало еще больше. При этом в мажоритарных округах на выборах представительных органов административных центров регионов в 2014 г. доля отсева в период между выдвижением и днем выборов среди самовыдвиженцев была 50 %, среди кандидатов от партий без льгот — 49 % (более благоприятная ситуация по сравнению с выборами законодательных собраний регионов объясняется меньшим числом требуемых подписей). В 2015 г. доля отсева среди самовыдвиженцев увеличилась до 54 %, среди кандидатов от партий без льгот — до 70 %.

Данные тенденции наиболее ярко выразились по результатам федеральной избирательной кампании 2016 года, в ходе которой произошло неизбежное существенное снижение явки избирателей как по причине переноса выборов на сентябрь, так и по причине низкого качества и интенсивности агитационной кампании во многих регионах. На снижение интереса избирателей к выборам также сказалась традиционная преддрешенность результатов выборов. Число действительно высококонкурентных кампаний в одномандатных округах не было большим по причине значимой роли неформальных политических согласований, но затем еще больше снизилось как по причине отказа в регистрации части значимых кандидатов, так и вследствие выбытия некоторых из них уже после регистрации.

Снижение явки избирателей существенно повышает значение различных манипулятивных избирательных технологий, включая применение организованного голосования с помощью открепительных удостоверений, организацию кампаний по сознательному снижению явки определенных групп избирателей. При этом в силу резкого ужесточения норм законодательства о назначении наблюдателей и направления на участки корреспондентов СМИ на выборах 2016 года резко снизились возможности организации и проведения электорального контроля, что является фактором, позволяющим лицам, заинтересованным в фальсификациях, легче их проводить и выбирать для них избирательные участки, лишённые фактического наблюдения. Не удивительно, что ход голосования в ряде регионов и опубликованные там данные вызвали у представителей общественности, самих партий и кандидатов целый ряд сомнений и вопросов.

Кроме того, были значительно ограничены право на свободу мысли и слова и право на объединения, что выразилось в давлении на институты

гражданского общества и средства массовой информации. Свидетельством этого, например, явилось появление Федерального закона о так называемых иностранных агентах, ограничение деятельности либеральных СМИ, которые ранее пользовались относительной свободой, наступление на свободу в Интернете (переформатирование интернет-издания «Газета.ру», смена редакций газеты «Коммерсант» и информационного агентства «Росбизнесконсалтинг», конфликт вокруг телеканала «Дождь» и т. д.), кампании по дискредитации гражданских активистов, натравливание консервативного большинства на либерально мыслящих сограждан, которых стали именовать «пятой колонной» и «национал-предателями», экспансия государства в идейно-символическое пространство и ведение им политики агрессивного антизападничества.

Таким образом, государство все сильнее вторгается не только в общественную сферу (образование, культура, искусство), но — впервые со времени краха коммунистического режима — также и в личную жизнь (вопросы семьи, сексуальных предпочтений, религиозных убеждений). По данным Московской Хельсинкской группы, в первый же год, когда закон об иностранных агентах был введен в действие (2014), в реестр иностранных агентов Министерства юстиции была внесена 31 организация, а по состоянию на март 2017 года в реестре значится уже более сотни организаций (примерно два десятка из них смогли добиться исключения из списка); реестр постоянно пополняется. При этом репрессивный характер данного института резко усилился: включение в реестр стало принудительным, а отсутствие упоминаний об этом карается крупными штрафами. Среди оштрафованных можно назвать различные подразделения «Мемориала», Сахаровский центр, «Трансперенси Интернешнл» (сумма штрафа составляет несколько сотен тысяч рублей).

Отметим, что данная практика ограничения и политического «обездвиживания» российского общества в политической сфере стала возможной благодаря заложенному в Конституции РФ межинституциональному дисбалансу, где превалирует персона главы государства и его администрация, что свидетельствует о моносубъектности [4: с. 48] властных отношений и перечеркивает принцип разделения власти, заложенный в российской Конституции (ст. 11).

Административно-властная деятельность государственных органов должна осуществляться в соответствии с нормами и принципами, предусмотренными Конституцией РФ, а также в соответствии с федеральным законодательством. В современной политической системе России можно наблюдать параллельную власть, идущую в обход государственных институтов и представляющую собой сеть личных договоренностей [6: с. 24]. Данные процессы нивелируют роль государственных институтов, превращая их в постановочные, имитирующие управленческие процессы структуры. Вследствие данных факторов невозможно построить сильное, правовое государство, одновременно наращивая сектора власти, выводимые за рамки государства, где у всякой публичной государственной функции есть двойник — теневая обеспечивательная параллель неформальных отношений.

Также в России наметилась практика создания различных государственных институтов, которые, не являясь конституционными, осуществляют свою деятельность на федеральном уровне (например, Государственный совет, федеральные округа и т. д.).

Необходимо отметить, что в последнее время также Администрация Президента, являясь по Конституции всего лишь структурой, обеспечивающей деятельность президента, в настоящий момент эволюционировала в публично-властный центр всей политической и государственной системы Российской Федерации. Это можно проследить и на примере деятельности правительства, все действия которого обязательно согласовываются в Администрации Президента, что тормозит его работу и нивелирует в качестве самостоятельного органа публичной власти, хотя для страны с такой обширной территорией и сложными хозяйственными связями данный властно-распорядительный институт просто необходим.

При этом Конституция РФ, провозгласив принцип разделения властей, вывела правительство из прямого подчинения парламенту, сохранив за Государственной думой лишь контроль в сфере бюджетной политики [3: с. 167]. Представляется, что полномочия Государственной думы в сфере контроля за деятельностью правительства являются явно недостаточными и их следует распространить на другие сферы его деятельности.

Для того, чтобы сбалансировать систему сдержек и противовесов, а также обеспечить реальную систему разделения властей, чтобы повысить доверие граждан к политическим институтам и их желание участвовать в политических процессах, необходимо увязать деятельность политической партии с принятыми законами и решениями правительства, нужно соотносить исполнительную власть с политической партией, получившей большинство в парламенте. В российских условиях такой подход возможен лишь при выдвижении политической партией своего представителя на пост председателя правительства, который должен состоять членом данной политической партии. В таком случае действия правительства будут ассоциироваться с принимаемыми ведущей партией решениями, и, соответственно, общество не будет отделять конкретного государственного чиновника от общего курса партии — успешного или ошибочного. Это будет обуславливать переход России от жестко президентской формы правления к парламентско-президентской форме, где президент, избираемый народом, имеет полномочия, позволяющие ему координировать стратегические направления деятельности правительства, а правительство действует относительно свободно, оставаясь подотчетным перед парламентом и соотнося свою деятельность с ним [2: с. 13–14].

Кроме того, определяющим фактором эффективной политической системы государства является политическая ответственность. В современной российской ситуации крайне важно исключить возможность перекладывания ответственности за принятые решения на другие политические институты. В данном случае должна быть ясность, какой политический институт отвечает

за те или иные решения и с какой политической партией следует ассоциировать проводимую политику.

При этом также необходимо отметить, что власть, чтобы оставаться легитимной, не может игнорировать общественное мнение и вынуждена подстраиваться под ожидания людей и проводить свою политику, сверяясь с барометром общественного мнения [7: с. 545]. Поэтому курс, проводимый верховной властью в последние годы и направленный на политическую и экономическую стабильность, обеспечение государственного суверенитета, предоставление определенных социальных гарантий, поддерживается на данный момент большинством граждан, о чем может говорить уровень доверия граждан к президенту и к политике, которую он проводит (по данным ВЦИОМ на март 2017 года действия президента одобряет 71 % граждан России) [1]. Успехи по обозначенным направлениям являются основой легитимности власти в обозримом будущем и свидетельствуют о высоком доверии к ней со стороны общества. Как отмечает Е.Г. Ясин, поддержка населения «делает режим легитимным даже при свертывании демократических институтов, которые еще не успели доказать гражданам свою полезность и которые общество еще не готово отстаивать» [8: с. 297].

С учетом всего вышесказанного представляется, что функционирование политических институтов современной России неэффективно и в дальнейшем предстоит их совершенствование.

Литература

1. Оценка властей // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: http://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej/ (дата обращения: 30.03.2017).
2. Грановский С.А. Прикладная политология: учебное пособие. М.: Флинта, 2004. 408 с.
3. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Современная российская политика: учебное пособие. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
4. Краснов М.А., Шаблинский И.Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М.: Институт права и публичной политики, 2008. 231 с.
5. Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция и ее зарождение в постсоветской России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. № 3. С. 5–22.
6. Павловский Г.О. Система РФ в войне 2014 года. М.: Европа, 2014. 200 с.
7. Патрушев С.В. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. 590 с.
8. Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России? М.: Фонд литературная миссия; Новое литературное обозрение, 2012. 384 с.

Literatura

1. Ocenka vlastej // Vserossijskij centr izucheniya obshhestvennogo mneniya (VCIOM). URL: http://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej/ (data obrashheniya: 30.03.2017).
2. Granovskij S.A. Prikladnaya politologiya: uchebnoe posobie. M.: Flinta, 2004. 408 s.

3. *Isaev B.A., Baranov N.A.* Sovremennaya rossijskaya politika: uchebnoe posobie. SPb.: Piter, 2012. 448 s.
4. *Krasnov M.A., Shablinskij I.G.* Rossijskaya sistema vlasti: treugol'nik s odnim uglom. M.: Institut prava i publichnoj politiki, 2008. 231 s.
5. *Nisnevich Yu.A.* E'lektoral'naya korrupciya i ee zarozhdenie v postsovetsoj Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. 2014. № 3. S. 5–22.
6. *Pavlovskij G.O.* Sistema RF v vojne 2014 goda. M.: Evropa, 2014. 200 s.
7. *Patrushev S.V.* Institucional'naya politologiya: Sovremenny'j institucionalizm i politicheskaya transformaciya Rossii / pod red. S.V. Patrusheva. M.: ISP RAN, 2006. 590 s.
8. *Yasin E.G.* Prizhivetsya li demokratiya v Rossii? M.: Fond literaturnaya missiya; Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 384 s.

S.A. Afanasyeva

The Main Problems of Functioning of the Political System in Present-Day Russia

The article is devoted to topical problems of the functioning of the political system of the Russian Federation. Analyzing the practice of the electoral process in recent years, the legislation on political rights and human freedoms the author reveals the main problems in the implementation of political rights and freedoms of man and citizen and concludes that it is necessary to improve Russian political institutions.

Keywords: political system; electoral rights; political competition; state.

И.А. Васильев

Сетевая реализация образовательных программ партнерствами Европейского института инноваций и технологий

В статье рассматривается реализация образовательных программ магистратуры и докторантуры партнерствами, создаваемыми Европейским институтом инноваций и технологий. Образовательная деятельность партнерств сравнивается с институтом сетевой формы реализации образовательных программ, представленным в российском образовательном законодательстве.

Ключевые слова: образовательное законодательство; образовательные программы; инновации; сетевая форма; онлайн-курсы.

Создание в 2008 г. Европейского института инноваций и технологий (European Institute of Innovation and Technology, далее — Институт) преследовало цель дополнения образовательного и экономического пространства Европейского союза интеграцией высшего образования, научных исследований, инновационной деятельности (названного треугольником знаний — knowledge triangle: образование, исследования, инновации). Сетевая форма взаимодействия организаций, компаний в целях реализации образовательных программ появилась в Федеральном законе 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «Об образовании»). Этот закон ввел институт сетевой формы реализации образовательных программ, позволяющий организациям, осуществляющим образовательную деятельность, и любым другим организациям реализовывать совместные программы (статья 15). Значимость для образовательной системы и экономики Российской Федерации сетевой формы раскрывается в двух аспектах. Во-первых, она позволяет объединять ресурсы нескольких субъектов для реализации какой-либо программы, если у организации, осуществляющей образовательную деятельность, их недостаточно. Во-вторых, она является способом вовлечения в реализацию образовательной программы представителей работодателей, создавая условия для появления новых программ благодаря соединению ресурсов организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и других организаций или компаний. В настоящий момент использование сетевой формы проходит период осмысления и оценки на практике предполагаемых на нормативном уровне преимуществ для объединяющихся субъектов [3–6; 8]. Поэтому рассмотрение зарубежного опыта, в особенности

в наднациональном масштабе, как в примере с Институтом, позволит провести сравнение с отечественным подходом к регулированию сетевой формы реализации образовательных программ [9; 11].

Институт является органом Европейского союза, обладает статусом субъекта права и пользуется правосубъектностью, которой обладают юридические лица на основе национальных законодательств государств-участников [12: Art. 11 (1)]. В частности, Институт может приобретать или отчуждать движимое и недвижимое имущество и являться стороной правоотношений. Финансирование Института осуществляется в рамках соответствующих статей бюджета Союза, а также из других публичных и частных источников [12: Art. 14 (1)]. Деятельность Института заключается в выборе и поддержке проектов независимых партнерств знаний и инноваций (Knowledge and Innovation Community (KIC), далее — партнерства), представленных коллаборацией организаций высшего образования, исследовательских организаций, компаний и других заинтересованных субъектов. Членами партнерств могут также являться публичные или частные компании, финансовые организации, органы публичной власти, некоммерческие организации. Партнерства, как отмечается в акте Европейского союза [12], являются устойчивой и долгосрочной формой стратегического сетевого взаимодействия в интересах инновационного процесса. Для успешного взаимодействия основные участвующие в партнерстве организации должны располагаться на одной территории. Такие территориальные локации нахождения организаций партнерства получили название Co-Location Centres. Однако это не исключает нахождение отдельных участников партнерства на других территориях. Заметим, что территориальный признак размещения организаций характерен не только для партнерств, но также и для различных видов кластеров: промышленных, инновационных, образовательных.

Для создания партнерства необходимо участие как минимум трех организаций, созданных в трех разных государствах — членах Европейского союза. В их числе должна быть обязательно представлена одна организация высшего образования и одна частная компания [12: Art. 7 (4)]. Также к составу партнерств предъявляется требование регистрации двух третей организаций в государствах — членах Союза. Существующие партнерства учреждены в организационно-правовых формах как коммерческих организаций, так и некоммерческих организаций. Например, партнерство Climate-KIC создано в форме ассоциации и зарегистрировано в юрисдикции Нидерландов (Association Climate-KIC) [17]. Партнерство EIT RawMaterials создано в юрисдикции Германии и имеет форму акционерного общества: EIT RawMaterials GmbH (Gesellschaft mit beschränkter Haftung, German Limited Liability Company) [23]. В структуре партнерств присутствуют «якорные» организации — обязательные участники (образовательные организации высшего образования, в частности) и иные участники, сгруппированные по территориальному принципу (компании малого и среднего бизнеса).

Создание партнерства, а также последующие отношения с Институтом формализованы договором: им определяется организационно-правовая

форма партнерства, а также учредительная миссия, которая должна быть взаимосвязана с целями развития Европейского союза [13]. В данное соглашение может быть включено условие, что документы об ученой степени и об образовании, выдаваемые участвующими в партнерстве организациями высшего образования, приобретают статус выданных партнерством. Данная форма степени или документа не является двойной, поскольку организация является членом партнерства, но может рассматриваться в качестве совместно выданного документа об образовании или совместной присужденной степени. При этом Институт стимулирует признание государствами — странами Европейского союза таких степеней и документов об образовании [12: Art. 5]. Степени и документы об образовании присуждаются и выдаются участвующими в партнерстве организациями высшего образования в соответствии с национальными требованиями и процедурами аккредитации [12: Art. 8 (1)]. Требование соответствия национальным условиям может влечь невозможность обозначения степени или документа об образовании как выданного не только соответствующей организацией, но и партнерством. Институт должен стимулировать участвующие в партнерствах организации высшего образования выдавать двойные и (или) совместные документы об образовании и присуждать двойные и (или) совместные степени [12: Art. 8 (1)]. В качестве примера можно привести программы магистратуры партнерства Digital [25], выпускникам которых выдаются два документа об образовании в соответствии со сделанным студентом в своем индивидуальном плане выбором образовательных организаций. Однако нормативное регулирование не ограничивает права участвующих в партнерствах организаций единолично выдавать документы об образовании и присуждать степени. Помимо документов об образовании в партнерствах также могут выдаваться сертификаты, подтверждающие наличие у выпускника специальных компетенций. По такому пути развивается программа магистратуры «Master Label Programme» партнерства Climate [49], предполагающая выдачу документа об образовании одним из университетов-участников и сертификата партнерства. Для получения сертификата лицу, осваивающему такую программу, необходимо принять участие в проводимой партнерством летней школе и серии специальных семинаров, получить не менее 12 академических кредитов за освоение дополнительных дисциплин по тематикам партнерства, получить 30 кредитов в другой организации высшего образования, а также подготовить магистерскую диссертацию по одной из тематик партнерства. В партнерстве Digital по завершении освоения программы магистратуры выдается сертификат под брендом института и Digital Master School (образовательного направления партнерства), основанный на двух дипломах и содержащий сведения о специальных компетенциях выпускника [27].

В любом из партнерств образовательная деятельность осуществляется по программам магистратуры и (или) программам докторантуры (PhD) [12: Art. 2], а также в форме онлайн-курсов. Реализация программ магистратуры

и докторантуры партнерствами демонстрирует единообразие. В партнерстве InnoEnergy [44] прием на программы магистратуры осуществляется три раза в год (три раунда приемной кампании), абитуриент может выбрать не более двух программ в каждый из раундов. Для поступления на программу абитуриенту необходимо обладать степенью бакалавра и иметь как минимум 180 академических кредитов или эквивалентных академических показателей. Лицо, не обладающее степенью бакалавра, но освоившее учебные дисциплины по технической специальности эквивалентно как минимум 180 академическим кредитам, также может подать заявление, которое будет рассматриваться индивидуально в каждом конкретном случае. Настоящее исключение сделано в связи с тем, что содержание документа об образовании (перечень успешно освоенных дисциплин) важнее присвоенной специальности и должно быть связано с конкретной программой магистратуры. Для каждой из программ устанавливаются особые требования [45], и зачисление осуществляется в конкретную образовательную организацию высшего образования. Поступление на программы магистратуры и докторантуры администрируется специальной комиссией. Например, в партнерстве Digital в отношении программ магистратуры данную роль выполняет EIT Digital Master School Office [27].

Особенностью программ магистратуры партнерства Digital является наличие специализации, обеспечиваемой вторым годом обучения. Поступающий на программу «Cloud Computing and Services» (CCS) [18] абитуриент выбирает организацию высшего образования из перечня доступных для программы и во второй год при необходимости переходит в другую организацию (академическая мобильность), соответствующую выбранной им после первого курса специализации. Аналогичная образовательная траектория (track) используется при реализации программ «Data Science (DSC)» [21], «Digital Media Technology (DMT)» [22], «Human Computer Interaction and Design (HCID)» [40], «Internet Technology and Architecture (ITA)» [36], «Software and Service Architectures (SSA)» [52], «Security and Privacy (S&P)» [51]. Использование академической мобильности по программам магистратуры партнерства преследует цель выдачи успешно освоившим их выпускникам двух документов об образовании.

В партнерстве Raw Materials [29], в отличие от других партнерств, среди совместно реализующих программы организаций выделяется основной партнер (Lead Partner). Для подавляющего большинства программ магистратуры в такой роли выступает образовательная организация [28], более редкие примеры: инвестиционный фонд [53], научная организация [54]. Совместная реализация образовательной программы магистратуры предполагает (на примере «Advanced Mineral Resources Development Labelled») освоение трех семестров в трех разных организациях высшего образования, а четвертого семестра — в любой из данных организаций по выбору обучающегося. Подобный алгоритм обучения по программам магистратуры используется и в партнерстве Digital [30]: при поступлении абитуриент выбирает не только образовательную

программу, но также и две организации высшего образования для первого и второго годов обучения соответственно. В зависимости от сделанного выбора определяется либо единственная специализация, либо можно выбрать один из предложенных вариантов. При этом необходимо учитывать возможность подачи абитуриентом заявления только на одну программу магистратуры. Заметим, что мобильность обучающихся во второй год реализации программы магистратуры является обязательным элементом образовательной деятельности любого из партнерств [54]. В отдельных программах магистратуры начиная со второго семестра обучающиеся направляются в другие организации высшего образования в соответствии с учебным планом [14].

Реализация программ докторантуры обладает определенными особенностями в зависимости от партнерства. В партнерстве Digital обучение поступивших лиц осуществляется специальными тренировочными центрами (Doctoral Training Centers), созданными на базе организаций высшего образования и являющимися участниками партнерства [32]. Такие центры расположены в Co-Location Centres и являются частями механизма сетевого взаимодействия организаций в партнерстве [33]. В партнерстве Digital реализуются два вида программ докторантуры [34]: «Traditional EIT Digital Doctoral School», требующая наличия у абитуриента статуса работы над PhD в организации высшего образования-партнере, и «EIT Digital Industrial PhD. Program», поступление на которую обусловлено отсутствием названного ранее статуса и соисканием позиции для работы над PhD.

Поступать на программы докторантуры в партнерстве InnoEnergy вправе любое лицо, ранее зачисленное в организацию высшего образования на территории Европейского союза или Швейцарии для проведения исследования на степень доктора и обладающее финансированием на весь период исследования [46]. Тем не менее такой организации необходимо являться партнером InnoEnergy, поэтому после зачисления лица между партнерством и его организацией подписывается соглашение. Поступающему лицу будет необходимо проводить исследование по одной из заданных в партнерстве тем. Прием на программы докторантуры партнерства осуществляется три раза в течение года.

Среди направлений образовательной деятельности партнерств присутствуют смешанные программы, программы электронного обучения, онлайн-курсы. Например, в партнерстве InnoEnergy смешанные программы комбинируют онлайн-элементы с очным взаимодействием [50]. В свою очередь, онлайн-курсы партнерств представлены двумя вариантами: (1) классические онлайн-курсы [56] и (2) онлайн-курсы, не ограниченные по времени их освоения (обучающийся осваивает модули курса в соответствии со своими возможностями и имеет постоянный доступ ко всем материалам и обсуждениям) [41]. В отношении обоих видов курсов возникают закономерные вопросы о документе, фиксирующем результаты их освоения, или начисление академических кредитов для последующего использования. Партнерство, подготовившее онлайн-курс, разрабатывает каждый курс в эквивалентности как минимум

одному академическому кредиту (в соответствии ECTS). Однако освоение онлайн-курса обучающимся само по себе не означает начисления академических кредитов [38]. Если слушатель онлайн-курса осваивает его в пределах учебного плана организации высшего образования, то эта организация и определяет порядок начисления кредитов в соответствии со своими локальными актами. Освоение отдельных онлайн-курсов может сопровождаться выдачей сертификата [41]. Признание завершенного онлайн-курса в иной форме зависит от организации высшего образования, если студент осваивал онлайн-курс в рамках образовательного процесса. Размещение онлайн-курсов возможно не только на сетевом ресурсе организации высшего образования — члена партнерства, но также и на платформе Coursera, как в примере с курсами «Digital Online Education» [26]. Курсы, представляющие собой не онлайн-курсы, а электронное обучение [39], не предполагают выдачи сертификата, ограничиваясь письмом о завершении курса.

Образовательная деятельность в рамках партнерства преследует формирование у обучающихся предпринимательских компетенций, а также компетенции по разработке инновационных работ и услуг. Помимо образовательной деятельности в партнерствах осуществляется подготовка инновационно-направленных проектов, которые на конкурентной основе отбираются и управляются партнерством. За счет этого сокращается время между моментом разработки проекта и его коммерциализацией на рынке (time-to-market). Управление проектом в партнерстве может приобретать форму бизнес-инкубатора, осуществления целевого финансирования, администрирования созданных стартапов.

Созданные Институтом партнерства не рассматриваются как неизменные формы взаимодействия, не предполагающие последующего изменения числа участвующих субъектов. Миссия Института, как следует из акта Европейского союза [12: Art. 9], заключается в привлечении для деятельности партнерств любых заинтересованных организаций, а также преподавателей, исследователей, студентов, включая использование института академической мобильности. К примеру, программы магистратуры «Digital Master School» [35] имплементируют мобильность в образовательный процесс, включая в нее не только обучение в двух организациях высшего образования двух стран Европейского союза, но также и поездки студентов для участия в совещаниях по поводу старта проектов партнерства, участие в летних и зимних школах для расширения контактов как с другими обучающимися, так и с представителями компаний-партнеров. Академическая мобильность обучающегося по программам докторантуры предполагает работу над исследованием в течение определенного периода не на территории государства, в котором расположен его работодатель (географическая мобильность) [35]. Например, программа «Digital Industrial Doctorate» [33] сочетает шестимесячную географическую мобильность и шестимесячные стажировки в организациях-партнерах.

Институт выступает в роли инвестора в упоминавшемся выше «треугольнике знаний», сводя вместе ведущие центры в области образования, бизнеса и исследований и создавая условия для их длительного взаимодействия в форме партнерств. В актах Европейского союза не представлена утвержденная форма договора для создания институтом партнерства или какие-либо формы договоров о взаимодействии института и партнерств. Следовательно, договорные основания создания партнерства и последующего его функционирования не унифицированы и оставлены на усмотрение Института. Аналогичная диспозитивность предоставляется и для выбора организационно-правовой формы партнерства, которая, однако, изначально обуславливается поставленными учредительными целями и национальным законодательством государства — члена Европейского союза, на территории которого создается партнерство. Предлагаемая модель деятельности Института позволяет говорить о видении Института не как организации, осуществляющей только образовательную деятельность, а в качестве органа Союза, создающего партнерства, наделенных правом администрирования процесса разработки и реализации образовательных программ. Участие партнерства в данном процессе ограничивается проектированием необходимых программ и привлечением организаций — членов партнерства к их разработке и последующей реализации. Таким образом, партнерства выступают в роли участников системы образования (если будем использовать терминологию российского образовательного законодательства — п.п. 4, 5 ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об образовании»). Проводя аналогию, можно говорить, что, с одной стороны, партнерства выполняют функцию организаций, осуществляющих обеспечение образовательной деятельности и оценку качества образования, а с другой стороны, являются объединением юридических лиц, работодателей, осуществляющим деятельность в сфере образования.

Двойные документы об образовании и двойные степени, выдаваемые и присуждаемые в партнерствах, основываются на институтах академической мобильности обучающихся и сетевого взаимодействия образовательных организаций. Для реализации программ магистратуры партнерствами используется академическая мобильность: образовательная траектория начинается с зачисления студента в одну организацию (*first year (entry)*) и завершается окончанием им обучения в другой организации (*second year (exit)*) в соответствии с принципом географической мобильности. Как мы отмечали, партнерства по разному подходят к вопросу наполнения периода обучения по программам магистратуры и аспирантуры мобильностью обучающихся (при этом не преследуется специально цель академической мобильности преподавателей [10]). Например, для программ магистратуры возможны варианты мобильности как на один семестр, так и на целый год обучения. Использование двойных дипломов и двойных степеней в условиях академической мобильности является вполне естественным, поскольку фиксирует участие обеих организаций высшего образования в подготовке специалиста по программе, разработанной

и реализуемой при содействии соответствующего партнерства. Вместе с тем документ об образовании или степень в отдельных случаях могут иметь статус выданного или присвоенного партнерством. Решение вопроса об использовании для документа или степени бренда партнерства оставлено за самим партнерством. По сути, использование бренда партнерства для документа или степени выполняет задачу аффилиации образовательной программы и партнерства, но участие партнерства в появлении программы (и придание ей этим фактом дополнительного статуса) выполняется и без такого решения.

Сетевое взаимодействие организаций высшего образования как институт осуществления образовательной деятельности, так же как и академическая мобильность, составляет основу для разработки и реализации образовательных программ партнерств. Взаимодействие в целом обеспечивается функционированием Co-Location Centres, а партикулярно — коллаборацией участников партнерства. Настоящее сотрудничество выстраивается прежде всего между организациями высшего образования, объединенными для реализации программ магистратуры и докторантуры [37]. Такая партнерская сеть включает как академических участников (организации высшего образования, исследовательские организации), так и организации, представляющие бизнес и производство. Академические участники партнерства не ограничиваются образовательной деятельностью и взаимодействуют вместе с другими организациями в инновационной деятельности по направлениям (Innovation Action Lines), финансируемым в рамках конкретного партнерства. При этом не все организации партнерства обладают равным статусом: в партнерстве могут состоять как организации, являющиеся полноправными членами, так и участники — третьи лица (к примеру, филиалы и представительства организаций-членов) [24].

Взаимодействие участников партнерств по реализации программ магистратуры или докторантуры основывается прежде всего на ресурсах академической или исследовательской организации, а также организации, представляющей бизнес или производство [15; 19; 20; 43; 48; 55]. Идеальной конструкцией для успешной реализации программы является вовлеченность в разработку и реализацию образовательных программ всех членов партнерства, представляющих как академическое сообщество, так и исследовательское и бизнес-сообщества [16]. Таким образом, деятельность каждого из участников партнерства включает все элементы «треугольника знаний». Например, организация высшего образования, помимо учредительной цели — образовательной деятельности, участвует в проведении исследований и генерации инноваций. В свою очередь, организация — представитель бизнеса в партнерстве, использующая инновации, участвует в реализации программ магистратуры и (или) докторантуры, а также исследовательской деятельности. Эта организация предоставляет ресурсы для проведения обучающимся по программе аспирантуры исследования для получения степени PhD.

Взаимодействие в образовательной плоскости разных по учредительным целям организаций предусмотрено и в российском законодательстве. Другими

организациями, как следует из положений ч. 2 ст. 15 Федерального закона «Об образовании», могут являться любые организации, которые обладают необходимыми для предусмотренных образовательной программой ресурсами, (1) достаточными для осуществления обучения, (2) проведения учебной и производственной практики, (3) осуществления иных видов учебной деятельности. Функция разработки и утверждения программ возложена на участвующие в сетевом взаимодействии организации, осуществляющие образовательную деятельность. Сетевая форма основывается на договорных основаниях (которые в целом последовательно проникают в сферу образования [7]), согласованных всеми заинтересованными организациями с учетом ряда обязательных условий. В частности, это порядок организации академической мобильности обучающихся по основным профессиональным образовательным программам, выдаваемые документ или документы об образовании и (или) о квалификации, а также перечень организаций, осуществляющих образовательную деятельность, которые могут выдавать указанные документы [1; 2]. Таким образом, институт сетевой формы реализации образовательных программ (представленный в Федеральном законе «Об образовании») и институт образовательной деятельности партнерств (на примере Европейского института инноваций и технологий) могут быть названы родственными по следующим основаниям. Во-первых, отношения участников партнерства должны строиться на договорных основаниях, включающих согласование порядка осуществления образовательной деятельности по конкретным образовательным программам и использования для этого соответствующих ресурсов. Во-вторых, реализация программ магистратуры и докторантуры в партнерствах обеспечивается как академическими участниками, так и иными организациями, состоящими в партнерстве. В-третьих, сетевая форма так же, как и реализация образовательных программ в партнерстве, предполагает академическую мобильность обучающихся, а также свои особенности документа об образовании и определения выдающей этот документ организации, осуществляющей образовательную деятельность.

Литература

1. *Бабич А.В., Васильев И.А., Дивеева Н.И., Шевелева Н.А.* Сетевая форма обучения — современный способ обеспечения академической мобильности студентов // Петербургский юрист. 2016. № 4. С. 186–195.
2. *Бабич А.В., Шевелева Н.А., Васильев И.А.* Академическая мобильность обучающихся: действующее правовое регулирование и практика его применения // Закон. 2016. № 11. С. 50–58.
3. *Васильев И.А., Лаврикова М.Ю., Шевелева Н.А.* Практика использования в Российской Федерации сетевой формы реализации образовательных программ // Экономика, педагогика и право. 2016. № 4. С. 2.
4. *Грудцына Л.Ю., Дмитриев Ю.А., Дорская А.А.* Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (поглавный). Серия «Актуальные комментарии». М.: Юркомпани, 2013. 544 с.

5. Дорская А.А. Рецензия на монографию Н.М. Ладнушкиной, Д.А. Пашенцева, С.И. Феклина «Образовательное право: вопросы теории и практики». Рязань: Концепция, 2017. 240 с. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 2 (26). С. 113–115.

6. Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С.И. Образовательное право: вопросы теории и практики: монография. Рязань: Концепция, 2017. 236 с.

7. Пашенцев Д.А. Образование как услуга: теоретико-правовой аспект // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. М., 2017. С. 268–269.

8. Пашенцев Д.А., Грудцына Л.Ю., Петров С.М., Свиридова Е.А., Керимов В.В. Правовое регулирование инноваций в образовании: монография. Саратов, 2015.

9. Шевелева Н.А., Лаврикова М.Ю., Васильев И.А. Сетевая форма обучения: состояние правового регулирования и перспективы развития // Закон. 2016. № 5. С. 161–170.

10. Шевелева Н.А., Дивеева Н.И., Бабич А.В., Васильев И.А. К вопросу о понятии академической мобильности научно-педагогических работников // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 161–165.

11. Vasiliev I.A. Network forms of education programs: Russian and Overseas experiences // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2016. № 4. С. 82–88.

12. Regulation (EC) No 294/2008 of the European Parliament and of the Council. URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/legal_basis/eit/h2020-eit-agenda_en.pdf (дата обращения: 10.09.2017).

13. Regulation (EU) No 1291/2013 of the European Parliament and of the Council. («Horizon 2020»). URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/legal_basis/fp/h2020-eu-establact_en.pdf (дата обращения: 10.09.2017).

14. «ADMIRE LAB» (Advanced Mineral Resources Development Labelled). URL: <http://www.admired-lab.com/structure-of-the-programme/> (дата обращения: 10.09.2017).

15. Artificial Intelligence for autonomous driving. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/application/call-for-students/artificial-intelligence-for-autonomous-driving/> (дата обращения: 10.09.2017).

16. CEDF: Circular Economy Design Forum. URL: <https://eitrawmaterials.eu/course/cedf/> (дата обращения: 10.09.2017).

17. Climate-KIC URL: <http://www.climate-kic.org/about/how-we-are-organised/governance/> (дата обращения: 10.09.2017).

18. Cloud Computing and Services (CCS). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/ccs/> (дата обращения: 10.09.2017).

19. Creating the data for vital urban living. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/application/call-for-students/creating-the-data-for-vital-urban-living/> (дата обращения: 10.09.2017).

20. Creating a collaborative platform for novel urban services. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/application/call-for-students/creating-a-collaborative-platform-for-novel-urban-services/> (дата обращения: 10.09.2017).

21. Data Science (DSC). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/dsc/> (дата обращения: 10.09.2017).

22. Digital Media Technology (DMT). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/dmt/> (дата обращения: 10.09.2017).

23. EIT RawMaterials. URL: <https://eitrawmaterials.eu/organisation/> (дата обращения: 10.09.2017).
24. EIT Digital. URL: <https://www.eitdigital.eu/about-us/partners/> (дата обращения: 10.09.2017).
25. EIT Digital Master School. URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/education/> (дата обращения: 10.09.2017).
26. EIT Digital Academy. URL: <https://www.eitdigital.eu/eit-digital-academy/online-education/> (дата обращения: 10.09.2017).
27. EIT Digital Master's Education. URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/education/structure/> (дата обращения: 10.09.2017).
28. EIT Raw Materials' Education Projects. URL: <https://eitrawmaterials.eu/activities/courses/> (дата обращения: 10.09.2017).
29. EIT Raw Materials. URL: <https://eitrawmaterials.eu/activities/courses/> (дата обращения: 10.09.2017).
30. EIT Digital Master School. Track-Finder. URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/track-finder/> (дата обращения: 10.09.2017).
31. EIT Digital Master School. URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/education/structure/> (дата обращения: 10.09.2017).
32. EIT Digital Doctoral School. I&E Education, Mobility and Thematic Alignment. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/ie-education/overview/> (дата обращения: 10.09.2017).
33. EIT Digital Doctoral School .University Partners. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/about-us/university-partners/> (дата обращения: 10.09.2017).
34. EIT Digital Doctoral School . Call for students. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/application/call-for-students/> (дата обращения: 10.09.2017).
35. EIT Digital Master School FAQs. URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/education/faqs/programme/> (дата обращения: 10.09.2017).
36. EIT Digital Doctoral School. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/application/call-for-students/> (дата обращения: 10.09.2017).
37. EIT Digital Master School. URL: <https://www.eitdigital.eu/eit-digital-academy/master-school/> (дата обращения: 10.09.2017).
38. E-waste MOOC. URL: <https://learning.climate-kic.org/courses/e-waste-mooc> (дата обращения: 10.09.2017).
39. GRI and Climate-KIC courses, empowering sustainable decisions. URL: <https://learning.climate-kic.org/courses/gri-and-sustainability#will-i-receive-a-certificate> (дата обращения: 10.09.2017).
40. Human Computer Interaction and Design (HCID) URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/hcid/> (дата обращения: 10.09.2017).
41. Ideating Climate Business course. URL: <https://learning.climate-kic.org/courses/ideating-climate-business#learning-outcomes-what-will-i-do-and-learn-in-this-course> (дата обращения: 10.09.2017).
42. Ideating Climate Business course. URL: <https://learning.climate-kic.org/courses/ideating-climate-business#learning-outcomes-what-will-i-do-and-learn-in-this-course> (дата обращения: 10.09.2017).
43. IMAGINE: Development and implementation of EIT RawMaterials Master Program(s) in Sustainable Materials. URL: <https://eitrawmaterials.eu/course/imagine/> (дата обращения: 10.09.2017).

44. InnoEnergy Master's School. URL: <http://www.innoenergy.com/education/master-school/frequently-asked-questions/> (дата обращения: 10.09.2017).
45. InnoEnergy Master's School. How to Apply for our Programmes. URL: <http://www.innoenergy.com/education/master-school/how-to-apply-for-our-programmes/admission-criteria/> (дата обращения: 10.09.2017).
46. InnoEnergy PhD School. URL: <http://www.innoenergy.com/education/phd-school/frequently-asked-questions/> (дата обращения: 10.09.2017).
47. Internet Technology and Architecture (ITA). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/ita/> (дата обращения: 10.09.2017).
48. Master programme in Technological Innovation in Health (MScTIH). URL: https://www.eithealth.eu/en_US/campus/training-for-students/msctih (дата обращения: 10.09.2017).
49. Master Label Programme. URL: <https://learning.climate-kic.org/master-label-programme/about-the-programme> (дата обращения: 10.09.2017).
50. Professional online learning. URL: <http://www.innoenergy.com/education/further-education/> (дата обращения: 10.09.2017).
51. Security and Privacy (S&P). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/sap/> (дата обращения: 10.09.2017).
52. Software and Service Architectures (SSA). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/ssa/> (дата обращения: 10.09.2017).
53. SusCritMat: Education Courses «Sustainable Management of Critical Raw Materials». URL: <https://eitrawmaterials.eu/course/suscritmat/> (дата обращения: 10.09.2017).
54. T-Dore: T-shaped Doctors in Residence — Doctoral training in RTOs and Industries. URL: <https://eitrawmaterials.eu/course/t-dore/> (дата обращения: 10.09.2017).
55. Vehicle to everything: leading the automotive world to 5G. URL: <https://doctoral-school.eitdigital.eu/application/call-for-students/vehicle-to-everything-leading-the-automotive-world-to-5g/> (дата обращения: 10.09.2017).
56. «UNEP E-waste challenge», «REI MOOC». URL: <https://learning.climate-kic.org/courses/e-waste-mooc> (дата обращения: 10.09.2017).

Literatura

1. Babich A.V., Vasil'ev I.A., Diveeva N.I., Sheveleva N.A. Setevaya forma obucheniya — sovremenny'j sposob obespecheniya akademicheskoy mobil'nosti studentov // Peterburgskij yurist. 2016. № 4. S. 186–195.
2. Babich A.V., Sheveleva N.A., Vasil'ev I.A. Akademicheskaya mobil'nost' obuchayushhixsya: dejstvuyushhee pravovoe regulirovanie i praktika ego primeneniya // Zakon. 2016. № 11. S. 50–58.
3. Vasil'ev I.A., Lavrikova M.Yu., Sheveleva N.A. Praktika ispol'zovaniya v Rossijskoj Federacii setevoj formy' realizacii obrazovatel'ny'x programm // E'konomika, pedagogika i pravo. 2016. № 4. S. 2.
4. Grudczy'na L.Yu., Dmitriev Yu.A., Dorskaya A.A. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (poglavny'j). Seriya «Aktual'ny'e kommentarii». M., 2013.
5. Dorskaya A.A. Recenziya na monografiyu N.M. Ladnushkinov, D.A. Pashenczeva, S.I. Feklina «Obrazovatel'noe pravo: voprosy' teorii i praktiki». Ryazan': Konceptsiya, 2017. 240 s. // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2017. № 2 (26). S. 113–115.

6. *Ladnushkina N.M., Pashenczev D.A., Feklin S.I.* *Obrazovatel'noe pravo: voprosy teorii i praktiki: monografiya.* Ryazan': Konceptiya, 2017. 236 s.
7. *Pashenczev D.A.* *Obrazovanie kak ushuga: teoretiko-pravovoj aspekt // Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty' i yuridicheskaya praktika: materialy' ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamyati professora Feliksa Mixajlovicha Rudinskogo.* 2017. S. 268–269.
8. *Pashenczev D.A., Grudczy'na L.Yu., Petrov S.M., Sviridova E.A., Kerimov V.V.* *Pravovoe regulirovanie innovacij v obrazovanii: monografiya.* Saratov, 2015.
9. *Sheveleva N.A., Lavrikova M.Yu., Vasil'ev I.A.* *Setevaya forma obucheniya: sostoyanie pravovogo regulirovaniya i perspektivy' razvitiya // Zakon.* 2016. № 5. S. 161–170.
10. *Sheveleva N.A., Diveeva N.I., Babich A.V., Vasil'ev I.A.* *K voprosu o ponyatii akademicheskoy mobil'nosti nauchno-pedagogicheskix rabotnikov // Yuridicheskaya nauka.* 2016. № 6. S. 161–165.
11. *Vasiliev I.A.* *Network forms of education programs: Russian and Overseas experiences // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14. Pravo.* 2016. № 4. S. 82–88.
12. Regulation (EC) No 294/2008 of the European Parliament and of the Council. URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/legal_basis/eit/h2020-eit-agenda_en.pdf (data obrashheniya: 10.09.2017).
13. Regulation (EU) No 1291/2013 of the European Parliament and of the Council. («Horizon 2020»). URL: http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/legal_basis/fp/h2020-eu-establact_en.pdf (data obrashheniya: 10.09.2017).
14. «ADMIRE LAB» (Advanced Mineral Resources Development Labelled). URL: <http://www.admired-lab.com/structure-of-the-programme/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
15. Artificial Intelligence for autonomous driving. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/application/call-for-students/artificial-intelligence-for-autonomous-driving/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
16. CEDF: Circular Economy Design Forum. URL: <https://eitrawmaterials.eu/course/cedf/> (data obrashheniya: 10.09.2017 g.).
17. Climate-KIC URL: <http://www.climate-kic.org/about/how-we-are-organised/governance/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
18. Cloud Computing and Services (CCS). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/ccs/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
19. Creating the data for vital urban living. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/application/call-for-students/creating-the-data-for-vital-urban-living/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
20. Creating a collaborative platform for novel urban services. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/application/call-for-students/creating-a-collaborative-platform-for-novel-urban-services/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
21. Data Science (DSC). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/dsc/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
22. Digital Media Technology (DMT). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/dmt/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
23. EIT RawMaterials. URL: <https://eitrawmaterials.eu/organisation/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
24. EIT Digital. URL: <https://www.eitdigital.eu/about-us/partners/> (data obrashheniya: 10.09.2017).

25. EIT Digital Master School. URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/education/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
26. EIT Digital Academy. URL: <https://www.eitdigital.eu/eit-digital-academy/online-education/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
27. EIT Digital Master's Education. URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/education/structure/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
28. EIT Raw Materials` Education Projects. URL: <https://eitrawmaterials.eu/activities/courses/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
29. EIT Raw Materials. URL: <https://eitrawmaterials.eu/activities/courses/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
30. EIT Digital Master School. Track-Finder. URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/track-finder/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
31. EIT Digital Master School. URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/education/structure/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
32. EIT Digital Doctoral School. I&E Education, Mobility and Thematic Alignment. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/ie-education/overview/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
33. EIT Digital Doctoral School .University Partners. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/about-us/university-partners/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
34. EIT Digital Doctoral School . Call for students. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/application/call-for-students/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
35. EIT Digital Master School FAQs. URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/education/faqs/programme/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
36. EIT Digital Doctoral School. URL: <https://doctoralschool.eitdigital.eu/application/call-for-students/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
37. EIT Digital Master School. URL: <https://www.eitdigital.eu/eit-digital-academy/master-school/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
38. E-waste MOOC. URL: <https://learning.climate-kic.org/courses/e-waste-mooc> (data obrashheniya: 10.09.2017).
39. GRI and Climate-KIC courses, empowering sustainable decisions. URL: <https://learning.climate-kic.org/courses/gri-and-sustainability#will-i-receive-a-certificate> (data obrashheniya: 10.09.2017).
40. Human Computer Interaction and Design (HCID) URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/hcid/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
41. Ideating Climate Business course. URL: <https://learning.climate-kic.org/courses/ideating-climate-business#learning-outcomes-what-will-i-do-and-learn-in-this-course> (data obrashheniya: 10.09.2017).
42. Ideating Climate Business course. URL: <https://learning.climate-kic.org/courses/ideating-climate-business#learning-outcomes-what-will-i-do-and-learn-in-this-course> (data obrashheniya: 10.09.2017).
43. IMAGINE: Development and implementation of EIT RawMaterials Master Program(s) in Sustainable Materials. URL: <https://eitrawmaterials.eu/course/imagine/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
44. InnoEnergy Master's School. URL: <http://www.innoenergy.com/education/master-school/frequently-asked-questions/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
45. InnoEnergy Master's School. How to Apply for our Programmes. URL: <http://www.innoenergy.com/education/master-school/how-to-apply-for-our-programmes/admission-criteria/> (data obrashheniya: 10.09.2017).

46. InnoEnergy PhD School. URL: <http://www.innoenergy.com/education/phd-school/frequently-asked-questions/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
47. Internet Technology and Architecture (ITA). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/ita/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
48. Master programme in Technological Innovation in Health (MScTIH). URL: https://www.eithealth.eu/en_US/campus/training-for-students/msctih (data obrashheniya: 10.09.2017).
49. Master Label Programme. URL: <https://learning.climate-kic.org/master-label-programme/about-the-programme> (data obrashheniya: 10.09.2017).
50. Professional online learning. URL: <http://www.innoenergy.com/education/further-education/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
51. Security and Privacy (S&P). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/sap/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
52. Software and Service Architectures (SSA). URL: <https://masterschool.eitdigital.eu/programmes/ssa/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
53. SusCritMat: Education Courses «Sustainable Management of Critical Raw Materials». URL: <https://eitrawmaterials.eu/course/suscritmat/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
54. T-Dore: T-shaped Doctors in Residence — Doctoral training in RTOs and Industries. URL: <https://eitrawmaterials.eu/course/t-dore/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
55. Vehicle to everything: leading the automotive world to 5G. URL: <https://doctoral-school.eitdigital.eu/application/call-for-students/vehicle-to-everything-leading-the-automotive-world-to-5g/> (data obrashheniya: 10.09.2017).
56. «UNEP E-waste challenge», «REI MOOC». URL: <https://learning.climate-kic.org/courses/e-waste-mooc> (data obrashheniya: 10.09.2017).

I.A. Vasiliev

Network Implementation of Educational Programs by European Institute of Innovation and Technology

The article deals with the implementation of educational programs of magistracy and doctoral studies by partnerships created by European Institute of Innovation and Technology. Educational activity of partnerships is compared with the institute of the network form of educational programs, presented in Russian educational legislation.

Keywords: educational legislation; educational programs; innovation; network form; online courses.

И.Н. Ившина

Формирование органов государственной власти субъектов федерации как этап федерализации

В статье на основе анализа норм федеральных конституций различных стран мира рассматриваются способы формирования и конституционного закрепления системы органов государственной власти субъектов федерации в процессе создания федеративных государств; выделяются как общие черты, так и особенности данного этапа федерализации.

Ключевые слова: федерализация; история федерализма; органы государственной власти; федеративная государственность; федеральная конституция.

Одним из ключевых этапов федерализации как процесса создания федеративного государства является формирование на федерируемой территории двух уровней органов государственной власти — федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов федерации. На данном этапе реализуется один из основных принципов функционирования федеративного государства — принцип вертикального разделения властей. Безусловно, он сопряжен не только с институционализацией системы органов государственной власти, которая является проявлением статичности федеративных отношений, но и со сложнейшим процессом разграничения предметов ведения и соответствующих властных полномочий между двумя уровнями органов государственной власти, наполняющим федеративные отношения содержанием и придающим им динамику. Вопрос важный, однако в данной статье мы сосредоточимся прежде всего на истории формирования системы органов государственной власти субъектов федерации.

История федерализма дает возможность проанализировать обширный эмпирический материал, дошедший до нас в форме правовых норм, закрепленных в федеральных конституциях различных государств мира, впервые декларировавших федеративную форму территориально-государственного устройства. Хронологически он относится к нескольким векам, начиная с Конституции США 1789 г. [9: с. 178–190], территориально — затрагивает все континенты, статистически — более пятидесяти государств мира, которые либо являются действующими федерациями, либо были ими ранее.

Очевидно, что разные страны вступали в процесс федерализации в разных исторических условиях и находились на разных уровнях цивилизационного

развития. И здесь мы имеем два варианта развития событий: во-первых, система органов власти, которые приобретали статус органов государственной власти субъектов федерации, уже в какой-либо форме существовала, и в рамках федерализации требовалось только изменить конституционно-правовой статус этих органов. Во-вторых, это вариант, когда органов власти, которые могли бы трансформироваться в органы государственной власти субъектов федерации, не было вообще, прежде всего, по причине отсутствия самой государственности.

Рассмотрим первый вариант, который, в свою очередь, также не однозначен. Дело в том, что статус имеющихся органов власти в рамках процесса федерализации либо понижался, либо повышался. Так, представители тринадцати независимых северо-американских штатов, создавая федеративное государство, уже имели в каждом отдельном штате легислатуру как орган законодательной власти, ответственное правительство как орган исполнительной власти, а также собственные суды [10]. Исторически эти органы выросли из предоставленного британским переселенческим колониям права на самоуправление, но в результате войны за независимость они стали государственными, а в ходе последующей федерализации, передав часть властных полномочий на уровень выше, приобрели статус органов государственной власти субъектов федерации. То есть можно говорить о том, что их конституционно-правовой статус существенно понизился. Такая закономерность наблюдается во всех случаях создания федерации «снизу», в рамках договорного процесса, когда будущие субъекты федерации, являясь суверенными политико-государственными образованиями, вступают в более широкий государственный союз и частично утрачивают властные полномочия. При этом способ формирования таких органов и их основные функции остаются неизменными. В романо-германской правовой системе таким примером является Швейцария, независимые кантоны которой впервые создали союз в 1291 г. в соответствии с добровольно принятой ими Федеральной хартией [11], в мусульманской правовой системе — Объединенные Арабские Эмираты в соответствии с договором и Конституцией 1971 г. [4: с. 430–456]. Государственные органы отдельных эмиратов, действуя в рамках абсолютной монархии, сохранили свою специфику: каждый глава эмирата замещал свою должность по праву наследования и сосредотачивал в своих руках практически все властные полномочия, оставленные на уровне субъекта федерации. Таким образом, в процессе федерализации реализовывался прежде всего принцип вертикального разделения властей. Напротив, горизонтальное разделение властей осуществлялось далеко не всегда, и его проведение зависело от формы правления, установленной в конкретном государстве.

Уже имеющиеся и функционирующие органы власти в рамках федерализации могли также повысить свой конституционно-правовой статус. Это наблюдалось в случаях, когда органы местного самоуправления либо в результате договорного процесса, либо в ходе конституционной реформы приобретали

статус органов государственной власти на уровне субъектов федерации. Так, при объединении провинций Британской Северной Америки в федеративное государство Канада в 1867 г., а также при вступлении в федеративный союз отдельных штатов Австралии в 1901 г. не только имелись, но и активно действовали органы власти, которые трансформировались в органы государственной власти субъектов федерации. Изначально, будучи также органами самоуправления переселенческих колоний, они отличались от себе подобных в США тем, что никогда не обладали суверенитетом, т. к. вплоть до 1931 г. не порывали с метрополией [3: с. 13–50] и формально сохраняли монархию и тесные политические связи с Великобританией.

Более сложная ситуация была у государств, которые реформировались из унитарных в федеративные: им пришлось существенно перестраивать свой государственный аппарат, превращая его из одноуровневого в двухуровневый. Здесь процесс федерализации шел сверху вниз. При этом органы местного самоуправления на территории, которая признавалась субъектом федерации, также приобретали статус органов государственной власти. Так было, например, в России в 1992–1993 гг. [1: гл. 3], в Бельгии в 1994 г. [8: с. 341–380].

Сложность процесса трансформации органов местного самоуправления в органы государственной власти заключалась в том, что должен был измениться принцип их работы: вместо принципа «разрешено все, что не запрещено», они должны были руководствоваться принципом «запрещено все, что не разрешено».

Но в истории федерализма встречались трудности и посложнее, когда нужно было сформировать органы государственной власти параллельно с учреждением суверенной государственности народов, освободившихся от колониальной зависимости. Так, например, патриархальное первобытное общество аборигенов Папуа-Новой Гвинеи на пороге федерализации не имело национальной государственности и нуждалось в помощи ООН, которая назначила ей государство-опекуна — Австралию. Опекуну пришлось выявить наиболее способных папуасов, дать им нужное образование, возможность освоить практические навыки соответствующих должностных лиц (чиновников и судей), организовать первые выборы в парламенты провинций. Аналогичные ситуации возникали в процессе федерализации Федеративных Штатов Микронезии и Палау, где опекуном выступали США.

Более мягко создание органов государственной власти субъектов федерации прошло в освобождающихся колониях Англии и Франции, население которых достаточно долго жило под властью колониальных администраций и восприняло системы управления метрополии. Можно сказать, что при условии сохранения системы органов власти поменялись действующие лица: вместо заморских чиновников имеющиеся должности заняли аборигены. Возникшие при этом проблемы касались, прежде всего, создания федеральных органов государственной власти, а также несформированности правовой и политической культуры как населения, так и новых властителей, которые

не поняли и не оценили потенциала федерализма. При первой возможности они отказывались от него, учреждая тоталитарные режимы и режимы личной власти, несовместимые с федерализмом. Такой путь, причем кровавый, прошел Судан, а также Ливия, Родезия, Конго.

В Индии и Пакистане, которые продолжительное время существовали вместе как Британская Индия, колонизаторы использовали принцип управления, в соответствии с которым на территориях, ставших позднее субъектами федераций (соответственно штатами и провинциями), местная власть была частично передана представителям верхушки туземного общества. Однако процесс формирования органов государственной власти осложнился великим переселением народов и территориальным разделением индусского и мусульманского населения, в результате чего в Пакистане практически некого было избирать и назначать на государственные должности на местах, так как население в массе своей было безграмотно. В итоге современная Индия успешно реализует принцип федерализма, а Пакистан можно считать федерацией только де-юре.

Объем правовых норм, посвященных системе органов государственной власти субъектов федерации в федеральных конституциях, очень разный. Одни федеральные конституции предусматривали возможность или обязательность создания органов государственной власти субъектов федерации, другие четко определяли и закрепляли их систему, третьи вообще умалчивали об уровне государственных органов субъектов федерации, оставляя решение вопросов их формирования и функционирования на усмотрение самих субъектов федерации.

Так, Конституция США лишь несколько раз упоминает один вид органов — законодательные собрания (легислатуры) штатов, да и то только в контексте урегулирования того или иного вопроса на федеральном уровне, не регламентируя порядок их формирования и деятельности; органы исполнительной и судебной власти штатов вообще никак не фигурируют в тексте федеральной Конституции [9: с. 178–190]. Очевидно, подобный подход был связан с тем, что к моменту принятия федеральной конституции органы публичной власти каждого из тринадцати штатов уже представляли собой слаженную систему и достаточно давно и успешно функционировали.

Чуть подробнее говорится о парламентах бывших колоний и их губернаторах в Конституции Австралии [6: с. 16–52]: парламенты сохраняли свои полномочия, существовавшие до момента вхождения в состав федеративного союза, за исключением тех, которые в соответствии с Конституцией были переданы федеральным органам власти; губернаторы передавали все свои полномочия генерал-губернатору Австралии.

Конституция Аргентины 1853 г. содержала краткую главу «Управление провинциями», одна из статей которой определяла, что «провинции избирают своих губернаторов, законодателей и других должностных лиц без вмешательства федерального правительства» [7: с. 12–37]. Таким образом,

федеральная конституция не просто обязывала каждую провинцию создать названные органы, но и четко устанавливала порядок их формирования: допускалось только их избрание. Сам факт формулирования и закрепления подобных норм в федеральной конституции может свидетельствовать о том, что система органов публичной власти в провинциях Аргентины либо еще не сложилась, либо действовала исходя из традиций монархической формы правления, что в принципе не допускалось республиканским федеральным центром. При этом Конституция также ничего не говорила об органах исполнительной и судебной власти на уровне субъектов федерации.

Напротив, элементы системы органов государственной власти субъектов федерации могли четко фиксироваться в отдельных частях, главах или параграфах текста федеральной конституции с указанием их перечня, наименований, принципов и порядка формирования, с определением функций и оснований прекращения полномочий. Это могло быть сделано с разной степенью детализации конституционных норм. Так, например, Акт о Британской Северной Америке 1867 г. (по сути, первый конституционный акт Канады) посвящал системе органов государственной власти субъектов федерации специальную обширную главу, состоящую из тридцати трех статей [2: гл. V, ст. 58–90], в которых отдельно для каждой из четырех вошедших в Союз провинций детальнейшим образом устанавливались принципы и порядок формирования исполнительных и законодательных органов власти, формы их взаимодействия, полномочия и функции, внутренняя структура легислатур, цензы (квалификации) для замещения государственных должностей, основания прекращения полномочий, источники выплаты жалования и даже определялся кворум, необходимый для принятия решений. Кроме того, органам судебной власти провинций в тексте Акта посвящено еще шесть статей [2: ч. 14, ст. 92, ст. 96–100].

В целом закрепление системы и порядка формирования органов власти провинции федеральной конституцией является признаком централизованного союза, который стремится к ограничению самостоятельности провинций. Это характерно для федераций, создаваемых «сверху».

Примером полного умолчания о системе органов государственной власти субъектов федерации является текст Конституции Объединенных Арабских Эмиратов 1972 г. [4]. Г.И. Муромцев, анализируя практику организации власти в отдельных эмиратах, отмечает, что «их государственно-политическое устройство различно. При Правителе в Абу-Даби создано Национальное Консультативное Собрание, состоящее из шейхов и бизнесменов и возглавляемое шейхом крупнейшего племени. В других эмиратах, где отсутствует пока официальное территориальное деление на провинции, районы и округа, сами эмиры с помощью советников составляют бюджеты, разрабатывают законы о налогах, непосредственно распоряжаются финансами, командуют местными органами, руководят полицией» [5: с. 218]. При этом фактически ключевые должности занимают представители родовой знати, правитель каждого эмирата обладает неограниченной властью, и ни в одном из них до сих пор нет своей конституции. В данном случае отсутствие писаных норм в федеральной

Конституции объясняется, видимо, тем, что в рамках патриархального общества действуют монархические традиции создания и функционирования органов государственной власти, которые применительно к федеративным отношениям можно расценивать, с одной стороны, как неписанные конституционные традиции, с другой — как своего рода гарантии федерализма.

Таким образом, при формировании институтов федеративного государства одним из ключевых моментов является создание и конституционное закрепление двухуровневой системы органов государственной власти, при этом органы государственной власти субъектов федерации либо изменяют свой конституционно-правовой статус, либо создаются заново. В федеральных конституциях, впервые провозглашающих федеративную форму территориально-государственного устройства в какой-либо стране, варьируются объем и содержание норм, регламентирующих систему, компетенцию и порядок формирования органов государственной власти субъектов федерации: в результате анализа текстов конституций выявлены как детальное регламентирование, так и фактическая пробельность правового регулирования данного вопроса. По нашему мнению, и то и другое является крайностями, которые в дальнейшем порождают проблемы реализации полноценных федеративных отношений. В первом случае нормы федеральной конституции создают условия для чрезмерной централизации и, как следствие, тенденции унитаризации федеративного государства, во втором (при отсутствии в обществе устойчивых правовых и политических традиций) — могут привести либо к распаду федеративного государства, либо в дальнейшем потребовать дополнительных усилий для проведения конституционных реформ или принятия иных нормативных актов в целях выравнивания статусов субъектов федерации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. М.: Юрид. лит.-ра, 1993.
2. Акт о Британской Северной Америке 1867 г. // Конституции государств американского континента: в 2 т. / перевод под ред. Г.С. Гурвича. Т. 2. М.: Изд-во иностранной лит.-ры, 1959. С. 13–50.
3. Вестминстерский статут 1931 г. / Конституции буржуазных государств Европы / перевод под ред. Г.С. Гурвича. М.: Изд-во иностранной лит.-ры, 1957. С. 13–50.
4. Временная Конституция Объединенных Арабских Эмиратов 1971 г. // Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 1: Западная Азия. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. С. 430–456.
5. *Иванова И.П.* Изменения в государственно-политической системе арабских стран со второй половины XX века и трансформация их экономического базиса // Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах: история и современность. М.: Наука, 1984. С. 215–237.
6. Конституционный Акт Содружества Австралия от 9 июля 1900 г. // Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана / перевод под ред. З.И. Луковниковой. М.: Изд-во иностранной лит.-ры, 1960. С. 16–52.

7. Конституция Аргентинской нации от 1 мая 1853 года // Конституции государств американского континента: в 2 т. / перевод под ред. Г.С. Гурвича. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. С. 12–37.
8. Конституция Королевства Бельгия 1994 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. Т. 1. М.: Норма, 2001. С. 341–380.
9. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв.: сб. документов / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры., 1957. С. 178–190.
10. *Лафутский В.И.* Конституция американского штата (политико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. 15 с.
11. The Federal Charter of 1291 // URL: http://www.lexilogos.com/declaration/suisse_federal_charter.htm (дата обращения: 23.03.2017).

Literatura

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12 dekabrya 1993 goda. M.: Yurid. lit-ra, 1993.
2. Akt o Britanskoj Severnoj Amerike 1867 g. // Konstitucii gosudarstv amerikanskogo kontinenta: v 2 t / perevod pod red. G.S. Gurvicha. T. 2. M.: Izd-vo inostrannoj lit-ry', 1959. S. 13–50.
3. Vestminsterskij statut 1931 g. // Konstitucii burzhuzny'x gosudarstv Evropy' / perevod pod red. G.S. Gurvicha. M.: Izd-vo inostrannoj lit-ry', 1957. S. 13–50.
4. Vremennaya Konstituciya Ob'edinenny'x Arabskix E'miratov 1971 g. // Konstitucii gosudarstv Azii: v 3 t. / pod red. T.Ya. Xabrievoj. T. 1: Zapadnaya Aziya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii; Norma, 2010. S. 430–456.
5. *Ivanova I.P.* Izmeneniya v gosudarstvenno-politicheskoj sisteme arabskix stran so vtoroj poloviny' XX veka i transformaciya ix e'konomicheskogo bazisa // Gosudarstvennaya vlast' i obshhestvenno-politicheskie struktury' v arabskix stranax: istoriya i sovremennost'. M.: Nauka, 1984. S. 215–237.
6. Konstitucionny'j Akt Sodruzhestva Avstraliya ot 9 iyulya 1900 g. // Konstitucii gosudarstv Yugo-Vostochnoj Azii i Tixogo okeana / perevod pod red. Z.I. Lukovnikovoj. M.: Izd-vo inostrannoj lit-ry', 1960. S. 16–52.
7. Konstituciya Argentinskoj nacii ot 1 maya 1853 goda // Konstitucii gosudarstv amerikanskogo kontinenta: v 2 t. / per. pod red. G.S. Gurvicha. T. 1. M.: Izd-vo inostr. lit-ry', 1957. S. 12–37.
8. Konstituciya Korolevstva Bel'giya 1994 g. // Konstitucii gosudarstv Evropy: v 3 t. / pod obshh. red. L.A. Okun'kova. T. 1. M.: Norma, 2001. S. 341–380.
9. Konstituciya Soedinenny'x Shtatov Ameriki 1787 g. // Konstitucii i zakonodatel'ny'e akty' burzhuzny'x gosudarstv XVII–XIX vv.: sb. dokumentov / pod red. P.N. Galanzy'. M.: Gos. izd-vo yurid. lit-ry', 1957. S. 178–190.
10. *Lafitskij V.I.* Konstituciya amerikanskogo shtata (politiko-pravovoj analiz): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1984. 15 s.
11. The Federal Charter of 1291 // URL: http://www.lexilogos.com/declaration/suisse_federal_charter.htm (data obrashheniya: 23.03.2017).

I.N. Ivshina

**Formation of Public Authorities of the Subordinate Entities
of the Federation as a Stage of Federalization**

The ways of forming and constitutional consolidation of the system of state power bodies of the subordinate entities of the federation in the process of creating federal states are considered based on the analysis of the norms of federal constitutions of various countries of the world. Both general features and features of this stage of federalization are distinguished.

Keywords: federalization; history of federalism; public authorities; federal statehood; federal constitution.

Е.А. Позднякова

Размер суммы задолженности как основание признания гражданина банкротом: вопросы теории и судебной практики

Длительное время вопрос о банкротстве физических лиц был дискуссионным не только в научных кругах ученых-юристов, он привлекал внимание экономистов, финансистов, представителей налоговой службы и службы судебных приставов-исполнителей и, конечно же, кредиторов. На сегодняшний день этот вопрос уже решен, и мы практикуем банкротство физических лиц уже два года. За данный период времени практика показала, что законодательство в этой части несовершенно и некоторые проблемы уже можно проанализировать в целях дальнейшего совершенствования законодательства.

Ключевые слова: граждане; банкротство; неплатежеспособность; фиктивное банкротство; заложенное имущество.

Банкротство гражданина — физического лица стало возможным в связи с принятием ФЗ от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ (ред. от 29 июня 2015 г.) «О внесении изменений в ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты РФ в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника», вступившего в законную силу с 01 июля 2015 г.

Принятию данного закона предшествовали жаркие дебаты о подведомственности данных дел. В итоге было принято решение о том, что эти дела, как и все остальные дела о банкротстве, будут рассматриваться арбитражными судами. В качестве аргументов в пользу данного довода были взяты наличие у арбитражных судов опыта рассмотрения дел о банкротстве, соответствующая квалификация судей, сформированный штат конкурсных управляющих, рассмотрение дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей и др.

На сегодняшний день прошло два года с момента начала действия указанного закона, и правоприменительная практика уже показывает его несовершенство.

Некоторые пробелы и коллизии материального и процессуального характера мы попытаемся проанализировать в настоящей статье.

Основания признания гражданина банкротом.

В соответствии с п. 2 ст. 231.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» заявление о признании гражданина банкротом принимается арбитражным судом при условии, что требования к гражданину составляют не менее чем пятьсот тысяч рублей и указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены.

Таким образом, для признания гражданина банкротом, закон определяет два критерия: задолженность не менее пятисот тысяч рублей и отсутствие платежей в течении трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. В рамках заявленной темы статьи будет рассмотрен только один критерий — это размер задолженности в контексте основания признания гражданина банкротом.

Задолженность при обращении в арбитражный суд подтверждается решением суда, вступившего в законную силу и устанавливающего требования кредиторов по денежным обязательствам, за исключением:

- требований об уплате обязательных платежей;
- требований, основанных на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте или недатировании акцепта;
- требований, подтвержденных исполнительной надписью нотариуса;
- требований, основанных на документах, представленных кредитором и устанавливающих денежные обязательства, которые гражданином признаются, но не исполняются;
- требований, основанных на нотариально удостоверенных сделках;
- требований, основанных на кредитных договорах с кредитными организациями;
- требований о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, не связанных с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц.

Кроме того, наличие задолженности может быть подтверждено и постановлением судебного пристава-исполнителя об окончании исполнительного производства, невозможности взыскания или по причине отсутствия имущества, на которое оно может быть обращено.

Однако, на наш взгляд, отдельного внимания заслуживают решения судов, устанавливающие наличие неисполненных обязательств, обеспеченных залогом. Попробуем продемонстрировать важность этого вопроса на примере.

В последнее время в очень тяжелом положении оказались лица, оформившие ипотечное кредитование в долларах США. В связи с резким увеличением курса доллара многие из них оказались не в состоянии вносить ежемесячные платежи. Ипотечные кредитные учреждения и стали теми кредиторами, которые инициируют банкротство таких заемщиков.

Так, ОА «Райффайзенбанк» обратился в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о признании несостоятельным (банкротом) гражданина-должника В. Как следует из доводов заявления, между АО «Райффайзенбанк» (далее — Заявитель) и гражданином В. и его супругой, на тот момент гражданкой В., 17.05.2014 был заключен кредитный договор, в соответствии с условиями которого банк обязался предоставить заемщикам кредит в размере 33 000 долларов США с процентной ставкой в размере суммы ставки Либор 8 % годовых на 180 месяцев, а заемщики обязались возвратить полученные средства и проценты. За нарушение сроков возврата кредита предусмотрена неустойка в размере 0,1 % от суммы просроченного платежа за каждый день просрочки. В дальнейшем у заемщиков образовалась задолженность. И решением Мещанского районного суда г. Москвы от 23.06.2016 иск АО «Райффайзенбанка» к гражданину В. и гражданке В. о взыскании задолженности, обращении взыскания на имущество удовлетворен, взыскана с обоих заемщиков солидарно в пользу банка задолженность 9847 долларов 55 центов США в рублевом эквиваленте по курсу ЦБ РФ на день исполнения решения суда, а также расходы по оплате госпошлины в сумме 15 547 руб., взыскание обращено на предмет залога — квартиру, расположенную по адресу: г. Москва, ул. ..., путем продажи с публичных торгов, установив ее начальную стоимость в сумме 4 883 200 руб. Исходя их текста данного решения, усматривается, что сумма задолженности значительно меньше, чем начальная стоимость заложенного имущества. Таким образом, реализация данного имущества позволила бы в полном объеме погасить установленную задолженность. На основании указанного решения был выдан исполнительный лист, поступивший на исполнение судебным приставам-исполнителям. В течение года судебные приставы-исполнители данную квартиру не реализовали и, что примечательно, по непонятным причинам на торги не выставляли. Банк не проявлял какой-либо активности в исполнительном производстве, но через год обратился с заявлением о банкротстве только одного заемщика, о втором заемщике речь в заявлении уже не шла. Определением Арбитражного суда г. Москвы от 06.06.2017 по делу № А40-71940/17-70-89 «Ф» заявление кредитора было признано обоснованным и в отношении гражданина-должника В. введена процедура реструктуризации долгов⁹.

Здесь, на наш взгляд, имеется необходимость более тщательно проанализировать, что включает в себя понятие «неплатежеспособность» и какие оно имеет особые признаки.

Напомним, что в соответствии со ст. 2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» банкротство — это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих

⁹ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 06 июня 2017 г. по делу № А40-71940/17-70-89 «Ф» // Официальный сайт Арбитражного суда города Москвы. URL: <http://www.msk.arbitr.ru> (дата обращения: 10.09.2017).

или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Основой вышеуказанного определения является неспособность должника удовлетворить требования кредитора.

А в соответствии с п. 3 ст. 213.6 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» под неплатежеспособностью гражданина понимается его неспособность удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Если не доказано иное, гражданин предполагается неплатежеспособным при условии, что имеет место хотя бы одно из следующих обстоятельств:

- гражданин прекратил расчеты с кредиторами, то есть перестал исполнять денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил;
- более чем десять процентов совокупного размера денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей, которые имеются у гражданина и срок исполнения которых наступил, не исполнены им в течение более чем одного месяца со дня, когда такие обязательства и (или) обязанность должны быть исполнены;
- размер задолженности гражданина превышает стоимость его имущества, в том числе права требования;
- наличие постановления об окончании исполнительного производства в связи с тем, что у гражданина отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание.

Если имеются достаточные основания полагать, что с учетом планируемых поступлений денежных средств, в том числе доходов от деятельности гражданина и погашения кем-то задолженности перед ним, гражданин в течение непродолжительного времени сможет исполнить в полном объеме денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил, гражданин не может быть признан неплатежеспособным.

Исходя из вышеуказанного определения Арбитражного суда г. Москвы, можно бесспорно установить тот факт, что стоимость имущества гражданина В. в разы превышает размер задолженности. Следовательно, должник является платежеспособным. Тогда почему суд признает заявление о банкротстве гражданина В. обоснованным? Может, ответ содержится в институте залога?

Проанализируем этот вопрос с точки зрения его правового регулирования. Общие положения о залоге регулируются Гражданским кодексом РФ. Поскольку в приведенном нами примере речь идет о квартире, то нужно упомянуть и ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ, который закрепляет залог квартиры, приобретенной по ипотеке в силу закона. В соответствии со ст. 18.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» кредитору предоставляется право обратиться взыскание на заложенное имущество. В соответствии со ст. 138 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» начальная

продажная цена предмета залога, порядок и условия проведения торгов, порядок и условия обеспечения сохранности предмета залога определяются конкурсным кредитором, требования которого обеспечены залогом реализуемого имущества. Указанные сведения подлежат включению арбитражным управляющим (за счет средств должника) в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве не позднее чем за пятнадцать дней до даты начала продажи предмета залога на торгах. А ст. 213.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» закрепляет, что в период с даты вынесения арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом до даты утверждения плана реструктуризации его долгов или до даты принятия арбитражным судом решения о признании гражданина банкротом обращение взыскания на заложенное имущество, в том числе во внесудебном порядке, не допускается.

Все эти перечисленные условия, а именно право обратить взыскание на заложенное имущество, начальная цена предмета залога, порядок и условия проведения торгов, обращение взыскания на заложенное имущество в судебном порядке — были уже решены Мещанским районным судом г. Москвы. Решение суда вступило в законную силу, необходимо было только его исполнить.

Принимая решение о том, что заявление о банкротстве является обоснованным, мы юридически приступаем к аналогичным действиям: проводим обращение взыскания на имущество и его реализацию с торгов. Таким образом, один и тот же вопрос ставится на разрешение уже в арбитражном суде. Ведь задолженность подтверждается не только судебными решениями и специальными документами, указанными нами выше, но и постановлением об окончании исполнительного производства в связи с тем, что у гражданина отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание. В нашем примере в рамках исполнительного производства такое постановление не выносилось. В этой части нам представляется логичным усовершенствовать законодательство в части исполнения судебных решений, что позволит избежать многих вопросов погашения задолженностей, обеспеченных залогом и разгрузит арбитражные суды в отношении аналогичных заявлений.

Вторая проблема также связана с суммой задолженности, которую должник преднамеренно увеличивает в преддверии своего банкротства.

На первый взгляд кажется, что в споре о банкротстве более сильной стороной является кредитор. Банкротство физического лица говорит о том, что должник находится в сложной экономической ситуации и нуждается в защите. Такая точка зрения была в обществе доминирующей.

Однако, как показала двухлетняя практика, профессиональные юристы все чаще стали отмечать жалобы кредиторов о злоупотреблениях со стороны должника, пользующегося несовершенством законодательства.

В первую очередь речь идет о преднамеренном увеличении банкротом своих долговых обязательств путем искусственно созданной задолженности и включения в реестр требований «дружественных» кредиторов.

Сейчас выделяют три крупных направления искусственного увеличения задолженности, подтвержденной судебными актами. Здесь следует согласиться с точкой зрения В.О. Аболонина, который отмечает такие свойства судебного акта, как его обязательность, особый порядок отмены и необходимость соблюдения при этом установленных процессуальных сроков, которые в совокупности ограничивают возможность пострадавших лиц исправить сложившуюся ситуацию и делают его удобным инструментом для придания видимой законности мнимым сделкам и прочим противоправным действиям [1: с. 5].

Рассмотрим указанные направления подробнее.

Следует согласиться с высказыванием, что самым быстрым способом создания фиктивной задолженности является получение в сговоре с недобросовестным должником судебного приказа при том, что приказы не публикуются в открытом доступе, что позволяет скрыть информацию о наличии долга. Вступивший в законную силу судебный приказ приобретает преюдициальное значение [2: с. 32].

Разъяснения применения законодательства в части приказного производства даны в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

Отметим, что при вынесении судебного приказа не исследуются доказательства. Вступивший в законную силу судебный приказ можно обжаловать в кассационном порядке.

Но возникает закономерный вопрос: как отменить судебный приказ лицу, не являющемуся стороной приказного производства?

Ответ на этот вопрос содержится в определении Верховного суда РФ от 24.12.2015 № 304-ЭС15-12643, в котором указано, что в процессе реализации правовой позиции Конституционного суда РФ, закрепленной в п. 6 постановления от 26.05.2011 № 10-П, применительно к рассмотрению дел о несостоятельности Пленумом ВАС РФ и Президиумом ВАС РФ даны разъяснения правовых механизмов обеспечения права на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются. В числе таких механизмов и право конкурсного кредитора и арбитражного управляющего на обжалование судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование конкурсного кредитора (п. 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35 от 22.06.2012; постановлений Президиума ВАС РФ от 12.03.2013 № 12751/12 и от 08.06.2010 № 2751/10). Если применить данное право по аналогии, то право на обжалование принадлежит и финансовому управляющему в деле о банкротстве гражданина.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ регулирует кассационное производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного приказа, руководствуясь при этом ст. 288.1, в соответствии с которой основаниями

для пересмотра в порядке кассационного производства являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход приказного производства и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод, законных интересов взыскателя или должника в делах приказного производства. Кроме того, очень важное право закреплено в ч. 6 указанной статьи, предусматривающей полномочие кассационной инстанции отменить судебный приказ, указав при этом в постановлении на право взыскателя предъявить требование в порядке искового производства или производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

Что касается судебных приказов, вынесенных мировыми судьями, то основания их отмены в кассационном порядке закреплены в ст. 387 ГПК РФ, где в качестве таковых указаны существенные нарушения норм материального права и норм процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Это придает приказному производству совершенно новое отношение к судебным приказам. Ведь ранее обжалование в кассационную инстанцию давало заинтересованным сторонам лишь малые шансы, поскольку эта инстанция в рамках своих полномочий отменяет приказ только при наличии нарушений норм процессуального права, влекущих обязательную отмену судебного акта. Рассмотрение же доказательств не предусмотрено.

В этой связи появление возможности отменить судебный приказ в рамках искового производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (ч. 1 ст. 310 АПК РФ) для заинтересованных сторон является реализацией права на судебную защиту и возможностью оспаривания сомнительных судебных приказов. Эта позиция закреплена и в п. 18 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»: «...заявление о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам может быть подано также лицами, не привлеченными к участию в деле, о правах и обязанностях которых суд принял судебный акт».

Безусловно, что такой подход законодателя, является положительным шагом в осуществлении правосудия. Однако участник, решивший оспаривать судебный приказ, должен хорошо понимать необходимость представления доказательств. Поскольку он не был участником отношений должника и кредитора (участников приказного производства), ему будет затруднительно доказать обоснованность требований отмены приказа. Тем не менее это шанс для заинтересованных лиц в их возможности противостоять необоснованным судебным приказам.

Второе направление создания фиктивной задолженности состоит в предъявлении вступивших в законную силу решений третейских судов. В настоящее

время правовое регулирование принятия решений третейскими судами осуществляется ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ (действует с 01.09.2016). Однако в тексте этого закона возможность оспаривания решений не закреплена, и чтобы обжаловать такое решение, необходимо обратиться к другим источникам.

Так, в соответствии со ст. 418 ГПК РФ решения третейских судов и международных коммерческих арбитражей с местом арбитража на территории Российской Федерации (третейские суды) могут быть оспорены сторонами третейского разбирательства, а также иными лицами, в отношении прав и обязанностей которых вынесено решение третейского суда, путем подачи заявления об отмене решения третейского суда. Данная статья наделяет правом оспаривания и лиц, не являющихся стороной третейского разбирательства. В частности, п. 3 данной статьи закрепляет следующее: «лицо, которое не является стороной третейского разбирательства и в отношении прав и обязанностей которого вынесено решение третейского суда, а также прокурор в случаях, предусмотренных ГПК РФ, вправе подать заявление об отмене этого решения в районный суд, на территории которого принято решение третейского суда, в срок, не превышающий трех месяцев со дня, когда указанное лицо узнало или должно было узнать об оспариваемом им решении третейского суда».

Из анализа текста представленной нормы следует, что речь идет об отмене решения третейского суда, но не о рассмотрении заявления по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, как это предусмотрено законом по отношению к судебным приказам.

И третье направление — это создание фиктивной задолженности посредством предъявления вступивших в законную силу решений иностранных судов, которые Российская Федерация обязана исполнять в силу заключенных международных договоров.

На первый взгляд складывается впечатление, что данный вопрос урегулирован нормами процессуального законодательства.

Так, этому вопросу полностью посвящена глава 45 ГПК РФ. В соответствии со ст. 409 ГПК РФ решения иностранных судов, в том числе решения об утверждении мировых соглашений, признаются и исполняются в Российской Федерации, если это предусмотрено каким-либо международным договором Российской Федерации. Под решениями иностранных судов понимаются решения по гражданским делам, за исключением дел по экономическим спорам и других дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, приговоры по делам в части возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ в ст. 245 закрепляет, что для исполнения решения иностранного суда и иностранного арбитражного суда арбитражный суд в Российской Федерации должен вынести соответствующее определение о признании и приведении этого решения в исполнение. Арбитражный суд может и отказать в таком признании и приведении в исполнение

решения иностранного суда, если будут установлены основания для отказа, предусмотренные ст. 244 АПК РФ.

Действительно, данные нормы регулируют вопросы о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов. Однако нерешенность ряда вопросов все же остается. Так, если вопрос о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов решается в период времени, когда уже имеются признаки банкротства, могут ли потенциальные кредиторы возражать против такого решения? Ведь такое решение напрямую может затрагивать их права и интересы. Тем не менее ответ должен быть отрицательным, поскольку они не участники дела, относящегося к данному иностранному решению, и не кредиторы, участвующие в деле о банкротстве, поскольку самого дела еще нет, а банкротство лишь предполагается.

Другой вопрос связан с уже признанными решениями иностранных судов, которые предъявляются в рамках дела о банкротстве. Можно ли признанные решения иностранных судов обжаловать? Действующее процессуальное законодательство прямого ответа на данный вопрос не дает. Отменить такое решение нельзя, поскольку оно принято не российской судебной системой. Что же тогда можно сделать? На наш взгляд, есть пока единственный вариант, а именно обжалование определения арбитражного суда о признании и приведении в исполнение в кассационном порядке. Срок такого обжалования составляет один месяц, который исчисляется со дня вынесения определения (п. 2, ст. 245 АПК РФ). В этой части возникает другая проблема — участники дела о банкротстве могли и не знать о вынесении такого определения. Следовательно, высока вероятность того, что они пропустят срок для обжалования, который исчисляется с момента вынесения определения, а не с момента, *когда заинтересованное лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих прав*. В этой части нам представляется обоснованной необходимость закрепить в законе для таких лиц возможность восстановления пропущенного процессуального срока, что позволит участникам дел о банкротстве реализовать право на судебную защиту в полном объеме.

Все вышеизложенное свидетельствует о наличии проблем в законодательстве о банкротстве физических лиц. Хочется надеяться, что обобщение судебной практики даст определенное основание для усовершенствования указанного законодательства, ведь в период экономических трудностей очень большая часть россиян может столкнуться с проблемой невозможности исполнять свои кредитные обязательства и, как следствие, попадать под банкротство.

Литература

1. *Аболонин В.О.* Фиктивные судебные процессы — нерешенная проблема гражданского процессуального права // Российский судья. 2011. № 5. С. 3–7.
2. *Кузнецов А.П., Хохлов В.Н.* Упрощенная процедура банкротства как механизм уклонения от возврата долгов // Банковское право. 2015. № 6. С. 32–38.

Literatura

1. *Abolonin V.O.* Fiktivny'e sudebny'e processy' — nereshennaya problema grazhdanskogo processual'nogo prava // Rossijskij sud'ya. 2011. № 5. S. 3–7.
2. *Kuznecov A.P., Xoxlov V.N.* Uproshhennaya procedura bankrotstva kak mexanizm ukloneniya ot vozvrata dolgov // Bankovskoe pravo. 2015. № 6. S. 32–38.

E.A. Pozdnyakova

**The Amount of the Debt as the Basis for Declaring a Citizen Bankrupt:
Issues of Theory and Judicial Practice**

For a long time the issue of bankruptcy of individuals was debatable not only in the scientific circles of legal experts, it attracted the attention of economists, financial experts, tax officials and bailiffs and of course creditors. This issue has been resolved so far and we have been practicing the bankruptcy of individuals for two years. Taking into account the results of this period practice has shown that the legislation in this part is imperfect and some problems can already be analyzed to further improve the legislation.

Keywords: citizens; bankruptcy; insolvency; fictitious bankruptcy; pledged property.

Е.В. Соломатина

Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания услуг, связанных с предоставлением облачных вычислений

В статье рассматриваются ключевые вопросы гражданско-правового регулирования отношений в сфере оказания услуг, связанных с предоставлением облачных вычислений. Исследуются модели обслуживания облачных вычислений, анализируется юридическая природа договора оказания услуг, связанных с предоставлением облачных вычислений, определяются предмет, существенные условия и содержание данного договора, его субъектный состав, а также особенности ответственности провайдера облачных вычислений.

Ключевые слова: Интернет; интернет-услуги; облачные вычисления; провайдер облачных вычислений.

Интернет в России является одним из самых активно развивающихся направлений в сфере коммуникационных технологий. Рынок услуг в сфере Интернета уже лидирует среди европейских стран по целому ряду показателей: самой большой аудитории, самого активного рекламного сегмента, самых крупных игроков. Кроме того, сохраняется высокий потенциал инновационного роста. С 2015 года наблюдается беспрецедентный рост мирового доменного пространства, активно набирает обороты российский рынок услуг облачных вычислений.

Специалисты прогнозируют, что к 2018 году объем российского рынка услуг облачных вычислений достигнет 32 млрд рублей, а среднегодовые темпы роста в период с 2013 по 2018 г. составят 27 %¹.

С учетом высокой динамики роста и расширения рынка услуг облачных вычислений и в связи с увеличением количества физических и юридических

¹ Облачные сервисы (рынок России) // Все об IT-инфраструктуре современного предприятия. URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Облачные_сервисы_\(рынок_России\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Облачные_сервисы_(рынок_России)) (дата обращения: 25.10.2017).

лиц, для которых данная интернет-услуга является востребованной, уместно более подробно остановиться на ключевых вопросах гражданско-правового регулирования отношений, возникающих в сфере оказания данных услуг в России.

В теории отечественного права под облачными вычислениями понимается автоматизированный способ предоставления вычислительных мощностей, в том числе программного обеспечения в режиме удаленного доступа через сеть Интернет по запросу клиента [5].

Основная суть облачных вычислений заключается в том, что пользователю нет необходимости приобретать лицензии на программное обеспечение и оборудование. Он покупает сервис доступа к развернутым в «облаке» программным продуктам, настроенным под его задачи, и далее платит только за те ресурсы, которые реально потребляет (это существенно минимизирует время и эксплуатационные затраты клиента) [3: с. 60].

В российском законодательстве отсутствует дефиниция «облачные вычисления», как, впрочем, и не предусматривается специальное регулирование отношений, возникающих в связи с их предоставлением клиентам (одной из причин является отсутствие общепризнанной дефиниции «облачные вычисления», а также многообразие их видов и моделей).

Однако следует обратить внимание на дефиницию «облачные вычисления», упомянутую в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹. Здесь под облачными вычислениями предлагается понимать информационно-технологическую модель обеспечения повсеместного и удобного доступа с использованием сети Интернет к общему набору конфигурируемых вычислительных ресурсов («облаку»), устройствам хранения данных, приложениям и сервисам, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены от нагрузки с минимальными эксплуатационными затратами или практически без участия провайдера. Обозначенная дефиниция облачных вычислений полностью соответствует дефиниции облачных вычислений, предложенной Национальным институтом стандартов и технологий США (*англ.* The National Institute of Standards and Technology, NIST), и являющейся, по мнению некоторых ученых, наиболее подходящей [7; 8].

На практике выделяют три основные модели [2; 5] обслуживания облачных вычислений²:

1. Программное обеспечение как услуга (Software as a Service (далее — SaaS)) — клиенту предоставляется возможность использования прикладного программного обеспечения провайдера, осуществляющего облачные

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2017).

² Облачные вычисления // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Облачные_вычисления (дата обращения: 10.05.2017).

вычисления удаленно через Интернет (Facebook, Gmail, iCloud и др.). Контроль и управление основной физической и виртуальной инфраструктурой «облака», в том числе сетью, серверами, операционными системами, системами хранения и даже индивидуальными возможностями приложения (за исключением ограниченного набора пользовательских настроек конфигурации приложения) осуществляется провайдером.

2. Платформа как услуга (Platform as a Service (далее — PaaS)) — клиенту предоставляется возможность использования облачной инфраструктуры для разработки, тестирования, развертывания и поддержки веб-приложений (Amazon Web Services, Google App Engine и др.). Контроль и управление основной физической и виртуальной инфраструктурой «облака», в том числе сетью, серверами, операционными системами и системами хранения осуществляется провайдером, за исключением разработанных или установленных приложений, а также, по возможности, параметров конфигурации среды (платформы).

3. Инфраструктура как услуга (Infrastructure as a Service (далее — IaaS)) — клиенту предоставляется возможность самостоятельного управления ресурсами обработки, хранения, сетями и другими фундаментальными вычислительными ресурсами (Amazon Web Services и др.). Клиент может контролировать операционные системы, виртуальные системы хранения данных и установленные приложения, а также обладать ограниченным контролем за набором доступных сетевых сервисов. Контроль и управление основной физической и виртуальной инфраструктурой «облака», в том числе сетью, серверами, типами используемых операционных систем, системами хранения осуществляется провайдером.

По оценке российской группы iKS-Consulting многие крупные игроки российского рынка услуг облачных вычислений одновременно работают в сегментах SaaS и IaaS, дополняя их услугами обеспечения инфраструктуры и предоставляя главным образом виртуальные хранилища данных и дополнительные вычислительные мощности³.

Полагаем, что если предметом договора оказания услуг, связанных с предоставлением облачных вычислений (далее — договор), выступают действия провайдера по предоставлению клиенту вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети Интернет, то стороны должны заключать договор возмездного оказания информационных услуг с конкретизацией действия в предмете договора (в зависимости от одной из перечисленных выше моделей обслуживания — SaaS, PaaS, IaaS [7]).

Существенными условиями, конкретизирующими предмет договора (для каждой из моделей обслуживания), также является указание на количество предоставляемого свободного дискового пространства с учетом ряда качественных показателей. К качественным показателям относятся: вид диска

³ Облачные сервисы (рынок России) // Все об IT-инфраструктуре современного предприятия. URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Облачные_сервисы_\(рынок_России\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Облачные_сервисы_(рынок_России)) (дата обращения: 25.10.2017).

(SSD, SSD+HDD, HDD), объем оперативной памяти (в МБ), количество ядер процессора (например, от 4 до 16), время доступности серверов провайдера (обеспечение доступности сервиса особенно важно для корпоративного клиента). Вместе с тем некоторые провайдеры предусматривают исключительные ситуации, по причине которых они могут не оказывать услуги, связанные с предоставлением облачных вычислений клиентам (проблемы с подачей электроэнергии, форс-мажоры и др. [7]).

Цена договора не является существенным условием. Предоставление облачных вычислений может быть платным и бесплатным. В случае, если услуги, связанные с предоставлением облачных вычислений, платные, то на практике в договоре предусматривается обязанность клиента оплачивать услуги провайдера на определенный период (чаще всего оплата помесечная или годовая) или производить оплату за фактически оказанные услуги. Если цена в договоре не определена, то действуют правила гражданского законодательства об оказании услуг по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные услуги. Некоторые провайдеры также могут предлагать бесплатный тестовый период при условии какого-либо ограничения на использование услуг (например, ограничения по времени или по объему). Как правило, тестовый период не может превышать 30 календарных дней с момента начала оказания клиенту услуги в соответствии с условиями договора.

В свою очередь, некоторые формально бесплатные услуги могут налагать на клиента неденежные расходы, такие как получение контекстной рекламы или наложение условий лицензии, которые позволяют провайдеру повторно использовать данные клиента в своих собственных целях [9].

Различие между платными и бесплатными облачными вычислениями состоит в том, что первые, как правило, включают в себя инфраструктуру IaaS, о чем свидетельствуют продукты Amazon Web Services EC2 и S3. Последние, как показывает практика, ориентированы на массовых потребителей и предлагают такие услуги, как электронная почта, хранение файлов и т. п. [9].

Срок действия договора не является его существенным условием. Договор может быть заключен как на неопределенный срок, так и на какой-то ограниченный срок. При оказании платных услуг обычно указывается срок договора, возможность его продления и порядок оплаты. При оказании бесплатных услуг, как правило, отсутствует фиксированный срок договора.

Что касается формы договора, то на практике подобный договор чаще всего заключается путем конклюдентных действий, то есть для его заключения заказчику необходимо пройти процедуру регистрации и согласиться с правилами оказания услуг исполнителем, размещенными на сайте исполнителя. После регистрации исполнитель высылает заказчику регистрационные данные для обеспечения прав доступа (с присвоением ему уникального имени (login) и выдачей пароля (password) для входа в систему с созданием отдельного аккаунта для работы). При этом договор считается заключенным после осуществления заказчиком оплаты по договору или подтверждения

заказчиком факта дальнейшего использования услуги. Необходимо учитывать, что если заказчиком по подобному договору является юридическое лицо, то оригинал договора для подписания, а также акты приема-передачи оказанных услуг направляются исполнителем заказчику по почте.

Поскольку данные могут храниться на серверах, расположенных в других странах, важным вопросом, который должен быть урегулирован договаривающимися сторонами, является вопрос применимого права.

Сторонами рассматриваемого договора, как и любого другого договора оказания услуг, выступают заказчик и исполнитель. Исполнителем по данному договору является провайдер облачных вычислений. В качестве провайдера облачных вычислений, как правило, выступает юридическое лицо. В качестве заказчика услуг провайдера облачных вычислений (клиента) — любое лицо. Обращает на себя внимание тот факт, что юридические лица (как правило, крупные компании, в том числе банки и государственные корпорации) имеют больше возможностей для обсуждения договорных условий по сравнению с физическими лицами [7]. С физическими лицами, как правило, заключается публичный договор (провайдером на сайте размещаются условия публичной оферты, доступной клиентам). Чтобы совершить акцепт, клиент должен проставить отметку о принятии условий оферты нажатием кнопки-иконки (кнопки «Согласен», «Принять»).

Что касается прав и обязанностей сторон, то в соответствии с определением предмета договора провайдер облачных вычислений обязан предоставить клиенту определенный объем дискового пространства для размещения информации в сети Интернет, а также оказать ряд иных услуг (возможность разработки, тестирования, развертывания и поддержки веб-приложений в «облаке» с использованием языков программирования и инструментов, поддерживаемых провайдером и др.) в соответствии с используемой клиентом моделью (моделями) обслуживания облачных вычислений (SaaS, PaaS, IaaS).

Провайдер имеет право прекратить оказание услуг клиенту в случае нарушения им норм действующего законодательства Российской Федерации либо существенного нарушения условий договора.

Провайдер обязан обеспечивать непрерывное подключение облачной инфраструктуры к сети Интернет, принимать меры для устранения неисправностей, перерывов или ухудшения качества оказания услуг, а также своевременно информировать клиента о возникших чрезвычайных ситуациях, затрудняющих или ухудшающих получение услуг.

Также договором может быть предусмотрена обязанность провайдера информировать клиента о возможных перерывах в оказании услуги при проведении плановых работ (работ по изменению функционала услуги или техническому обслуживанию облачной инфраструктуры) минимум за 24 часа отправкой уведомления на электронную почту клиента.

В случае изменения условий обслуживания клиента (в том числе тарифов на оплату) провайдер облачных вычислений обязан заблаговременно

размещать информацию об этом на своем официальном сайте. Ряд провайдеров предусматривают такие договорные условия, в соответствии с которыми они могут вносить изменения в договор, просто размещая обновленную его версию на своем веб-сайте (подразумевается, что дальнейшее использование услуги клиентом считается принятием измененных условий). Если услуги предоставляются по оплачиваемому договору, такое условие обычно включает ссылку на положение, в соответствии с которым клиент, который не желает принимать измененные условия, может расторгнуть договор. Apple, например, оставляет за собой право вносить изменения в договор, но при этом уточняет, что будет информировать клиентов по электронной почте. И только некоторые провайдеры (Google Apps Premier, Iron Mountain и Salesforce CRM) предусматривают, что изменения договорных условий могут быть приняты только в письменной форме с согласия обеих сторон [7].

Провайдер обязан сохранять конфиденциальность информации клиента, полученной от него (однако этот вопрос должен быть надлежащим образом предусмотрен договором).

Клиент имеет право размещать в «облаке» любой контент, не противоречащий законодательству Российской Федерации и условиям договора. При этом клиент обязан самостоятельно контролировать содержание размещаемой информации.

В случае предоставления облачных вычислений на возмездной основе клиент обязан своевременно и в полном объеме производить оплату услуг провайдера. На практике оплата услуг провайдера чаще всего производится путем пополнения баланса лицевого счета, открытого в личном кабинете клиента на сайте провайдера. Клиент обязан предоставлять провайдеру достоверную информацию о себе, а также сообщать обо всех изменениях указанной информации. В случае несоблюдения данного правила ответственность за недостоверное сообщение данных несет клиент.

Что касается бесплатных облачных вычислений, то в данном случае клиент взамен получаемой услуги обязуется не совершать определенных действий, противоречащих действующему законодательству (не распространять материалы, относящиеся к порнографии, оскорбляющие человеческое достоинство, пропагандирующие экстремизм, разжигающие расовую, национальную или религиозную вражду и др.). М.М. Агарков относит такого рода договоры к обязательствам с отрицательным содержанием, то есть обязательствам, содержанием которых является не совершение действия, а воздержание от такового. «Содержание обязательственного правоотношения может заключаться как в праве требовать от должника совершения какого-либо действия, так и в праве требовать воздержания от действия» [1].

Ответственность за сохранение конфиденциальности и целостности информации клиента, как правило, лежит на провайдере. Однако этот вопрос должен быть надлежащим образом предусмотрен договором.

Распространена практика, когда провайдеры рекомендуют клиенту зашифровать данные, хранящиеся в «облаке» провайдера (например, GoGrid,

Microsoft) или специально возлагают на клиента ответственность за создание отдельных механизмов резервного копирования. Например, Amazon предусматривает, что они не несут никакой ответственности перед клиентами за любой несанкционированный доступ или использование, повреждение, удаление, уничтожение или потерю любого контента или приложений. Примечательно, что подобные условия налагаются даже такими провайдерами, как ADrive и Apple [9].

Провайдер может также нести ответственность за потерю данных (однако и этот вопрос должен быть надлежащим образом предусмотрен договором) [9]. Например, ОАО «Ростелеком» в договоре об оказании услуг на базе облачной платформы предусматривает положение, в соответствии с которым ни одна из сторон ни при каких обстоятельствах не несет никакой ответственности перед другой стороной за остановку производства, утраченный бизнес, потерю данных, упущенную выгоду и любые другие косвенные потери и их последствия, в том числе возникшие в результате перерывов в оказании каких-либо услуг, вне зависимости от того, могла или нет сторона предвидеть возможность таких потерь в конкретной ситуации, за исключением случаев, предусмотренных договором. Вместе с тем в российской практике встречаются договоры, положения которых предоставляют право клиенту восстановить свои потерянные данные путем направления провайдеру соответствующего запроса (при этом в договоре может уточняться, что восстановление данных производится только при условии наличия технической возможности).

Конструирование облачных вычислений по модели договора возмездного оказания услуг позволяет подчеркнуть наличие у провайдеров статуса информационного посредника, что позволяет им воспользоваться специальными положениями об освобождении от ответственности при распространении запрещенных видов информации, предусмотренных статьей 17 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5].

Что касается ответственности клиента по договору, то общим для всех договоров такого рода является правило, что клиент самостоятельно несет ответственность за всю размещенную в «облаке» или переданную в частном порядке с помощью оборудования провайдера информацию.

Важно отметить, что включение в договор положений, предусматривающих ответственность провайдера в случае потери данных и др., будет также зависеть от характера оказываемых услуг (в частности, являются они возмездными или нет) [7].

Договоры на предоставление облачных вычислений должны предусматривать положения, отвечающие интересам обеих сторон. В частности, должны быть конкретизированы вопросы, связанные с конфиденциальностью и целостностью данных, защитой персональных данных и соблюдением прав интеллектуальной собственности, непрерывностью доступа к данным, существованием обязательных резервных копий данных, сроком хранения

данных в «облаке» в связи с прекращением договорных отношений и др. (ряд проблем, связанных с обозначенными вопросами, в 2009 году описало Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (ENISA) [7]). Сложившийся в настоящий момент способ установления отношений по поводу предоставления облачных вычислений фактически не оставляет возможности для обсуждения таких договорных условий между провайдером и клиентом (за исключением юридических лиц, которые, по сравнению с физическими лицами, имеют больше возможностей для обсуждения договорных условий). Учитывая, что не каждый заказчик обладает специальными знаниями, необходимыми для заключения подобного рода договоров, государство должно оказывать поддержку данному субъекту [4: с. 34].

В некоторых странах уже принято специальное законодательство, направленное на регулирование отношений, связанных с предоставлением облачных вычислений (пример: государства — члены Европейского союза, Соединенные Штаты Америки) [7].

Важность надлежащего правового регулирования в данной сфере отношений осознается и российским законодателем, что подтверждается принятием уже упоминавшейся Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, положения которой, как представляется, в дальнейшем могут быть использованы для формирования отраслевого законодательства и конкретизирующих его подзаконных актов. Данным документом предусматривается, что облачные вычисления являются одним из основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий. При этом в Стратегии не отражены такие важные аспекты, как особенности деятельности в сфере использования облачных вычислений, особенности доступа к данным в «облаке» (в том числе их раскрытия, передачи и иной обработки) и др.

В этой связи российскому законодателю необходимо учитывать международную практику. В частности, следует обратить внимание на Стратегию развития облачных вычислений Европейского союза, представленную Европейской комиссией еще в 2012 году и получившую название «Раскрытие потенциала облачных вычислений в Европе» (Unleashing the potential of cloud computing in Europe)⁴. Раздел 3.2. данного документа среди основных направлений развития облачных вычислений предусматривает: общеевропейскую сертификацию надежных провайдеров облачных вычислений; развитие «безопасных и справедливых» условий для договоров на предоставление облачных вычислений, включая соглашения об уровне обслуживания (SLA); партнерство правительств стран Европейского союза с облачной индустрией для повышения покупательной способности государственного сектора и формирования европейского облачного рынка.

⁴ European Cloud Strategy 2012 = Стратегия развития облачных вычислений Европейского союза // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/european-cloud-computing-strategy> (дата обращения: 09.05.2017).

Литература

1. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 490 с. С. 187–210.
2. *Демьянец М.В., Елин В.М., Жарова А.К.* Предпринимательская деятельность в сети Интернет: монография. М.: Юркомпани, 2014.
3. *Жиляев А.Н.* Некоторые вопросы использования облачных технологий в российских и зарубежных банках // Деньги и кредит. 2016. № 1. С. 55–60.
4. *Кожеевникова Ю.С.* Проблемы регламентации отношений, формирующихся при использовании информационных облачных технологий: сочетание регулирования и саморегулирования // Юрист. 2014. № 13. С. 30–35.
5. *Савельев А.И.* Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 62–99.
6. *Терещенко Л.К.* Правовые проблемы использования «облачных» технологий // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 1. С. 37–43.
7. *Carlos A. Rohrmann & Juliana Falci Sousa Rocha Cunha.* Some legal aspects of cloud computing contracts // Journal of International Commercial Law and Technology. Vol. 10. No. 1. 2015. P. 37–45.
8. *Marioara Maxim.* The rights and obligations of the main stakeholders in cloud computing services // Perspectives of Business Law Journal. 2015. Vol. 4. Issue 1. P. 190–203.
9. *Simon Bradshawt, Christopher Millard, Ian Walden.* Contracts for clouds: comparison and analysis of the Terms and Conditions of cloud computing services // International Journal of law and Information Technology. Vol. 19. No. 3. Oxford University Press. 2011.

Literatura

1. *Agarkov M.M.* Obyazatel'stvo po sovetскому grazhdanskomu pravu // Agarkov M.M. Izbranny'e trudy' po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. 1. M.: AO «Centr YurInfoR», 2002. 490 s. S. 187–210.
2. *Dem'yanecz M.V., Elin V.M., Zharova A.K.* Predprinimatel'skaya deyatel'nost' v seti Internet: monografiya. M.: Yurkompani, 2014.
3. *Zhilyaev A.N.* Nekotory'e voprosy' ispol'zovaniya oblachny'x texnologij v rossijskix i zarubezhny'x bankax // Den'gi i kredit. 2016. № 1. S. 55–60.
4. *Kozhevnikova Yu.S.* Problemy' reglamentacii otnoshenij, formiruyushhixsya pri ispol'zovanii informacionny'x oblachny'x texnologij: sochetanie regulirovaniya i samoregulirovaniya // Yurist. 2014. № 13. S. 30–35.
5. *Savel'ev A.I.* Pravovaya priroda «oblachny'x» servisov: svoboda dogovora, avtorskoje pravo i vy'sokie texnologii // Vestnik grazhdanskogo prava. 2015. № 5.
6. *Tereshhenko L.K.* Pravovy'e problemy' ispol'zovaniya «oblachny'x» texnologij // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2012. № 1. S. 37–43.
7. *Carlos A. Rohrmann & Juliana Falci Sousa Rocha Cunha.* Some legal aspects of cloud computing contracts // Journal of International Commercial Law and Technology. Vol. 10. No. 1. 2015. P. 37–45.
8. *Marioara Maxim.* The rights and obligations of the main stakeholders in cloud computing services // Perspectives of Business Law Journal. 2015. Vol. 4. Issue 1. P. 190–203.

9. *Simon Bradshawt, Christopher Millard, Ian Walden.* Contracts for clouds: comparison and analysis of the Terms and Conditions of cloud computing services // International Journal of law and Information Technology. Vol. 19. No. 3. Oxford University Press. 2011.

E.V. Solomatina

**Civil and Law Regulation of Relations
in Providing Services Related to Cloud Computing**

The article examines the key issues of civil and law regulation of relations in providing the services related to cloud computing. We study models of cloud computing services, analyze the legal nature of the contract for rendering services related to the provision of cloud computing, determine the subject matter, the essential conditions and content of this contract, its subject composition, as well as the features of the responsibility of the provider of cloud computing.

Keywords: Internet; Internet services; cloud computing; provider of cloud computing.

Н.Г. Семионкина

Особенности правового регулирования общественного призрения в Российской империи

В статье раскрываются некоторые особенности правового регулирования общественного призрения в Российской империи. В качестве главных особенностей названы сословный и децентрализованный характер этой системы. Показаны особенности Устава об общественном призрении как источника права. Подчеркивается, что общественное призрение носит факультативный характер, оно не решает всех основных социальных проблем населения страны.

Ключевые слова: право; Российская империя; общественное призрение; благотворительность; законодательство.

В современных условиях решение социальных проблем населения осуществляется на основе сочетания государственной социальной поддержки и благотворительной деятельности общественных организаций и частных лиц. В период Российской империи был накоплен большой опыт организации и деятельности самых различных структур и заведений, ориентированных на оказание поддержки социально незащищенным и нуждающимся слоям населения. История правового регулирования этой деятельности исследована пока недостаточно и в современных условиях представляет большой теоретический и практический интерес. Совершенствование правовой политики в социальной сфере может и должно осуществляться с учетом опыта прошлого как позитивного, так и негативного.

В современных условиях термин «общественное призрение» в официальных документах и нормативных актах не употребляется. В Российской империи именно этот термин употреблялся в законодательстве, обозначая собой тот круг вопросов, который сегодня характеризуется как «социальная защита» и «социальное обслуживание».

Для понимания содержания данного термина представляет интерес норма Устава об общественном призрении, определявшая предмет призрения: «1) установление, содержание и управление богоугодных и общественных заведений, как-то: сиротских и воспитательных домов, больниц и домов для призрения умалишенных, богаделен и работных домов для прокормления неимущих работою; 2) заведывание подобными заведениями, от частных лиц и обществ учрежденными...» [5].

Данная статья показывает, что в основе системы общественного призрения, по замыслу законодателя, лежала сеть различных заведений и учреждений, которые оказывали помощь неимущим. Эти заведения и учреждения могли создаваться частными лицами, но состояли под наблюдением и контролем государства в лице соответствующих властных структур, прежде всего Министерства внутренних дел.

Необходимость осуществления призрения неимущих осознавалась государством и была вызвана низким жизненным уровнем населения страны, широким распространением бедности, нищенства, сиротства [4: с. 99]. В то же время наличие призрения еще не означало, что существовала целостная система социальной помощи нуждающимся. Призрение охватывало лишь небольшую часть населения, как правило, городского, и не могло решить всех социальных проблем.

Рассматривая правовые основы организации и деятельности общественного призрения в Российской империи, невозможно не уделить внимание такому основополагающему источнику права того времени, как Устав об общественном призрении, который уже упоминался выше.

Анализ Устава об общественном призрении следует осуществлять на основе следующих теоретико-методологических предпосылок:

1. Для целей историко-правового исследования понятия «источник права» и «форма права» вполне можно отождествлять, в то время как в теории государства и права существует позиция, позволяющая их разграничивать.

2. Устав общественного призрения неразрывно связан с другими источниками права Российской империи и потому должен рассматриваться как элемент целостной системы права, как часть механизма правового регулирования.

3. Следует различать нормы, закрепленные в самом источнике, и эти же нормы в реальных общественных отношениях, понимая право именно как нормы в действии.

Устав об общественном призрении являлся составной частью Свода законов Российской империи, который был составлен в результате кодификационных работ, проведенных при непосредственном участии выдающегося правоведа и государственного деятеля М.М. Сперанского.

До принятия Устава об общественном призрении правового регулирования общественного призрения и благотворительности в Российской империи осуществлялось на основе отдельных разрозненных актов, принимавшихся в разное время и порой содержавших достаточно противоречивые нормы.

Устав об общественном призрении фактически представлял собой кодификацию всего действовавшего на тот момент законодательства в области призрения и благотворительности. При его составлении были исключены повторы и некоторые противоречивые положения, что способствовало повышению качества соответствующего правового регулирования.

В то же время Устав об общественном призрении не регулировал все вопросы, связанные с призрением и оказанием помощи нуждающимся. Действовали

и иные многочисленные источники права, связанные с этими вопросами и посвященные своим отдельным направлениям (темам). Например, пенсионное обеспечение, которое формально не относилось к системе общественного призрения, устанавливалось целым рядом последовательно принимавшихся нормативных актов. При этом оно не было всеобщим и распространялось только на отдельные категории «служилых людей», в первую очередь государственных чиновников и военнослужащих.

В соответствии с Уставом об общественном призрении все заведения призрения в Российской империи делились на общественные, церковные и частные.

Важную роль в системе заведений призрения и их финансировании играли учреждения, создававшиеся и функционировавшие под покровительством членов императорской семьи. Наиболее разветвленной и обширной была сеть учреждений Ведомства императрицы Марии Федоровны. Большую работу проводило Императорское человеколюбивое общество, созданное императрицей Елизаветой Федоровной. Заведения, находившиеся под таким высоким покровительством, обычно не испытывали нужды в материальных ресурсах.

Особенностью системы общественного призрения в Российской империи являлся его сословный характер. Несмотря на складывание капиталистических производственных отношений, российское общество в этот период сохраняло свой полуфеодальный характер, что проявлялось и в сословном делении общества. Законодательство о призрении носило выраженный сословный характер, устанавливая специальные формы и структуры призрения для различных сословий.

Существование различных сословий, наделенных разными объемами прав и обязанностей, накладывало свой отпечаток на все сферы жизни и определяло особенности их правового регулирования. Это проявлялось и в организации общественного призрения. Отдельные системы призрения были предусмотрены законодательством для крестьянства, духовенства, городских жителей, служилых чинов. В такой системе можно найти как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, она предполагала более адресный подход к оказанию социальной поддержки. С другой стороны, организация призрения на сословных началах нарушала принцип формального равенства, негативно влияла на качество оказываемой помощи и ее объемы.

Еще одна особенность системы общественного призрения в Российской империи состояла в ее децентрализованном характере. Учреждения призрения имели различную ведомственную принадлежность. Наряду с учреждениями, находившимися под Высочайшим покровительством, существовали заведения, которые создавались и контролировались городами, земствами, церковными властями, частными лицами. Подобная децентрализация не способствовала координации работы всей системы общественного призрения, ее полноценному развитию, в конечном итоге она снижала качество и эффективность оказания социальной помощи нуждавшимся.

Анализ законодательства тех лет позволяет представить систему общественного призрения в Российской империи в виде следующих подсистем:

- заведения и учреждения, состоявшие под Высочайшим покровительством и имевшие «полугосударственный» характер;
- земские заведения и учреждения;
- городские заведения и учреждения;
- церковные заведения и учреждения;
- частные благотворительные общества и учреждения.

Для каждой из этих подсистем существовало отдельное правовое регулирование.

Большинство населения Российской империи составляли крестьяне. До отмены крепостного права забота о призрении неимущих крестьян возлагалась на помещиков.

«Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», подписанное императором Александром II 19 февраля 1861 г., вывело крестьян из-под власти помещиков и возложило на крестьянские общества в числе иных многочисленных мирских повинностей и задачу призрения престарелых, дряхлых и увечных членов общества, у которых не было родственников, а также призрение сирот. Порядок и способы осуществления такого призрения Положением не устанавливались. В целом отмена крепостного права остро поставила вопрос об организации социального призрения применительно именно к сельскому населению. Но этот вопрос в законодательстве Российской империи так и не был полноценно решен.

С введением в действие Положения о земских учреждениях в тех губерниях, где создавались земства, малоэффективные Приказы общественного призрения ликвидировали, и функции этих органов по организации социального призрения перешли к земским учреждениям. Согласно ст. 2 «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г., к делам, подведомственным земским учреждениям, были отнесены такие вопросы, как заведование земскими лечебными и благотворительными заведениями, а также осуществление попечения о призрении бедных, неизлечимых больных, увечных и умалишенных, оказание помощи нуждающемуся населению законными способами. При этом в законодательстве устанавливалось, что в необходимых случаях земские учреждения могут организовывать сборы на нужды общественного призрения.

В западных губерниях, где не создавались земства, было введено Положение об управлении благотворительными заведениями (1870). В качестве структуры, призванной заниматься решением социальных вопросов, в этих губерниях учреждались Губернские и Уездные советы общественного призрения, подчиненные Министерству внутренних дел.

Городовое положение от 16 июня 1870 г., создававшее новую систему городского общественного управления, отнесло к предметам его ведения вопрос устройства за счет городских средств богаделен и больниц и руководство их

деятельностью ими на основаниях, установленных для земских учреждений [3: с. 153].

Негативной чертой государственно-правовой системы Российской империи была ее бюрократизация. Многие вопросы требовали решения на самом высоком уровне, решение большинства вопросов сильно затягивалось. Основной системы общественного призрения выступали разного рода благотворительные общества, которые преследовали различные цели и не составляли целостной системы социальной поддержки. Однако надо отметить, что благотворительность в принципе не может решить всех социальных проблем, да и не ставит перед собой такой задачи. К тому же деятельность благотворительных структур в те годы осложнялась бюрократическими препонами и недостатками в законодательной регламентации.

Уставы благотворительных обществ требовали официального утверждения, которое часто сопровождалось бюрократической волокитой, разного рода препонами. На практике бывало, что всего одна строка устава, не понравившаяся чиновнику, могла послужить поводом для отказа в открытии благотворительного общества [2: с. 332].

Неполное, противоречивое в отдельных моментах законодательство восполнялось административной практикой, так как нередко вместо законов издавались подзаконные акты Министерства внутренних дел или других ведомств. В итоге лицам, занимавшимся организацией благотворительности, было сложно отыскать необходимые и применимые нормы, которые рассылались по местам губернаторам и порой просто терялись в канцеляриях среди многочисленных постановлений и распоряжений.

В начале XX века в процессе общей либерализации законодательства об общественных объединениях и особенно после принятия «Временных правил об обществах и союзах» от 04 марта 1906 г. [1] создание благотворительных обществ несколько упростилось.

В целом общественное призрение можно рассматривать как выражение социальной функции государства. Но должной полноты у этой социальной функции не будет, так как призрение носит факультативный характер, оно не решает всех основных социальных проблем населения страны.

Литература

1. Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3, т. 26, № 27479.
2. *Комаров Н.И., Пашенцев Д.А., Пашенцева С.В.* Очерки истории права Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Статут, 2006. 384 с.
3. *Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г.* История отечественного государства и права. М.: Инфра-М, 2016. 428 с.
4. *Семионкина Н.Г.* Предпосылки развития социального законодательства в Российской империи начала XX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки» 2015. № 1. С. 98–102.

5. Устав об общественном призрении // Свод законов Российской империи. Т. XIII. Пг., 1915. 243 с.

Literatura

1. Vremenny'e pravila ob obshhestvax i soyuzax ot 4 marta 1906 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3, t. 26, № 27479.

2. Komarov N.I., Pashenczev D.A., Pashenczeva S.V. Ocherki istorii prava Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). M.: Statut, 2006. 384 s.

3. Pashenczev D.A., Chernyavskij A.G. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. M.: Infra-M, 2016. 428 s.

4. Semionkina N.G. Predposy'lki razvitiya social'nogo zakonodatel'stva v Rossijskoj imperii nachala XX veka // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki» 2015. № 1. S. 98–102.

5. Ustav ob obshhestvennom prizrenii // Svod zakonov Rossijskoj imperii. Т. XIII. Pг., 1915. 243 s.

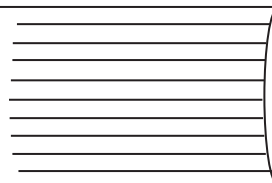
N.G. Semionkina

Features of Legal Regulation of Public Assistance in the Russian Empire

The article reveals some features of the legal regulation of public assistance in the Russian Empire. The class and decentralized nature of this system is mentioned as the main feature. The features of the Charter on public charity are shown as a source of law. It is emphasized that public assistance is optional, it does not solve all major social problems of the population of the country.

Keywords: law; Russian empire; public assistance; charity; legislation.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2017, № 4 (28)**

Афанасьева Светлана Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (AfanasevaSA@mgpu.ru).

Васильев Илья Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (i.vasilev@spbu.ru).

Головина Анна Александровна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (aagolovina@mail.ru).

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (adorskaya@yandex.ru).

Звонарев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (azvonarev@mail.ru).

Ившина Ирина Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (irenmah@gmail.com).

Минникес Ирина Викторовна — доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Иркутского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (ivminnikes@mail.ru).

Павленко Евгения Михайловна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права и прав человека Юридического института МГПУ (evgeniyapavlenko74@gmail.com).

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ, ведущий научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (dp-70@mail.ru).

Позднякова Елена Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», адвокат (elenaap7306@mail.ru).

Ростиславлев Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (RostislavlevDA@mgpu.ru).

Семионкина Наталья Георгиевна — преподаватель Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова (orui@mvd.ru).

Соломатина Елена Владимировна — аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (elena_chizhova2015@bk.ru).

Честнов Илья Львович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института АГП РФ (ichestnov@gmail.com).

AUTHORS

of «Vestnik Moscow City University»,
a Series of «Legal Sciences», 2017, № 4 (28)

Afanasyeva Svetlana Anatolievna — PhD in Law, Associate Professor, assistant professor of the Department of State and Legal Disciplines, Law Institute, Moscow City University (AfanasevaSA@mgpu.ru).

Vasilyev Ilya Alexandrovich — PhD in Law, Associate Professor, assistant professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University (i.vasilev@spbu.ru).

Golovina Anna Alexandrovna — PhD in Law, Senior Researcher of the Department of Theory of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (aagolovina@mail.ru).

Dorskaya Alexandra Andreevna — Doctor in Law, Professor, Head of the Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg (adorskaya@yandex.ru).

Zvonarev Andrey Vladimirovich — PhD in History, Associate Professor, assistant professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Moscow City University (azvonarev@mail.ru).

Ivshina Irina Nikolaevna — PhD in Law, Associate Professor, assistant professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, Northwest Branch of Russian State University of Justice (irenmah@gmail.com).

Minnickes Irina Viktorovna — Doctor in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Ministry of Justice of the Russian Federation) (ivminnickes@mail.ru).

Pavlenko Evgeniya Mikhailovna — PhD in Law, Associate Professor, assistant professor of the Department of International Law and Human Rights, Law Institute, Moscow City University (evgeniyapavlenko74@gmail.com).

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — Doctor in Law, Professor, professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Moscow City University, Leading Researcher of the Department of Theory of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (dp-70@mail.ru).

Pozdnyakova Elena Aleksandrovna — PhD in Law, Associate Professor, assistant professor of Theory and History of Law, Faculty of Law, National Research University of “Higher School of Economics”, a barrister (elenaap7306@mail.ru).

Rostislavlev Dmitriy Alexandrovich — PhD in History, Associate Professor, assistant professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Moscow City University (RostislavlevDA@mgpu.ru).

Semionkina Natalia Georgievna — a lecturer of Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov (orui@mvd.ru).

Solomatina Elena Vladimirovna — graduate student of the Department of Civil Law Disciplines, Law Institute, Moscow City University (elena_chizhova2015@bk.ru).

Chestnov Ilya Lvovich — Doctor in Law, Professor, professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation» (ichestnov@gmail.com).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной статьи, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата за публикацию рукописей в журнале не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору *Дмитрию Алексеевичу Пашенцеву*.

Адрес редакции: Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета).

Телефон редакции: (499) 959-55-51.

E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
2017. № 4 (28)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

С.П. Пузырьков

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А.В. Бармин, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 24.11.2017 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Объем: 8,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.